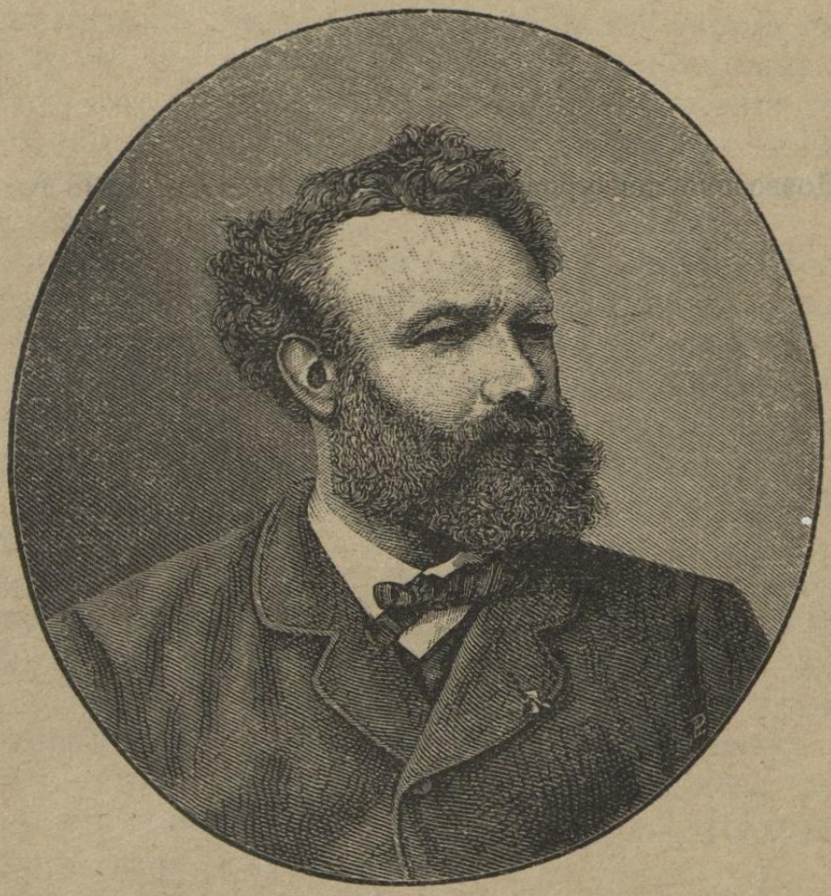
Жюль Вернъ.

Ледяной сфинксъ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.



Часть II.

Съ рисунками Riy.

Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина.

МОСКВА.—1898.

Дозволено цензурою. Москва, 26 февраля 1898 года.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Артуръ Пимъ?..

Намѣреніе капитана Ленъ Гайя сняться съ якоря на слѣдующій же день утромъ и итти къ сѣверу, неудачно закончившаяся экспедиція, нежеланіе, почему-то, искать потерпѣвшихъ крушеніе въ другой части антарктическаго моря, — все это страшно волновало мой умъ, и я даже и представить себѣ не могъ, какія причины произвели такую перемѣну въ мысляхъ капитана Ленъ Гайя.

Неужели „Гальбранъ“ такъ-таки и покинетъ на произволъ судьбы несчастныхъ шесть человѣкъ, капитана и матросовъ, которые, если вѣрить записной книжкѣ Паттерсона, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, находились гдѣ-то въ этихъ мѣстахъ!.. Неужели экипажъ голета откажется выполнить до конца тотъ долгъ, который налагала на него, свойственная каждому человѣку, любовь къ ближнему?.. Неужели онъ не попытается сдѣлать все, что онъ только въ состояніи сдѣлать для того, чтобы отыскать континентъ или островъ, куда, по всей вѣроятности, перебрались капитанъ Уилльямъ Гай и матросы съ острова Тсалаль, который сдѣлался необитаемымъ, вслѣдствіе землетрясенія?..

А между тѣмъ, теперь былъ только еще конецъ декабря, второй день Рождества, то-есть почти что начало лѣтняго времени года. Мы имѣли передъ собой два лѣтнихъ мѣсяца для плаванія по этой части Антарктиды, и я увѣренъ, что мы свободно успѣемъ возвратиться къ полярному кругу до наступленія полярной зимы... И вдругъ „Гальбранъ“ хочетъ уже теперь итти къ сѣверу.

Вотъ что пришло мнѣ въ голову, когда я сталъ обдумывать рѣшеніе капитана. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что капитанъ имѣлъ право, и даже очень большое, поступить именно такимъ образомъ.

Начать хотя бы съ того, что до сихъ поръ „Гальбранъ“ шелъ не наудачу. Сообразуясь съ указаніями дневника Артура Пима, голетъ шелъ къ заранѣе намѣченному пункту — къ острову Тсалаль. На основаніи записной книжки Паттерсона, мы были почти увѣрены, что именно на этомъ островѣ мы найдемъ капитана Уилльяма Гайя и пятерыхъ матросовъ, какимъ-то образомъ случайно не попавшихъ въ западню, устроенную туземцами Клокъ-Клока. Но мы не нашли на островѣ Тсалаль ни ихъ и ни одного человѣка изъ туземнаго населенія. Удалось ли имъ бѣжать съ острова до катастрофы, происшедшей, можетъ-быть,

даже вскорѣ послѣ отъѣзда Паттерсона, то-есть меньше, чѣмъ семь или восемь мѣсяцевъ тому назадъ?..

Но какъ бы тамъ ни было, а весь вопросъ сводился къ слѣдующей, въ сущности, очень простой дилеммѣ: или капитанъ и матросы съ „Джэнъ“ погибли, и тогда „Гальбранъ“ долженъ немедленно плыть обратно, или же они еще живы, и тогда мы должны продолжать поиски.

Если предположить, что они еще живы, долгъ велитъ намъ осмотрѣть одинъ за другимъ всѣ острова западной группы, о которой упоминается въ дневникѣ Артура Пима и которая, можетъ-быть, не пострадала во время землетрясенія... Но если бы даже и оказалось, что эта группа или этотъ архипелагъ существовалъ только въ воображеніи автора дневника, не могли развѣ бѣглецы пристать къ какому-нибудь другому острову или континенту Антарктиды?.. Развѣ не могло быть другихъ какихъ-нибудь острововъ на громадномъ пространствѣ этого свободнаго моря, по которому когда-то пробѣжало суденышко Артура Пима и метиса... до какого пункта, этого никто пока не зналъ?..

Странно все это!.. Если предположить даже, что лодка Артура Пима и метиса и проникла за восемьдесятъ-четвертую параллель, къ какому берегу могла она пристать, разъ мы не видимъ на всемъ безграничномъ пространствѣ этой водной равнины ни одного клочка твердой земли?.. Кромѣ того, у меня почему-то все время нейдетъ изъ головы конецъ дневника, въ которомъ разсказывается нѣчто прямо-таки невозможное, неправдоподобное,— бредъ больного мозга... Вотъ когда пригодилась бы помощь Дерка Питерса, если бы капитану Ленъ Гайю посчастливилось найти его въ Иллинойсѣ и если бы онъ согласился отправиться съ нами на „Гальбранѣ“!..

Теперь будемъ разсуждать такъ, какъ если бы было рѣшено продолжать плаваніе и разыскивать капитана Уилльяма Гайя и матросовъ. Куда долженъ итти нашъ голетъ, гдѣ ему искать ихъ?.. Можетъ ли онъ итти какимъ-нибудь опредѣленнымъ курсомъ и не придется ли ему бороздить море наудачу?..

Затѣмъ,— другое затрудненіе, — согласится ли еще экипажъ „Гальбрана“ продолжать плаваніе при такихъ условіяхъ съ тѣмъ, чтобы проникнуть еще дальше въ таинственныя и неизвѣстныя полярныя области, рискуя встрѣтить непреодолимую преграду въ видѣ сплошныхъ льдовъ, когда, по условію, имъ слѣдовало возвращаться къ берегамъ Америки или Африки?..

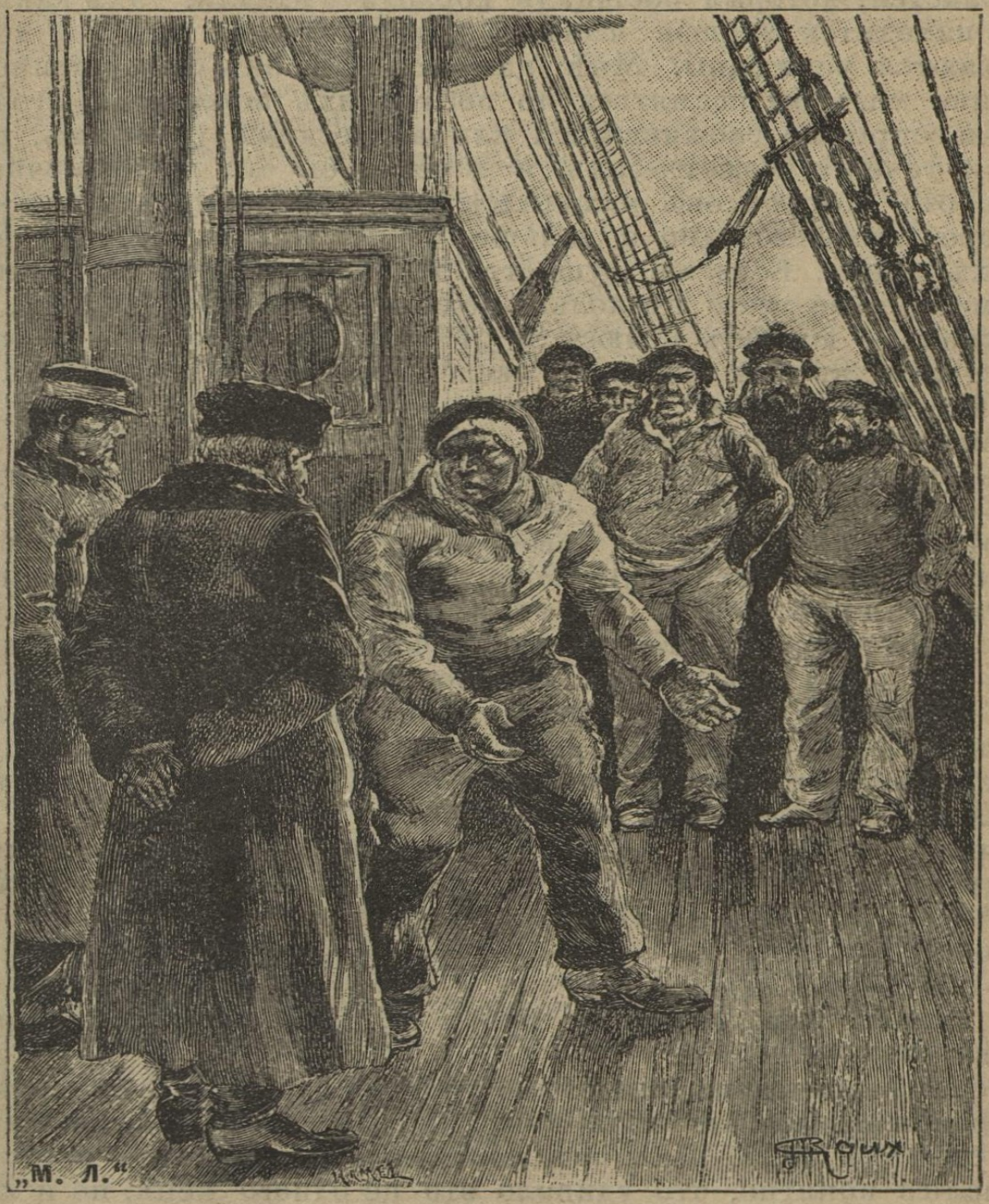
Пройдетъ еще нѣсколько недѣль и наступитъ антарктическая зима съ неизбѣжными ея спутниками — бурями и страшными морозами. Это свободное, въ настоящее время, море все замерзнетъ и по немъ, конечно, нельзя уже будетъ плыть. А перезимовать замурованнымъ среди льдовъ въ продолженіе семи или восьми мѣсяцевъ, не зная при этомъ еще навѣрное, удастся ли послѣ выбраться изъ этого заколдованнаго круга, развѣ одно это не заставитъ отступить самыхъ храбрыхъ? Развѣ начальникъ имѣетъ право рисковать жизнью всѣхъ своихъ людей ради почти несбыточной надежды разыскать часть экипажа „Дженъ“, которую не удалось найти на островѣ Тсалаль?..

Вотъ какіе вопросы занимали умъ капитана Ленъ Гайя и о чемъ онъ раздумывалъ со вчерашняго дня. Затѣмъ, съ разбитымъ сердцемъ

и въ то же время сознавая, что у него нѣтъ никакой надежды найти своего брата и своихъ соотечественниковъ матросовъ, онъ только что отдалъ приказаніе голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія:

— Завтра на восходѣ солнца сниматься съ якоря!

И по-моему, ему придется выказать столько же нравственной энергіи при возвращеніи обратно, сколько онъ проявилъ ея, двигаясь впе-



— Онъ вдѣсь! Передъ вами!.. (Стр. 14.)

редъ. Но разъ онъ что-нибудь рѣшилъ, онъ сумѣетъ добиться цѣли и подавить въ себѣ то горе, которое ему причиняло неудачное путешествіе въ антарктическія области.

Что касается меня, то, признаюсь, я былъ сильно разочарованъ и въ высшей степени огорченъ тѣмъ, что наша экспедиція окончилась такъ печально. Я успѣлъ до такой степени заинтересоваться приклю-

ченіями „Джэнъ“, что готовъ былъ бы продолжать поиски до тѣхъ поръ, пока только это будетъ возможно.

Но это, въ сущности, такъ понятно... Я увѣренъ, что большинство мореплавателей, будь они на нашемъ мѣстѣ, навѣрное, также желали бы разрѣшить географическую загадку о томъ, что такое находится тамъ, на южномъ полюсѣ! „Гальбранъ“ проникъ уже гораздо дальше тѣхъ областей, которыя посѣщали корабли Уэделля, такъ какъ островъ Тсалаль находится меньше чѣмъ въ семи градусахъ отъ той точки, гдѣ скрещиваются меридіаны. Мнѣ кажется, что онъ совершенно безпрепятственно могъ бы подняться до послѣднихъ широтъ. Благодаря особенно благопріятно сложившимся климатическимъ условіямъ, попутный вѣтеръ и теченія, можетъ-быть, и донесли бы его до оконечности земной оси, отъ которой онъ находился всего въ четырехстахъ миляхъ?.. Если море также свободно и дальше, то это будетъ дѣломъ всего нѣсколькихъ дней... Если же существуетъ континентъ, то изслѣдованіе его займетъ тоже всего нѣсколько недѣль... Но никто изъ насъ, конечно, и не думалъ о южномъ полюсѣ, и „Гальбранъ“ вовсе не для завоеванія его пустился въ эту опасную экспедицію, въ таинственныя области антарктическаго океана!

Затѣмъ, если допустить даже, что капитанъ Ленъ Гай, желая продолжить поиски, и не встрѣтитъ сопротивленія со стороны Джима Веста, боцмана и старыхъ матросовъ экипажа, можетъ ли онъ надѣяться, что также отнесутся къ этому и новобранцы, нанятые на Фальклавдскихъ островахъ, дурное настроеніе которыхъ неустанно поддерживалъ все время гарпунщикъ Гирнъ?.. Нѣтъ, капитану Ленъ Гайю нельзя было даже и разсчитывать на этихъ людей, составлявшихъ большинство экипажа и которыхъ онъ и такъ уже почти насильно заставилъ плыть до острова Тсалаль. Они, навѣрное, даже отказались бы итти дальше въ антарктическія моря, и это, по всей вѣроятности, и было одной изъ главныхъ причинъ, почему капитанъ рѣшилъ возвратиться къ сѣверу, несмотря на то горе, какое это причиняло ему самому!..

Такимъ образомъ, мы могли считать наше путешествіе оконченнымъ, какъ вдругъ, къ удивленію своему, услыхали слѣдующія слова:

— А Пимъ?.. Бѣдный Пимъ?..

Я обернулся...

Это говорилъ Гентъ.

Онъ стоялъ неподвижно у рубки и, такъ сказать, пожиралъ пространство глазами...

На голетѣ всѣмъ намъ такъ рѣдко приходилось слышать голосъ Гента— очень возможно, что это были даже первыя слова, произнесенныя имъ вслухъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ на голетъ — и поэтому станетъ вполнѣ понятно, что удивило это не одного меня, но и матросовъ, которые въ одну минуту окружили метиса. Неужели его неожиданное вмѣшательство дастъ намъ, наконецъ, ключъ — у меня было точно какое-то предчувствіе — къ разгадкѣ интересующей насъ тайны?..

Джимъ Вестъ сдѣлалъ рукою жестъ, и матросы покорно, одинъ за другимъ, удалились съ кормы на носовую часть судна. Остались только лейтенантъ, боцманъ, парусный старшина, Мартинъ Гольтъ, и старшій конопатчикъ, Гарди, считавшіе себя въ правѣ, по своему положенію, остаться вмѣстѣ съ нами.

— Что ты такое сказалъ? — спросилъ капитанъ Ленъ Гай, подходя къ Генту.

— Я сказалъ: а Пимъ?.. Бѣдный Пимъ?..

— Ради чего пришло тебѣ въ голову упомянуть это имя?.. Развѣ ты не знаешь, что такъ же точно звали и человѣка, который своими уговорами заставилъ моего брата отправиться въ эти мѣста, гдѣ погибла „Джэнъ", гдѣ измѣннически была перебита большая часть экипажа и гдѣ мы не нашли ни одного изъ тѣхъ людей, которые были еще живы всего семь мѣсяцевъ тому назадъ?

Гентъ стоялъ, не произнося ни слова.

— Отвѣчай же! — съ сердцемъ проговорилъ капитанъ, который, подъ вліяніемъ всего того, что ему пришлось пережить за послѣднее время, видимо, не въ силахъ былъ сохранить свое обычное хладнокровіе.

Гентъ молчалъ вовсе не потому, что не зналъ что отвѣчать, а скорѣе, какъ намъ казалось, потому, что не рѣшилъ еще, какъ лучше формулировать свои мысли. А между тѣмъ, онѣ были очень ясны, хотя рѣчь его и не отличалась большой плавностью, и онъ по временамъ даже выражался совсѣмъ несвязно. Кромѣ того, онъ говорилъ своимъ особеннымъ языкомъ, довольно образнымъ, а въ самомъ произношеніи его сильно чувствовался хриплый акцентъ индѣйцевъ Дальняго Запада.

— Вотъ... — говорилъ онъ, — я не умѣю разсказывать хорошо... Мой языкъ не умѣетъ вертѣться такъ быстро... Поймите меня... Я говорилъ о Пимѣ... о бѣдномъ Пимѣ... Такъ вѣдь?..

— Да, — отвѣчалъ лейтенантъ отрывисто. — Ну, что же ты можешь сказать намъ объ Артурѣ Пимѣ?..

— Я могу сказать, что его не надо покидать...

— Не надо покидать? — съ удивленіемъ спросилъ я.

— Нѣтъ... никогда!.. — продолжалъ Гентъ. — Подумайте только... это было бы жестоко... слишкомъ жестоко... Мы пойдемъ его разыскивать...

— Разыскивать его? — повторилъ капитанъ Ленъ Гай.

— Поймите меня... для этого-то я и поступилъ матросомъ на „Гальбранъ"... да... чтобы разыскать... бѣднаго Пима!..

— Да гдѣ же онъ? — спросилъ я. — Или ты не знаешь, что онъ въ могилѣ... на кладбищѣ его родного города?..

— Нѣтъ... онъ тамъ, гдѣ остался... одинъ... совсѣмъ одинъ... — отвѣчалъ Гентъ, указывая рукою на югъ, — и уже одиннадцать разъ солнце поднималось надъ этимъ горизонтомъ!

— Развѣ ты не знаешь, что Артуръ Пимъ умеръ? — спросилъ капитанъ Ленъ Гай.

— Умеръ!.. — возразилъ Гентъ, подчеркивая это слова выразительнымъ жестомъ. — Нѣтъ!.. Выслушайте меня... я знаю дѣло... Поймите меня... онъ не умеръ...

— Послушай, Гентъ! — продолжалъ я. — Вспомни-ка... въ послѣдней главѣ романа о приключеніяхъ Артура Пима, Эдгаръ Поэ совершенно опредѣленно говоритъ, что онъ умеръ какой-то внезапной и притомъ ужасной смертью?.. Или, можетъ-быть, это было не такъ?..

Тутъ и, въ самомъ дѣлѣ, чувствуется большой пробѣлъ въ романѣ, и американскій писатель-поэтъ почему-то не нашелъ возможнымъ сказать опредѣленно, чѣмъ кончилъ герой его романа, и это, я еще разъ нарочно упоминаю объ этомъ, мнѣ всегда казалось очень подозритель-

нымъ! Неужели намъ удастся раскрыть также и эту тайну, разъ только правда, какъ это утверждаетъ Гентъ, что Артуръ Пимъ даже и не возвращался изъ полярныхъ странъ?..

— Говори яснѣй, Гентъ, — приказалъ капитанъ Ленъ Гай, повидимому удивленный не менѣе меня этимъ открытіемъ. — Подумай... не спѣши... и разскажи какъ слѣдуетъ все, что ты знаешь и что можешь разсказать!

И въ то время, какъ Гентъ проводилъ рукой по лбу точно для того, чтобы собрать тамъ отдаленныя воспоминанія, я высказалъ капитану Ленъ Гайю слѣдующее замѣчаніе:

— Мнѣ кажутся слова этого человѣка очень странными и, если только онъ не сумасшедшій...

При этихъ словахъ боцманъ покачалъ головою, потому что онъ уже давно былъ убѣжденъ, что у Гента, какъ онъ говорилъ, мозги не въ порядкѣ.

Послѣдній понялъ это и грубымъ голосомъ вскричалъ:

— Нѣтъ... не сумасшедшій... Сумасшедшихъ... тамъ... въ преріи... уважаютъ, даже когда имъ и не вѣрятъ!.. А я... мнѣ надо вѣрить!.. Нѣтъ!.. Пимъ не умеръ!..

— Эдгаръ Поэ увѣряетъ, что онъ умеръ, — возразилъ я.

— Да... я знаю... Эдгаръ Поэ... изъ Бальтимора... Но... онъ никогда не видѣлъ бѣднаго Пима... никогда...

— Какъ? — перебилъ разсказчика капитанъ Ленъ Гай. — Развѣ эти два человѣка совсѣмъ никогда и не знали другъ друга?..

— Нѣтъ!

— И развѣ не самъ Артуръ Пимъ разсказывалъ свои приключенія Эдгару Поэ?..

— Нѣтъ... капитанъ... нѣтъ! — отвѣчалъ Гентъ. — Этотъ тамъ... въ Бальтиморѣ... получилъ только записки, писанныя рукою Пима съ того самаго дня, когда онъ спрятался въ трюмѣ „Грампуса“... Онъ ихъ писалъ до послѣдняго часа... до послѣдняго... Поймите меня... поймите меня!..

Повидимому, Гентъ боялся, главнымъ образомъ, того, что его могутъ не понять, поэтому онъ то и дѣло и повторялъ свое: „Поймите меня!“ Въ этомъ отношеніи онъ, пожалуй, былъ даже и правъ: мнѣ первому казалось, что онъ говоритъ такъ только потому, что не умѣетъ вполнѣ ясно и опредѣленно выразить свои мысли. Но какъ бы тамъ ни было, а только, по его словамъ, Артуръ Пимъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ Эдгаромъ Поэ!.. Американскій писатель являлся только издателемъ записокъ Артура Пима, который велъ ихъ день за день во все продолженіе этого больше, чѣмъ необыкновеннаго путешествія!..

— Кто же доставилъ Эдгару Поэ этотъ дневникъ?..— спросилъ капитанъ Ленъ Гай, схватывая Гента за руку.

— Товарищъ Пима... тотъ, который любилъ бѣднаго Пима, какъ сына... метисъ Деркъ Питерсъ... онъ одинъ вернулся оттуда...

— Метисъ Деркъ Питерсъ!..— перебилъ я.

— Да...

— Одинъ?

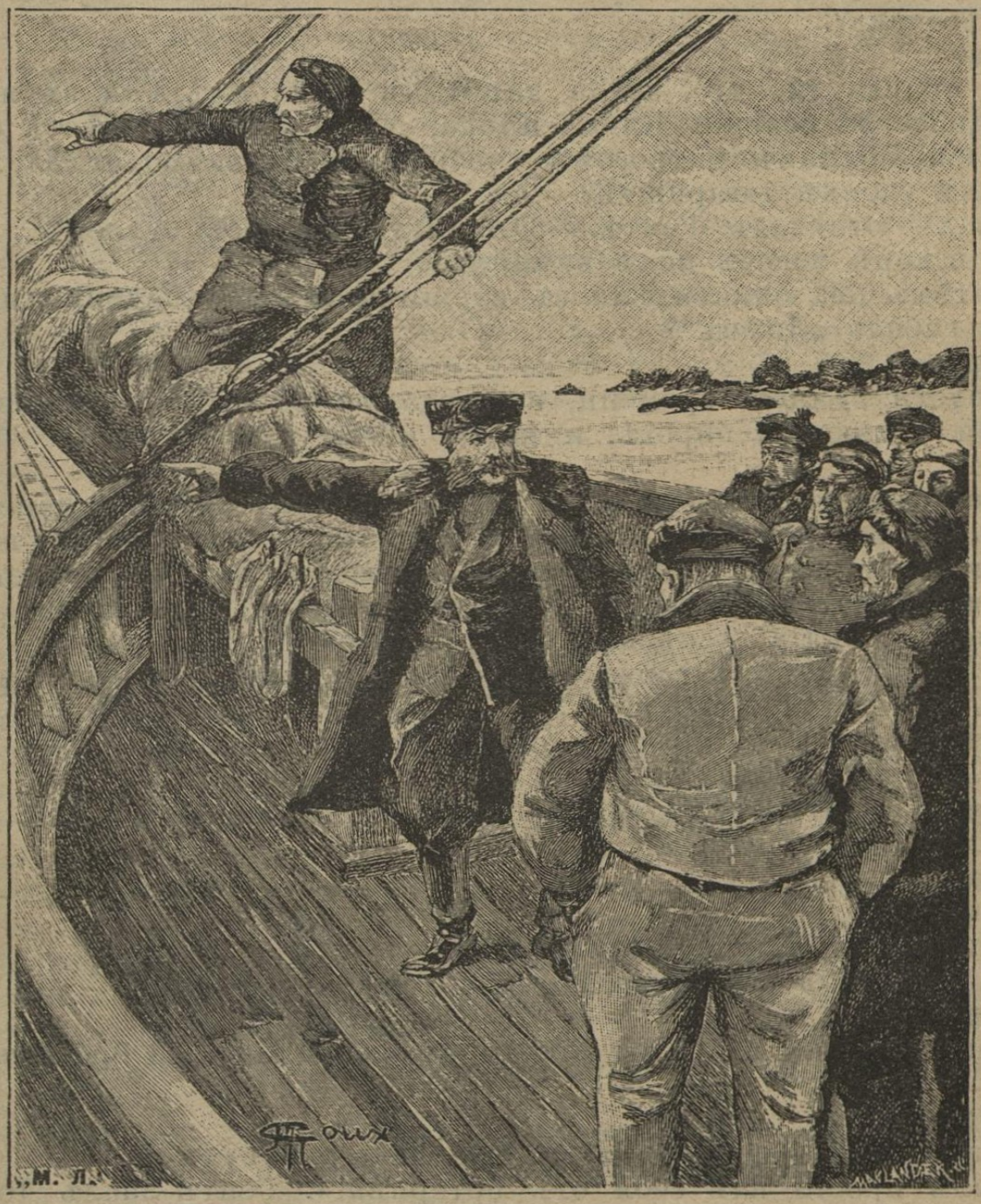
— Одинъ.

— А куда же дѣвался Артуръ Пимъ?..

— Тамъ! — отвѣчалъ Гентъ громкимъ голосомъ, указывая рукою на

южную сторону горизонта, куда онъ все такъ же упорно продолжалъ смотрѣть все это время.

Можно ли было вѣрить словамъ этого полусумасшедшаго человѣка?.. Конечно, нѣтъ!.. Мартинъ Гольтъ тихонько толкнулъ локтемъ стоявшаго рядомъ съ нимъ Герлигерли, и затѣмъ оба они переглянулись, покачивая головой. Капитанъ Ленъ Гай сдѣлалъ мнѣ знакъ, какъ бы



...Деркъ Питерсъ повторилъ тотъ же жестъ... (Стр. 19.)

желая сказать мнѣ, что нечего и надѣяться добиться болѣе или менѣе основательнаго отвѣта отъ этого несчастнаго, умственныя способности котораго, повидимому, давно уже находятся не въ полномъ порядкѣ.

А между тѣмъ, мнѣ почему-то казалось, что Гентъ, несмотря на кажущіяся несообразности, говоритъ правду, и — не правда ли, какъ это странно? — я прочелъ это въ его лихорадочно блестѣвшихъ глазахъ.

Мнѣ очень хотѣлось провѣрить, насколько моя догадка вѣрна, и я сталъ допрашивать Гента, какъ самый строгій слѣдователь. Къ удивленію, онъ давалъ настолько удовлетворительные отвѣты, что не вѣрить ему положительно было нельзя.

— Послушай, Гентъ... — спросилъ я. — Вѣрно ли это, что Артура Пима, вмѣстѣ съ Деркомъ Питерсомъ, нашли въ морѣ на обломкахъ „Грампуса“, и затѣмъ оба они на „Джэнъ“ совершили путешествіе до острова Тсалаль?..

— Да.

— А правда ли, что, когда капитанъ Уилльямъ Гай въ послѣдній разъ ходилъ въ селеніе Клокъ-Клока, Артуръ Пимъ вмѣстѣ съ метисомъ и еще однимъ матросомъ совершенно случайно отдѣлились отъ остальныхъ своихъ товарищей?

— Да... — отвѣчалъ Гентъ. — Это былъ матросъ Алленъ... который тутъ же вскорѣ погибъ подъ камнями...

— Затѣмъ оба они видѣли съ вершины холма нападеніе дикарей на голетъ и гибель „Джэнъ“?

— Да...

— Спустя немного времени, имъ удалось бѣжать съ острова въ захваченной у дикарей пирогѣ, и тѣ не могли ихъ догнать?

— Да...

— Еще черезъ двадцать дней послѣ этого они увидѣли передъ собой нѣчто въ родѣ завѣсы изъ паровъ и были увлечены въ бездну водопада?

На этотъ вопросъ Гентъ уже не отвѣчалъ такъ же увѣренно; онъ колебался, бормоталъ какія-то непонятныя слова; онъ точно старался припомнить событія, успѣвшія уже наполовину испариться изъ его памяти. Наконецъ, онъ гордо выпрямился и, глядя на меня въ упоръ, покачалъ головой и сказалъ:

— Нѣтъ... они не погибли оба... Поймите меня... Деркъ Питерсъ никогда мнѣ не говорилъ...

— Деркъ Питерсъ? — переспросилъ капитанъ Ленъ Гай. — Развѣ ты зналъ Дерка Питерса?

— Да...

— Гдѣ?

— Въ Вандаліи... въ Иллинойсѣ.

— И онъ тебѣ разсказывалъ объ этомъ путешествіи?

— Да.

— Значитъ, онъ вернулся оттуда одинъ... одинъ... и бросилъ Артура Пима?..

— Одного.

— Да говори же, наконецъ!.. Говори! — крикнулъ я.

Я былъ просто внѣ себя отъ нетерпѣнія. Гентъ зналъ Дерка Питерса и, благодаря этому, долженъ былъ непремѣнно знать, если не все, то очень многое изъ того, что я считалъ навѣки погребеннымъ вмѣстѣ съ останками Артура Пима!.. Онъ долженъ былъ знать, чѣмъ окончилось это необыкновенное путешествіе!..

Гентъ, наконецъ, собрался съ духомъ и заговорилъ:

— Да... тамъ... паровая завѣса... разсказывалъ мнѣ часто метисъ... поймите меня... Артуръ Пимъ и онъ плыли въ лодкѣ дикарей... Потомъ... льдина... огромная льдина наскочила на нихъ... Деркъ Питерсъ

упалъ въ море... Но ему удалось ухватиться за край льдины... взобраться на нее... и... поймите меня... онъ видѣлъ, какъ лодка поплыла по теченію, далеко... далеко... слишкомъ далеко!.. Пимъ не хотѣлъ покидать товарища одного... но ничего не могъ подѣлать... Лодку уносило теченіемъ все дальше... и дальше!.. И Пимъ... бѣдный Пимъ уплылъ... Съ той поры онъ уже не возвращался... онъ тамъ... онъ все еще тамъ!..

Если бы это говорилъ не Гентъ, а самъ Деркъ Питерсъ, то и тотъ, мнѣ кажется, не могъ бы выказать большого волненія при этомъ и не горевалъ бы такъ о судьбѣ „бѣднаго“ Пима!

Но какъ бы тамъ ни было, а только простой безыскусственный разсказъ Гента казался мнѣ заслуживающимъ полнаго и безусловнаго довѣрія... Какія еще можно требовать доказательства для того, чтобы убѣдить насъ?.. Я, по крайней мѣрѣ, вѣрилъ Генту и считалъ, что онъ зналъ все, что могъ знать Деркъ Питерсъ.

Для меня оставалось только не совсѣмъ яснымъ, какимъ образомъ удалось Дерку Питерсу вернуться назадъ, разъ его товарища, его друга, оставшагося въ лодкѣ, теченіемъ унесло къ югу?.. Какимъ образомъ удалось ему пробиться сквозь сплошные льды... возвратиться въ Америку и еще привезти съ собой дневникъ Артура Пима, который затѣмъ попалъ уже къ Эдгару Поэ?..

Всѣ эти вопросы я повторилъ Генту, и онъ отвѣтилъ мнѣ на нихъ также вполнѣ удовлетворительно и при этомъ еще прибавилъ, что такъ именно не разъ разсказывалъ ему объ этомъ метисъ.

По его словамъ, записная книжка Артура Пима была въ карманѣ у Дерка Питерса въ ту минуту, когда онъ падалъ въ воду, и только благодаря этому, метисъ и имѣлъ возможность передать дневникъ въ распоряженіе американскаго писателя.

— Поймите меня...— твердилъ Гентъ,— я разсказываю вамъ все такъ, какъ мнѣ говорилъ Деркъ Питерсъ... Выбравшись на льдину, онъ крикнулъ изо всѣхъ силъ... Но Пимъ, бѣдный Пимъ уже исчезъ за завѣсой изъ паровъ... Льдину теченіемъ несло къ сѣверу, и метисъ, который въ это время питался сырою рыбой, доплылъ такъ до острова Тсалаль, куда и выбрался благополучно, полумертвый отъ голода...

— На островъ Тсалаль!..— вскричалъ капитанъ Ленъ Гай.— А черезъ сколько это было времени послѣ того, какъ онъ бѣжалъ съ острова вмѣстѣ съ Артуромъ Пимомъ?..

— Три недѣли... Да... не больше трехъ недѣль... такъ мнѣ говорилъ Деркъ Питерсъ...

— Значитъ, онъ видѣлъ тѣхъ, кому посчастливилось пережить катастрофу?..— спросилъ капитанъ Ленъ Гай.— Значитъ, онъ видѣлъ моего брата Уилльяма и его матросовъ?..

— Нѣтъ...— отвѣчалъ Гентъ.— Деркъ Питерсъ былъ увѣренъ, что они погибли всѣ до единаго... Да... всѣ!.. На островѣ никого уже не было...

— Никого!— повторилъ я, очень удивленный этой новостью.

— Никого!— объявилъ Гентъ.

— А жители острова Тсалаля?..

— Никого... говорю я вамъ... никого!.. Островъ былъ необитаемъ... Да... необитаемъ!..

Послѣднія слова шли въ разрѣзъ съ тѣмъ, что мы считали за неопровержимую истину. Впрочемъ, могло случиться и такъ, что ко времени возвращенія Дерка Питерса на островъ Тсалаль, туземное населеніе, подъ вліяніемъ безотчетнаго страха, бѣжало съ острова Тсалаля и переселилось на одинъ изъ острововъ юго-западной группы; а Уилльямъ Гай и его товарищи, матросы, остались на островѣ и скрывались гдѣ-нибудь въ ущельяхъ вблизи Клокъ-Клока. Это до извѣстной степени могло служить объясненіемъ, почему метисъ не видѣлъ ихъ на возвратномъ пути, и это же, вмѣстѣ съ тѣмъ, дало возможность капитану Уилльяму Гайю и уцѣлѣвшимъ вмѣстѣ съ нимъ матросамъ прожить благополучно одиннадцать лѣтъ на островѣ. Съ другой стороны, мы знали навѣрное, что Паттерсонъ покинулъ ихъ тамъ живыми всего семь мѣсяцевъ тому назадъ, и на этомъ основаніи могли вывести заключеніе, что найти ихъ на островѣ намъ не удалось только потому, что островъ Тсалаль сталъ необитаемымъ, вслѣдствіе землетрясенія...

— Итакъ,— продолжалъ разспрашивать капитанъ Ленъ Гай,— когда Деркъ Питерсъ вернулся на островъ, тамъ не было уже ни одного жителя?

— Никого...— повторилъ еще разъ Гентъ,— никого... Метисъ не нашелъ тамъ ни одного дикаря...

— Какъ же выбрался оттуда Деркъ Питерсъ? — спросилъ боцманъ.

— Поймите меня!..— отвѣчалъ Гентъ.— Въ бухтѣ стояло покинутое судно; метисъ нашелъ тамъ сушеное мясо и нѣсколько боченковъ прѣсной воды... Деркъ сѣлъ въ лодку... Южный вѣтеръ... да... съ юга... очень сильный,— тотъ самый, который, вмѣстѣ со встрѣчнымъ теченіемъ, пригналъ его льдину къ острову Тсалаль,— везъ его цѣлыя недѣли... въ сторону сплошныхъ льдовъ... и онъ выбрался изъ нихъ черезъ одинъ проходъ... Повѣрьте мнѣ... потому что я говорю только то, что мнѣ сто разъ повторялъ Деркъ Питерсъ... Да! проходъ... и онъ пересѣкъ полярный кругъ...

— А по ту сторону?— спросилъ я.

— По ту сторону... онъ встрѣтилъ американскаго китолова „Сандиг-Гукъ“, и тотъ отвезъ его въ Америку.

Теперь вотъ вопросъ. Если предположить, что Гентъ сказалъ только одну правду, а не вѣрить ему нѣтъ никакихъ основаній, какъ же тогда разыгралась, по крайней мѣрѣ, хотя бы по отношенію къ Дерку Питерсу, эта страшная драма антарктическихъ областей? По возвращеніи въ Соединенные штаты, метисъ встрѣтился съ Эдгаромъ Поэ, который въ то время издавалъ „Southern Literary Messenger“, и затѣмъ талантливый писатель создалъ изъ записокъ Артура Пима тотъ чудесный разсказъ — не вымыселъ, какъ думали до сихъ поръ,— которому недоставало только послѣдней и, прибавимъ отъ себя, самой интересной главы.

Что же касается фантастическаго элемента въ разсказѣ, то таковой долженъ быть, конечно, поставленъ на счетъ издателю записокъ; если только Артуру Пиму, подъ впечатлѣніемъ страха и нервнаго возбужденія, впрочемъ, вполнѣ естественнаго, не показалось, что онъ, и въ самомъ дѣлѣ, видѣлъ сверхъестественныя чудеса сквозь туманную завѣсу паровъ.

Кто тутъ правъ, кто виноватъ — отвѣтить на это трудно; тѣмъ болѣе, что Эдгаръ Поэ даже никогда и не видѣлъ Артура Пима. Поэтому-то онъ и придумалъ закончить разсказъ сообщеніемъ, что авторъ записокъ — это, несомнѣнно, должно было заинтриговать читателя — умеръ внезапно при самыхъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ.

А между тѣмъ, разъ Артуру Пиму не удалось вернуться на родину, въ Америку, это давало полное основаніе предполагать, что онъ погибъ и, можетъ-быть, даже въ очень скоромъ времени послѣ того, какъ судьба разлучила его съ товарищемъ... Неужели онъ все еще живъ, несмотря на то, что со времени его исчезновенія прошло одиннадцать лѣтъ?..

— Да... да! — отвѣчалъ Гентъ.

Онъ говорилъ это увѣренно, какъ человѣкъ, не допускавшій возможности сомнѣваться въ истинѣ того, что разсказывалъ ему Деркъ Питерсъ въ то время, когда оба они жили въ поселкѣ Вандаліи, въ штатѣ Иллинойсъ.

Намъ оставалось еще рѣшить вопросъ, какъ смотрѣть на Гента, — какъ на полусумасшедшаго, или же какъ на человѣка въ здравомъ умѣ? Неужели же это не онъ, въ припадкѣ умственнаго разстройства — въ этомъ я теперь не сомнѣвался, — пробрался ко мнѣ въ каюту и на ухо шопотомъ произнесъ слѣдующія слова: „А Пимъ?.. Бѣдный Пимъ?..“

Да!.. Конечно, онъ!.. и мнѣ это вовсе не померещилось во снѣ!..

Словомъ, если все то, что Гентъ только что разсказалъ, было правдой, если онъ только дословно передалъ намъ тайну, довѣренную ему Деркомъ Питерсомъ, — мы не могли, да и права не имѣли не вѣрить ему, когда онъ повторялъ, приказывая и умоляя въ одно и то же время. „Пимъ не умеръ!.. Пимъ тамъ!.. Не надо забывать бѣднаго Пима!“

Когда я окончилъ допросъ Гента, капитанъ Ленъ Гай, видимо, сильно взволнованный, рѣзкимъ голосомъ скомандовалъ:

— Весь экипажъ на корму!

Когда всѣ матросы голета собрались на палубѣ и окружили его, онъ сказалъ:

— Слушай меня внимательно, Гентъ, и помни, что ты долженъ отвѣчать мнѣ только одну правду на вопросы, которые я тебѣ буду дѣлать?

Гентъ поднялъ голову и молча обвелъ взоромъ всѣхъ матросовъ на „Гальбранѣ“.

— Ты увѣряешь, Гентъ, что все, что ты намъ разсказывалъ про Артура Пима, правда?..

— Да, — отвѣчалъ Гентъ.

— Ты зналъ Дерка Питерса?..

— Да.

— Ты жилъ нѣсколько лѣтъ съ нимъ въ Иллинойсѣ?...

— Цѣлыхъ девять лѣтъ.

— А онъ часто разсказывалъ тебѣ объ этомъ?..

— Да.

— А самъ ты вѣришь, что онъ говорилъ тебѣ только одну истинную правду?..

— Да.

— А ему никогда не приходило въ голову, что нѣсколько человѣкъ изъ экипажа „Джэнъ“ могли остаться на островѣ Тсалаль?..

— Нѣтъ.

— Онъ, значитъ, былъ увѣренъ, что Уилльямъ Гай и матросы должны были всѣ погибнуть во время обвала холмовъ Клокъ-Клока?..

— Да... и... какъ онъ мнѣ это часто говорилъ... Пимъ думалъ то же самое.

— А гдѣ ты въ послѣдній разъ видѣлъ Дерка Питерса?..

— Въ Вандаліи.

— Давно?..

— Два года тому назадъ.

— А кто изъ васъ двоихъ, ты... или онъ... первымъ уѣхалъ изъ Вандаліи?..

Мнѣ показалось, что Гентъ далъ отвѣтъ не сразу и точно что-то обдумывалъ.

— Мы уѣхали вмѣстѣ...— отвѣчалъ онъ, наконецъ.

— Ты куда же уѣхалъ?..

— На Фальклапды.

— А онъ?..

— Онъ!..— повторилъ Гентъ.

И взоръ его при этомъ остановился на нашемъ парусномъ старшинѣ Мартинѣ Гольтѣ,— на томъ самомъ, чью жизнь онъ спасъ, рискуя собственной, во время бури.

— Ну,— продолжалъ допрашивать капитанъ Ленъ Гай.— Ты понимаешь, что я тебя спрашиваю?..

— Да.

— Говори же!.. Куда уѣхалъ Деркъ Питерсъ изъ Иллинойса?.. Онъ уѣхалъ изъ Америки?..

— Да.

— Куда же онъ уѣхалъ?

— На Фальклапды.

— Гдѣ же онъ теперь?..

— Онъ здѣсь! Передъ вами!

ГЛАВА II.

Совѣщаніе.

Деркъ Питерсъ!.. Гентъ былъ не кто иной, какъ метисъ Деркъ Питерсъ... Преданный другъ Артура Пима, тотъ самый, котораго капитанъ Ленъ Гай такъ долго и безполезно искалъ въ Соединенныхъ штатахъ и который теперь, можетъ-быть, откроетъ намъ, наконецъ, тайну и этимъ заставитъ насъ продолжать наше путешествіе!..

Я увѣренъ, что большинство читателей давнымъ давно уже догадались, что Деркъ Питерсъ и Гентъ одно и то же лицо. Впрочемъ, иначе оно, конечно, и быть не могло, и каждый посторонній наблюдатель, — а такимъ, несомнѣнно, является и читатель, — не замедлилъ бы сдѣлать то же самое открытіе.

Если хотите, оно, пожалуй, даже странно, что ни капитанъ Ленъ Гай ни я, чуть не на память выучившіе всю книгу Эдгара Поэ, который

такъ мастерски изобразилъ портретъ Дерка Питерса, не узнали, что матросъ, нанявшійся къ намъ на Фальклавдскихъ островахъ, и метисъ было одно и то же лицо?.. За это мы заслуживали серьезнаго упрека въ недостаткѣ проницательности... Но я, въ этомъ случаѣ, могу сослаться на смягчающія вину обстоятельства.

Гентъ былъ типичный метисъ, какъ и Деркъ Питерсъ, который принадлежалъ, какъ это намъ было извѣстно, къ индѣйскому племени упсароковъ, кочевавшему по территоріямъ Дальняго Запада, и уже одно это должно было бы возбудить въ насъ подозрѣніе и наставить на путь истинный. Но тутъ, въ оправданіе себя, я позволю напомнить, при какихъ обстоятествахъ Гентъ поступилъ на службу къ капитану Ленъ Гайю. Гентъ въ это время жилъ на Фальклавдскихъ островахъ, очень далеко отъ Иллинойса, въ числѣ матросовъ всевозможныхъ національностей, которые ждутъ рыболовнаго сезона для того, чтобы наняться на какое-нибудь китоловное судно... Затѣмъ, съ самаго своего поступленія на голетъ, онъ все время держался особнякомъ отъ остальныхъ матросовъ и отъ насъ... Въ этотъ памятный день онъ въ первый разъ говорилъ въ нашемъ присутствіи и съ нами, и до сихъ поръ ничто не давало повода подозрѣвать, что онъ скрываетъ свое настоящее имя... И если онъ и объявилъ, наконецъ, что онъ, въ дѣйствительности, Деркъ Питерсъ, то это произошло только благодаря настоянію капитана.

Правда, Гентъ рѣзко выдѣлялся и своей наружностью и тѣмъ, какъ онъ держалъ себя, изъ толпы остальныхъ матросовъ, и одно это должно было бы заставить насъ обратить на него особенное вниманіе... Да, это правда!.. Теперь я даже припоминаю, что съ тѣхъ поръ, какъ голетъ перешелъ за антарктическій кругъ, особенно же съ той поры, какъ онъ проникъ въ это свободное море... онъ не спускалъ глазъ съ южной стороны горизонта, его руки инстинктивно протягивались въ томъ же направленіи... Затѣмъ осмотръ островка Беннета тоже давалъ поводъ подозрѣвать, что онъ уже бывалъ на немъ, какъ не былъ незнакомъ ему и островъ Тсалаль... Онъ шелъ впереди, а мы слѣдовали за нимъ, какъ за нашимъ проводникомъ, до самаго мѣста селенія Клокъ-Клока, отъ котораго не оставалось и слѣда... Да... все это непремѣнно должно было породить — по крайней мѣрѣ, во мнѣ — мысль, что Гентъ, такъ или иначе, а принималъ дѣятельное участіе въ приключеніяхъ Артура Пима!..

А въ концѣ концовъ, оказалось, что у капитана Ленъ Гайя и у его пассажира Джіорлинга были точно бѣльма на глазахъ!.. Право, мы были точно два слѣпца, тогда какъ нѣкоторыя страницы книги Эдгара Поэ должны были сдѣлать насъ людьми прозорливыми!

Но такъ или иначе, а только теперь для насъ не оставалось сомнѣнія въ томъ, что Гентъ, въ дѣйствительности, не кто иной, какъ Деркъ Питерсъ. Несмотря на то, что съ той поры прошло уже цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ, онъ высматривалъ такимъ же, какимъ его описалъ Артуръ Пимъ. Небольшой ростъ, сильно развитая мускулатура, руки и ноги колесомъ, громадная голова, ротъ до ушей, длинные зубы... Впрочемъ, многія изъ этихъ примѣтъ подходили одинаково къ большинству матросовъ, нанятыхъ на Фальклавдскихъ островахъ... Но на лицѣ его уже не было видно того веселаго выраженія, которое, если оно и было признакомъ веселья, могло быть только „весельемъ демона“!

Но это произошло потому, что характеръ метиса измѣнился съ годами, подъ вліяніемъ всего того, что ему пришлось пережить въ особенно трагическіе моменты путешествія въ южныя области... Да! жестокая сила жизненнаго опыта радикально измѣнила нравственную сторону Дерка Питерса! Но, тѣмъ не менѣе, это былъ все тотъ же вѣрный товарищъ Артура Пима, тотъ самый Деркъ Питерсъ, который любилъ его какъ сына и который никогда,— нѣтъ, никогда!— не терялъ надежды отыскать своего друга среди ужасныхъ пустынь Антарктиды!

Тутъ являлся вопросъ: зачѣмъ Деркъ Питерсъ скрывался на Фальклandахъ подъ именетъ Гента; зачѣмъ со времени своего поступленіи на „Гальбранъ“ онъ старался сохранить это инкогнито; зачѣмъ не говорилъ онъ до сихъ поръ, кто онъ такой, разъ ему были извѣстны намѣренія капитана Ленъ Гайя, всѣ усилія котораго сводились къ тому, чтобы спасти своихъ соотечественниковъ, слѣдуя по маршруту „Дженъ“?..

Зачѣмъ?.. По всей вѣроятности, изъ боязни, что имя его будетъ предметомъ ужаса!.. И на самомъ дѣлѣ, развѣ имя это не было именемъ человѣка, принимавшаго такое близкое участіе въ кровавыхъ сценахъ на „Грампусѣ“... убившаго матроса Паркера... питавшагося его тѣломъ, утолявшаго жажду его кровью!.. Если онъ и открылъ, наконецъ, свое имя, то только потому, что надѣялся, что этимъ ему, можетъ-быть, удастся заставить „Гальбранъ“ возобновить поиски Артура Пима!..

Проживши нѣсколько лѣтъ въ Иллинойсѣ, метисъ переселился затѣмъ на Фальклandы, съ цѣлью воспользоваться первымъ случаемъ, какой только ему представится, чтобы снова проникнуть въ антарктическія моря. Поступая на „Гальбранъ“, онъ, по всей вѣротности, разсчитывалъ уговорить капитана Ленъ Гайя, послѣ того, какъ тотъ заберетъ своихъ соотечественниковъ съ острова Тсалаль, подняться въ болѣе высокія широты и поискать Артура Пима... А между тѣмъ, мнѣ кажется, что ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не могъ надѣяться найти Артура Пима живымъ черезъ одиннадцать слишкомъ лѣтъ. Капитанъ Уилльямъ Гай и его матросы могли еще снискивать себѣ пропитаніе, живя на островѣ Тсалаль, и, кромѣ того, въ записной книжкѣ Паттерсона категорически говорилось, что они были тамъ въ то время, когда онъ ихъ покидалъ... Ничего подобнаго не могло и въ голову прійти намъ по отношенію къ Артуру Пиму...

И несмотря на все это, я, не возражая, слушалъ Дерка Питерса, хотя мнѣніе его, строго говоря, не имѣло подъ собой никакой почвы... Мнѣ не казалось это даже страннымъ, хотя должно бы быть наоборотъ!.. Нѣтъ!.. Мало того, когда метисъ крикнулъ: „Пимъ не умеръ... Пимъ тамъ... Не надо покидать бѣднаго Пима!“—его жалобный крикъ болѣзненно отозвался въ моемъ сердцѣ и встрѣтилъ тамъ полное сочувствіе...

Мнѣ почему-то припомнился Эдгаръ Поэ, и я сейчасъ же задалъ себѣ вопросъ, въ какомъ онъ очутится положеніи, если „Гальбранъ“ вдругъ привезетъ съ собою Артура Пима, о внезапной смерти котораго онъ успѣлъ уже повѣдать всему читающему міру!..

Нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ я рѣшился принять участіе въ экспедиціи „Гальбрана“, я сталъ неузнаваемъ—куда дѣвалась вся моя хладнокровная разсудительность, которой я такъ всегда гордился! Только что заговорили о томъ, что Артуръ Пимъ, можетъ-быть, еще живъ, и я при-

...Кто позволилъ тебѣ говорить?.. (Стр. 21.)

нимаю это извѣстіе такъ же горяче, какъ его могъ бы принять развѣ только одинъ Деркъ Питерсъ!.. Я уже не могъ примириться съ мыслью покинуть островъ Тсалаль за тѣмъ, чтобы возвращаться въ Америку... Мнѣ казалось это чуть не преступленіемъ, я готовъ безъ конца убѣждать, что долгъ человѣколюбія повелѣваетъ намъ прійти на помощь къ несчастному, заброшенному въ ледяныя пустыни Антарктиды!..

Но просить капитана Ленъ Гайя попытаться проникнуть еще дальше въ эти моря, требовать этого отъ экипажа, которому и безъ того, хотя пока и совсѣмъ напрасно, пришлось не мало перенести всякихъ трудовъ и лишеній,— на это я не имѣлъ ровно никакого права... А между тѣмъ, я отлично видѣлъ, что Деркъ Питерсъ разсчитывалъ именно на мое содѣйствіе и только и ждетъ, чтобы я замолвилъ словечко въ защиту его друга, бѣднаго Пима!

Признаніе метиса произвело, повидимому, совершенно одинаковое впечатлѣніе на всѣхъ окружающихъ, и мы послѣ этого долго стояли молча, обдумывая про себя значеніе этихъ словъ. Спѣшу, впрочемъ, оговориться, что никому и въ голову не приходило подозрѣвать метиса во лжи. Онъ сказалъ: „Я Деркъ Питерсъ“, и мы сейчасъ же повѣрили, что онъ Деркъ Питерсъ.

Не было также основанія не вѣрить Дерку Питерсу во всемъ томъ, что касается обстоятельствъ, при которыхъ его другъ, Артуръ Пимъ, былъ увлеченъ силой теченія. Тутъ даже и самый недовѣрчивый человѣкъ не могъ бы заподозрить Дерка Питерса въ искаженіи фактовъ или же во лжи. Другое дѣло увѣренія Дерка Питерса, что Артуръ Пимъ еще живъ, и что поэтому долгъ повелѣваетъ намъ во что бы то ни стало разыскать и спасти несчастнаго, который, можетъ-быть, терпитъ страшныя мученія,—здѣсь можно было заподозрить метиса не во лжи — нѣтъ! а въ томъ, что онъ слишкомъ много далъ воли своей пылкой фантазіи.

Но всѣ эти и подобные имъ вопросы могъ задавать себѣ кто-нибудь другой, а не я! Какое мнѣ дѣло до того, что скажутъ и что подумаютъ другіе?.. Я убѣжденъ, что Деркъ Питерсъ не фантазируетъ и говоритъ правду; и если меня еще что и заставляло задумываться, такъ это опасеніе, что мое заступничество не достигнетъ желаемой цѣли, и проектъ будетъ отвергнутъ. Подумавъ, я рѣшилъ поставить вопросъ такимъ образомъ, чтобы вмѣстѣ съ именемъ Артура Гордона Пима фигурировали также имена капитана Уилльяма Гайя и пятерыхъ матросовъ, которыхъ намъ не посчастливилось найти на островѣ Тсалаль.

— Мнѣ кажется, — сказалъ я, — что прежде чѣмъ рѣшиться на что-нибудъ окончательно, мы должны хорошенько обсудить это дѣло. Неужели вы думаете, что мы можемъ вернуться спокойно домой, и насъ не будетъ упрекать совѣсть за то, что мы отказались отъ продолженія экспедиціи въ тотъ самый моментъ, когда у насъ явились нѣкоторые шансы на успѣхъ?.. Подумайте объ этомъ, капитанъ, и вы всѣ, братцы. Не больше семи мѣсяцевъ тому назадъ покойный Паттерсонъ покинулъ вашихъ земляковъ на островѣ Тсалаль!.. Они прожили на этомъ островѣ цѣлыя одиннадцать лѣтъ. Не сладко должно-быть имъ жилось тутъ, это правда; но все-таки они жили, питаясь тѣмъ, что давала имъ скудная природа острова... Они могли не бояться дикарей, потому что громадное большинство послѣднихъ погибло отъ какой-то неизвѣстной пока намъ причины, а остальные, по всей вѣроятности,

перебрались на какой-нибудь сосѣдній островъ... Это сама очевидность, и я не могу себѣ даже и представить, что можно было бы возразить противъ этого...

Никто не возразилъ мнѣ ни слова; да и возражать-то, въ сущности, было нечего.

— Если мы и не нашли здѣсь капитана „Джэнъ“ и пятерыхъ матросовъ, — продолжалъ я оживляясь: — то только потому, что вскорѣ послѣ отъѣзда Паттерсона они принуждены были покинуть островъ Тсалаль... Вы меня спросите, что заставило ихъ бѣжать отсюда?.. По моему мнѣнію, они бѣжали отсюда потому, что землетрясеніе, измѣнившее такъ рѣзко видъ острова, сдѣлало его положительно необитаемымъ. Самой простой туземной пироги достаточно имъ было для того, чтобы добраться, пользуясь сѣвернымъ теченіемъ, или до другого острова, или же до какого-нибудь пункта антарктическаго континента. Мнѣ даже кажется, что все произошло именно такимъ образомъ... Но какъ бы тамъ ни было, а только мы пока не можемъ сказать себѣ, что наша совѣсть спокойна и что мы сдѣлали все, что могли сдѣлать... Нѣтъ! мы пока еще ничего не сдѣлали для спасенія ихъ и поэтому не имѣемъ права возвращаться назадъ!

Я окинулъ взглядомъ своихъ слушателей, но они опять не отозвались ни однимъ словомъ.

Капитанъ Ленъ Гай, видимо, потрясенный, молча опустилъ голову, какъ человѣкъ, сознающій себя виноватымъ. Онъ понималъ, что долгъ человѣколюбія повелѣваетъ ему исполнить до конца принятое на себя обязательство!

— Да и о чемъ собственно идетъ рѣчь? — продолжалъ я послѣ короткаго молчанія: — о томъ, чтобы пройти всего нѣсколько градусовъ къ югу въ такое время года, когда море свободно ото льда, когда мы, почти навѣрное, имѣемъ въ своемъ распоряженіи цѣлыхъ два мѣсяца хорошей погоды, когда намъ нечего бояться южной зимы, съ которой намъ, я надѣюсь, намъ такъ и не придется познакомиться!.. Неужели мы будемъ все-таки колебаться, зная, что трюмъ „Гальбрана“ полнымъ полнешенекъ запасами провизіи?.. Экипажъ въ полномъ комплектѣ, всѣ здоровы и, повидимому, нѣтъ никакихъ основаній бояться появленія эпидемическихъ болѣзней?.. Неужели же насъ испугаютъ и остановятъ воображаемыя опасности?.. Неужели у насъ не хватитъ энергіи проникнуть дальше... туда... туда...

При этомъ я протянулъ руку и указалъ на югъ. Деркъ Питерсъ, подражая мнѣ, повторилъ тотъ же жестъ, но сдѣлалъ онъ это такъ торжественно, такъ повелительно, что каждому было понятно, чего именно хочетъ этотъ человѣкъ!

Матросы все также внимательно смотрѣли на насъ, но не произносили ни слова!

Нѣтъ сомнѣнія, что голетъ можетъ, безъ особеннаго риска, проникнуть дальше къ югу, воспользовавшись для этого остающимися восьмью-девятью недѣлями лѣтняго сезона. Теперь было всего только 26-е декабря, а почти всѣ предшествовавшія экспедиціи предпринимались въ январѣ, февралѣ и даже въ мартѣ, — экспедиціи Беллингсгаузена, Бискоэ, Кендаля и Уэдделя, которымъ, несмотря на это, удава-

лось все-таки выбраться на сѣверъ раньше, чѣмъ зимніе холода закрывали каналы.

Правда, ихъ корабли не проникали такъ далеко въ южныя области, какъ это предстояло совершить „Гальбрану“, зато для нихъ далеко не все складывалось такъ благопріятно, какъ для насъ.

Я одно за другимъ приводилъ эти доказательства, стараясь вызвать одобреніе слушателей, изъ которыхъ никому не хотѣлось говорить первымъ только потому, что они боялись взять на себя отвѣтственность за будущее...

Гробовое молчаніе и опущенные книзу глаза...

А между тѣмъ, я ни одного разу не произнесъ имя Артура Пима, ни однимъ словомъ не поддержалъ предложеніе Дерка Питерса. Я поступалъ такъ умышленно, потому что они имѣли бы право открыто заявить несочувствіе моему предложенію!

Но въ ту самую минуту, когда я, умолкнувъ, пытливыми глазами осматривалъ серьезныя лица окружавшихъ меня слушателей, не зная, насколько удалось мнѣ подѣйствовать на нихъ своими убѣжденіями, капитанъ Ленъ Гай нарушилъ молчаніе:

— Деркъ Питерсъ,— сказалъ онъ,— можешь ли ты сказать мнѣ навѣрное, что ты и Артуръ Пимъ, послѣ отъѣзда съ острова Тсалаль, въ самомъ дѣлѣ видѣли землю на югѣ?..

— Да... землю... — отвѣчалъ метисъ, — острова или континентъ... поймите меня... и вотъ тамъ... я думаю... я увѣренъ... что Пимъ... бѣдный Пимъ... ждетъ, пока кто-нибудь придетъ къ нему на помощь...

— Тамъ же, можетъ-быть, ждутъ насъ Уилльямъ Гай и его товарищи!— воскликнулъ я, желая перевести разговоръ на интересовавшую всѣхъ тему.

И въ самомъ дѣлѣ, эта земля была та самая цѣль, которой сравнительно легко будетъ достигнуть!.. „Гальбрану“ не придется плыть наудачу... Онъ поѣдетъ туда, гдѣ очень возможно найдетъ капитана и матросовъ съ погибшей „Джэнъ“!..

Капитанъ Ленъ Гай молча простоялъ нѣсколько минутъ, а затѣмъ опять заговорилъ:

— А правда, Деркъ Питерсъ, что за восемьдесятъ-четвертымъ градусомъ горизонтъ передъ вами былъ задернутъ тою завѣсой изъ паровъ, о которой говорится и въ романѣ?.. Ты видѣлъ ее... видѣлъ своими собственными глазами... эти воздушные водопады... наконецъ, ту бездну, въ которой исчезла лодка Артура Пима?..

Метисъ окинулъ насъ взглядомъ и молча покачалъ своею громадною головой.

— Не знаю...— сказалъ онъ затѣмъ,— о чемъ вы меня спрашиваете, капитанъ?.. Завѣса изъ паровъ?.. Да... можетъ-быть... я видѣлъ землю на югѣ...

Деркъ Питерсъ, повидимому, никогда не читалъ книги Эдгара Поэ; впрочемъ, очень возможно, что онъ и совсѣмъ не умѣлъ читать. Онъ вручилъ Эдгару Поэ дневникъ Артуръ Пима и даже и не зналъ, какое употребленіе изъ нихъ сдѣлалъ американскій писатель. Живя сначала въ Иллинойсѣ, а затѣмъ на Фальклендахъ, онъ даже и не подозрѣвалъ, какіе толки вызвало въ обществѣ появленіе этого дневника-романа,

какъ не зналъ и того, какую развязку придумала фантазія писателя для того, чтобы съ честью выйти изъ затруднительнаго положенія?..

Но тутъ совершенно неожиданно вмѣшался Джимъ Вестъ, до сихъ поръ не принимавшій никакого участія въ разговорѣ. Что могло это значить?.. Неужели лейтенантъ перешелъ на мою сторону?.. Неужели мнѣ удалось поколебать его убѣжденія, и онъ подастъ голосъ за продолженіе кампаніи?.. Но если въ душѣ лейтенанта и происходило что-нибудь подобное, онъ, во всякомъ случаѣ, не далъ замѣтить этого и ограничился только однимъ вопросомъ:

— Капитанъ, я жду приказаній?.. .

Капитанъ Ленъ Гай поднялъ голову и окинулъ взоромъ собравшуюся на кормѣ группу матросовъ. Ближе къ нему стояли старые матросы „Гальбрана“, за ними новички, а немного въ сторонѣ за послѣдними рядами держался гарпунщикъ Гирнъ, который выжидалъ только удобнаго момента, чтобы принять участіе въ разговорѣ.

Капитанъ Ленъ Гай взглядомъ спросилъ боцмана и старыхъ матросовъ, которые, по одному его слову, готовы были итти и въ огонь и въ воду. Какой отвѣтъ онъ прочелъ въ ихъ глазахъ на свой нѣмой вопросъ,—этого я не знаю; но, по всей вѣроятности, отвѣтъ былъ удовлетворительный, потому что я слышалъ, какъ онъ прошепталъ сквозь зубы.

— Ахъ, если бы это зависѣло только отъ меня... Если бы всѣ были согласны помочь мнѣ!

И въ самомъ дѣлѣ, безъ согласія экипажа нечего было и думать продолжать поиски.

Первымъ отозвался на эти слова Гирнъ:

— Капитанъ! — сказалъ онъ своимъ грубымъ голосомъ. — Цѣлыхъ два мѣсяца прошло уже съ той поры, какъ мы покинули Фальклянды... Вы нанимали насъ съ обязательствомъ вернуться назадъ, какъ только мы достигнемъ острова Тсалаль.

— Это не правда! — закричалъ капитанъ Ленъ Гай, выведенный изъ себя словами Гирна. — Нѣтъ, не правда!.. Я нанялъ васъ для путешествія по Ледовитому океану и могу заставить васъ итти куда угодно!..

— Извините, капитанъ, — перебилъ его Гирнъ, — я говорю правду, и теперь мы находимся въ такомъ мѣстѣ, куда не удавалось еще проникнуть ни одному мореплавателю... куда не рисковалъ еще пробираться ни одинъ корабль, кромѣ „Джэнъ“... Поэтому я и мои товарищи, мы думаемъ, что намъ пора возвращаться назадъ и постараться достигнуть Фальклендовъ до наступленія зимы... Оттуда вы можете снова отправиться къ острову Тсалаль и даже добраться хоть до самаго полюса... если вамъ будетъ угодно!

Послышался одобрительный шопотъ. Очевидно, гарпунщикъ высказывалъ не одно только свое мнѣніе, а являлся въ то же время и выразителемъ мнѣнія большинства, то-есть, собственно говоря, мнѣнія новичковъ, нанятыхъ на Фальклендахъ. Дѣйствовать наперекоръ ихъ желанію и требовать повиновенія отъ этихъ людей, видимо, не расположенныхъ повиноваться,— рискнуть на это могъ бы развѣ только одинъ безумный!..

Но тутъ, очень кстати, опять вмѣшался Джимъ Вестъ, набросившійся на Гирна, которому онъ сказалъ угрожающимъ тономъ.

— Кто позволилъ тебѣ говорить?..

— Капитанъ насъ спрашивалъ, — возразилъ Гирнъ. — И я, кажется, имѣю право отвѣчать!

Давая такой отвѣтъ, гарпунщикъ такъ дерзко смотрѣлъ при этомъ на своего начальника, что лейтенантъ, вообще человѣкъ очень сдержанный, побагровѣлъ отъ гнѣва и готовъ былъ уже обрушиться на дерзкаго, но его остановилъ капитанъ Ленъ Гай, который при этомъ сказалъ:

— Успокойся, Джимъ!.. Мы никогда не добьемся успѣха, если не будемъ дѣйствовать согласно!

Затѣмъ, обращаясь къ боцману, спросилъ:

— Теперь скажи ты свое мнѣніе, Герлигерли?

— Оно очень ясно, капитанъ, — отвѣчалъ боцманъ. — Я буду исполнять ваши приказанія, вотъ и все!.. Мы обязаны сдѣлать все, что только будетъ можно для спасенія капитана Уилльяма Гайя и матросовъ съ „Джэнъ“!..

Боцманъ пріостановился на минуту, какъ бы собираясь съ мыслями, а въ это время Дрэпъ, Роджерсъ, Грэціанъ, Стэрнъ и Берри знаками выражали, что, съ своей стороны, вполнѣ одобряютъ мнѣніе боцмана.

— Что же касается Артура Пима... — продолжалъ онъ.

— Здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ Артурѣ Пимѣ, — торопливо перебилъ его капитанъ Ленъ Гай, — мы говоримъ только о моемъ братѣ Уилльямѣ и о его матросахъ...

Отвѣтъ капитана, видимо, не нравился Дерку Питерсу, и онъ раскрылъ было уже ротъ, чтобы выразить свой протестъ, но я во-время успѣлъ схватить его за руку и заставилъ молчать.

Капитанъ былъ совершенно правъ. Теперь было далеко еще не время заводить рѣчь объ Артурѣ Пимѣ. Онъ, какъ и я, желалъ пока только заручиться согласіемъ экипажа, а потомъ, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, всегда сумѣетъ заставить ихъ отправиться и на поиски Артура Пима. Несмотря на это, я все-таки считалъ себя обязаннымъ сдѣлать что-нибудь непосредственно и для Дерка Питерса.

Капитанъ Ленъ Гай, тѣмъ временемъ, продолжалъ допрашивать экипажъ. Прежде, чѣмъ принимать какое-нибудь рѣшеніе, онъ хотѣлъ поименно знать своихъ сторонниковъ. Всѣ старые матросы изъявили свое согласіе и обѣщались безпрекословно повиноваться капитану и слѣдовать за нимъ, куда бы онъ ни приказалъ.

Такъ же точно поступили и трое изъ новичковъ англійской національности. Большинство остальныхъ, хотя и не высказались опредѣленно, но мнѣ казалось, что они принадлежатъ къ числу сторонниковъ Гирна. По ихъ мнѣнію, путешествіе „Гальбрана“ оканчивалось у острова Тсалаль. Этимъ и объяснялся ихъ отказъ продолжать плаваніе и такъ опредѣленно выраженное желаніе повернуть голетъ къ сѣверу для того, чтобы миновать сплошные льды въ наиболѣе благопріятный сезонъ.

Такихъ несогласныхъ было около двадцати человѣкъ, и, судя по этому, можно съ увѣренностью сказать, что Гирнъ былъ, въ сущности, только выразителемъ мнѣнія этого подавляющаго большинства. Но сами ли они не желали ѣхать дальше или же ихъ подбивалъ Гирнъ, а только заставлять ихъ повиноваться силой, значило бы вызвать ихъ на открытый бунтъ.

У меня, впрочемъ, имѣлось еще одно средство, которое могло, пожалуй, заставить ихъ согласиться,— нужно было попытаться подѣйствовать на ихъ корыстолюбіе, на ихъ любовь къ презрѣнному металлу.

Я рѣшилъ попытать счастье, и заговорилъ такимъ твердымъ голосомъ, который, самъ по себѣ, не долженъ былъ допустить и мысли, что я говорю не серьезно.

— Матросы „Гальбрана“, — сказалъ я, — выслушайте меня!.. Правительства государствъ, снаряжая экспедиціи въ полярныя страны, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда назначали и преміи за сдѣланныя открытія... такъ же точно хочу поступить и я, и назначаю премію экипажу голета!.. Я назначаю премію въ двѣ тысячи долларовъ за каждый пройденный градусъ къ югу, отъ восемьдесятъ-четвертой параллели!

Въ среднемъ это составляло около семидесяти долларовъ на каждаго человѣка, и, по-моему, это должно было ихъ соблазнить. Я, какъ говорятъ, попалъ въ точку.

— Я выдамъ вамъ въ этомъ письменное обязательство, — продолжалъ я, — и передамъ его капитану Ленъ Гайю, который будетъ вашимъ повѣреннымъ, а заработанныя деньги будутъ вамъ выданы по возвращеніи, не обращая вниманія на то, при какихъ условіяхъ совершится дальнѣйшее плаваніе.

Мнѣ теперь оставалось только узнать, какой эффектъ произвело мое заявленіе и, надо сознаться, ждать пришлось мнѣ не долго.

— Ура!.. — крикнулъ первымъ боцманъ, желая подать примѣръ окружавшимъ насъ матросамъ, которые почти единодушно подхватили этотъ радостный крикъ.

Гирнъ молчалъ и наружно, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не выказывалъ своего неудовольствія. Онъ, по всей вѣроятности, рѣшилъ отложить это дѣло до другого, болѣе удобнаго случая.

Итакъ, договоръ былъ заключенъ!.. И я считаю, что побѣда досталась намъ даже очень дешево; потому что, если бы понадобилось, я для успѣха дѣла съ удовольствіемъ пожертвовалъ бы и болѣе крупною суммой.

Къ тому же мы были всего въ семи градусахъ отъ южнаго полюса, и если „Гальбрану“ даже и удастся проникнуть до самаго полюса, это будетъ мнѣ стоить всего четырнадцать тысячъ долларовъ.

ГЛАВА III.

Исчезнувшая группа острововъ.

Въ пятницу, 27-го декабря, „Гальбранъ“ на разсвѣтѣ вышелъ въ открытое море, держа курсъ на юго-западъ.

Служба на голетѣ шла по разъ установленному порядку. Работы было не много, и экипажъ вахты все время стоялъ посмѣнно. Погода продолжала стоять хорошая, море было все такъ же спокойно. Если ничто не измѣнится и дальше, то скрытое недовольство враждебныхъ намъ матросовъ, такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ я, не должно было бы развиться во что-нибудь болѣе серьезное, и мы могли не бояться новыхъ затрудненій въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, у такихъ грубыхъ натуръ мозги работаютъ вообще очень мало. Люди невѣжественные и корысто-

любивые не признаютъ ничего, что не входитъ въ сферу ихъ интересовъ. Они погружены цѣликомъ въ настоящее, и будущее ихъ нисколько не интересуетъ. Одинъ лишь грубый фактъ, ставящій ихъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, можетъ вывесть ихъ изъ этого состоянія.

Имѣемъ ли мы основаніе бояться, что въ будущемъ случиться что-нибудь подобное?..

Что касается Дерка Питерса, то онъ и теперь, послѣ того, какъ раскрыто было его инкогнито, ни въ чемъ не измѣнилъ своимъ привычкамъ и попрежнему продолжалъ держаться особнякомъ отъ остальныхъ матросовъ. Тутъ я считаю необходимымъ, между прочимъ, замѣтить, что раскрытіе тайны метиса не вызвало никакой перемѣны въ отношеніи къ нему со стороны матросовъ; они, повидимому, вовсе не ставили ему въ вину кровавыя сцены на „Грампусѣ“, разыгравшіяся частью далеко не потому, что онъ самъ желалъ этого... Кромѣ того, у всѣхъ слишкомъ свѣжо было еще въ памяти воспоминаніе о томъ, какъ этотъ же самый кровожадный метисъ, рискуя собственной жизнью, бросился въ бушующія волны океана спасать Мартина Гольта!.. Несмотря на это, онъ, какъ я уже говорилъ, продолжалъ держаться въ сторонѣ или, какъ говорили матросы, „итти другимъ курсомъ“ отъ остального экипажа... Можетъ-быть, онъ имѣлъ еще и другія какія-нибудь основанія держать себя особнякомъ?.. Этого мы пока не знали и только будущее можетъ разъяснить интересующій насъ вопросъ...

Сѣверный вѣтеръ, который много лѣтъ тому назадъ надувалъ паруса „Джэнъ“, державшей курсъ къ острову Тсалаль, и который затѣмъ увлекъ лодку Артура Пима еще на нѣсколько градусовъ дальше, подгонялъ теперь и нашъ голетъ. „Гальбранъ“ шелъ лѣвымъ галсомъ, имѣя вѣтеръ въ бакштагъ, и Джимъ Вестъ не преминулъ, конечно, воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы поставить всѣ паруса и захватить какъ можно больше вѣтра. Форштевень легко разсѣкалъ эти прозрачныя, а не молочныя воды, струившіяся длинной бѣлой спиралью за кормой.

Капитанъ Ленъ Гай въ это утро не выходилъ изъ своей каюты, гдѣ онъ отдыхалъ послѣ всего того, что ему пришлось пережить, перечувствовать наканунѣ. Но это нельзя было назвать настоящимъ отдыхомъ: и у себя въ каютѣ, вдали отъ любопытныхъ глазъ, онъ, навѣрное, далеко не былъ спокоенъ: надежда на успѣхъ, съ одной стороны, а съ другой — сознаніе страшной отвѣтственности, которую налагало на него рѣшеніе продлить путешествіе, можетъ-быть, до самаго полюса...

Когда я встрѣтился съ нимъ на слѣдующій день на палубѣ въ то время, какъ лейтенантъ ходилъ взадъ и впередъ по кормѣ, онъ подозвалъ насъ обоихъ къ себѣ:

— Мистеръ Джіорлингъ, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — если бы вы только знали, какъ тяжело было мнѣ отдавать приказаніе повернуть голетъ на сѣверъ!.. Повѣрьте, я отлично сознавалъ, что сдѣлалъ далеко не все еще для спасенія моего брата и его товарищей по несчастью! Но дѣлалъ я это потому, что заранѣе былъ увѣренъ, что большинство экипажа будетъ противъ меня, какъ только я скажу имъ, что островъ Тсалаль не конецъ путешествія, а только этапный пунктъ.

— И вы были совершенно правы, капитанъ, — отвѣчалъ я: — матросы начинали уже волноваться, и очень возможно, что это волненіе закончилось бы открытымъ бунтомъ...

— Ну, съ бунтомъ-то мы сумѣли бы справиться, — спокойнымъ тономъ возразилъ мнѣ Джимъ Вестъ. — Хотя мнѣ, можетъ-быть, и при-

...Земля впереди, на штирбордѣ!.. (Стр. 29.)

шлось бы разбить голову негодяю Гирну, который все еще продолжаетъ смущать своими розсказнями матросовъ.

— И ты имѣлъ бы на это полное право, Джимъ, — объявилъ капитанъ Ленъ Гай. — Но я не думаю, что наказаніе преступника улучшило бы дѣло, и на бортѣ едва ли воцарилось бы желаемое спокойствіе даже и послѣ этого?..

— Это правда, капитанъ, — отвѣчалъ лейтенантъ. — И я очень радъ, что дѣло обошлось безъ такихъ крутыхъ мѣръ!.. Но я все-таки совѣтую Гирну быть на будущее время поосторожнѣе!

— Его пріятели, — замѣтилъ капитанъ Ленъ Гай, — теперь успокоились, благодаря обѣщаннымъ большимъ преміямъ. Любовь къ золоту сдѣлаетъ ихъ терпѣливѣе и сговорчивѣе. Щедрость мистера Джіорлинга сдѣлала то, чего, навѣрное, не могли бы сдѣлать никакія просьбы... И я теперь торжественно приношу ему за это нашу благодарность.

— Капитанъ, — сказалъ я, — вѣдь еще въ то время, когда мы были на Фальклandахъ, я просилъ у васъ разрѣшеніе принять матеріальное участіе въ вашемъ предпріятіи. Теперь мнѣ совершенно случайно представился этотъ случай, и я, конечно, не замедлилъ имъ воспользоваться... благодарить меня тутъ, положительно, не за что... Достигнуть цѣли... спасти вашего брата Уилльяма и пятерыхъ матросовъ съ „Джэнъ“... Вотъ все, чего я хочу.

Капитанъ Ленъ Гай протянулъ мнѣ руку, которую я горячо пожалъ.

— Мистеръ Джіорлингъ, — сказалъ онъ затѣмъ, — вы, конечно, обратили вниманіе, что „Гальбранъ“ держитъ курсъ не прямо на югъ, несмотря на то, что въ этой сторонѣ именно и должна бы находиться земля, о которой намъ говорилъ Деркъ Питерсъ.

— Да, капитанъ.

— Я позволю себѣ замѣтить еще, капитанъ, — вмѣшался Джимъ Вестъ, — что Артуръ Пимъ, въ своемъ дневникѣ, ни однимъ словомъ не упоминаетъ даже о признакахъ земли въ этихъ мѣстахъ, и все ограничивается только одними увѣреніями метиса.

— Все это правда, лейтенантъ, — возразилъ я. — Но имѣемъ ли мы какое-нибудь основаніе подозрѣвать Дерка Питерса?.. Развѣ онъ всѣмъ своимъ поведеніемъ съ самаго момента поступленія на голетъ подалъ намъ хоть разъ поводъ заподозрить его во лжи?..

— Какъ матросъ, онъ всегда былъ исправенъ, и въ этомъ отношеніи я ни въ чемъ не могу его упрекнуть...— отвѣчалъ Джимъ Вестъ.

— А мы увѣрены, что онъ не только исправный служака, но въ то же время и честный человѣкъ, — объявилъ капитанъ Ленъ Гай. — Я составилъ себѣ это убѣжденіе не потому только, какъ онъ ведетъ себя на „Гальбранѣ“; но также и на основаніи всего того, что намъ извѣстно о его жизни въ то время, когда онъ плавалъ сначала на „Грампусѣ“, а потомъ на „Джэнъ“, и, повторяю еще разъ, твердо убѣжденъ, что это честный, заслуживающій полнаго довѣрія человѣкъ...

— Я съ вами совершенно согласенъ, — сказалъ я.

Не могу дать себѣ отчета, почему именно, но я горячо принялъ къ сердцу интересы метиса и готовъ былъ защищать его всѣми способами. Можетъ-быть, впрочемъ, это происходило потому,— я это предчувствовалъ,— что Дерку Питерсу, какъ мнѣ казалось, суждено играть еще видную роль въ будущей экспедиціи, которая должна будетъ заняться также розысками и Артура Пима... что мы будемъ искать Артура Пима и, въ концѣ концовъ, таки розыщемъ его, въ этомъ я былъ увѣренъ...

Я хоть и сдѣлался ярымъ сторонникомъ метиса, а мнѣ, все-таки, казалось въ душѣ немного странной такая увѣренность Дерка Питерса, что его товарищъ Артуръ Пимъ долженъ быть живъ еще и до сихъ

поръ. Капитанъ Ленъ Гай тоже обратилъ на это вниманіе, и сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Мы не должны упускать изъ виду, мистеръ Джіорлингъ, что метисъ все еще питаетъ надежду, что его другу Артуру Пиму удалось пристать къ какой-нибудь землѣ на югѣ, гдѣ онъ, можетъ-быть, живетъ и до сихъ поръ...

— Живъ... черезъ одиннадцать лѣтъ... въ этихъ полярныхъ странахъ!..— возразилъ Джемъ Вестъ.

— Я этого тоже не думаю, — замѣтилъ я. — А между тѣмъ, развѣ не могло случиться, согласитесь сами, что Артуръ Пимъ встрѣтилъ на своемъ пути гдѣ-нибудь на югѣ островъ, въ родѣ Тсалаль, на которомъ, какъ мы знаемъ, ровно столько же лѣтъ прожили Уилльямъ Гай и его товарищи по несчастью...

— Невозможнаго нѣтъ ничего на свѣтѣ, мистеръ Джіорлингъ, хотя мнѣ, все-таки, что-то не вѣрится!

— А я прибавлю еще, — продолжалъ я развивать свои мысли, — хотя это будетъ и еще менѣе вѣроятно, что ваши соотечественники послѣ того, какъ имъ пришлось покинуть островъ Тсалаль, могли тоже быть занесены силой теченія туда же, куда оно унесло и Артура Пима и, можетъ-быть...

Я не докончилъ начатой фразы, потому что предположеніе это не выдерживало даже и самой слабой критики, и, кромѣ того, я считалъ пока даже вреднымъ настаивать на необходимости разыскивать живого или мертваго Артура Пима. Я успѣю еще поговорить объ этомъ и послѣ того, какъ будутъ найдены капитанъ и матросы съ „Джэнъ“, если только, конечно, намъ суждено ихъ разыскать.

Тогда капитанъ Ленъ Гай, навѣрное, еще разъ возбудитъ этотъ вопросъ, а такъ какъ, разговаривая, мы незамѣтно далеко уклонились въ сторону отъ затронутой первоначально темы, или, выражаясь языкомъ боцмана, „измѣнили курсъ“, самое лучшее было повернуть его, сообразуясь съ „компасомъ“.

— Я сказалъ, — продолжалъ капитанъ Ленъ Гай, — что я не отдалъ приказанія держать курсъ прямо на югъ; но я сдѣлалъ это потому, что хочу сначала разыскать и осмотрѣть группу острововъ, которые должны находиться невдалекѣ отъ острова Тсалаль, на западѣ...

— Это очень благоразумно, — не могъ я не замѣтить. — И, кромѣ того, очень возможно, что осмотръ этихъ острововъ поможетъ намъ опредѣлить, когда именно произошло землетрясеніе, много лѣтъ тому назадъ или же недавно, какъ мнѣ кажется...

— Разумѣется недавно, — перебилъ меня капитанъ Ленъ Гай. — И даже послѣ отъѣзда Паттерсона, потому что подшкиперъ съ „Джэнъ“ оставилъ своихъ товарищей на островѣ!

Я уже раньше говорилъ, на чемъ основывали мы это убѣжденіе, и думаю, нѣтъ надобности повторять, что убѣжденіе это осталось непоколебимо и дальше.

— Если я не ошибаюсь, Артуръ Пимъ въ своемъ дневникѣ опредѣлилъ даже число острововъ группы? — спросилъ Джимъ Вестъ. — Ихъ должно быть, кажется, всего восемь острововъ?..

— Восемь, — отвѣчалъ я.— Такъ, по краней мѣрѣ, Деркъ Питерсъ слышалъ отъ дикаря, котораго они захватили съ собой въ пирогу.

Кромѣ того, Ну-Ну, не знаю ужъ на какомъ языкѣ, а можетъ-быть и мимикой объяснилъ имъ, что надъ этимъ архипелагомъ владычествуетъ какой-то царекъ, по имени Тсалемонъ, который живетъ или жилъ на самомъ маленькомъ изъ острововъ... Я думаю, что, если спросить метиса, онъ намъ разскажетъ это, пожалуй, даже подробнѣе, чѣмъ записано въ дневникѣ.

— Знать это очень важно, — замѣтилъ капитанъ. — А еще важнѣе будетъ для насъ убѣдиться, что землетрясеніе не распространило своего опустошительнаго дѣйствія на эту группу, и что она обитаема и до сихъ поръ, хотя это и заставитъ насъ держаться насторожѣ, приближаясь къ островамъ...

— Которые должны быть очень недалеко отъ острова Тсалаль, — добавилъ я. — Кромѣ того, капитанъ, очень возможно, что вашъ братъ и матросы пріютились на одномъ изъ этихъ острововъ?..

— Если это такъ, радоваться намъ особенно нечего, потому что несчастные англичане при этомъ должны были попасть въ руки тѣхъ самыхъ дикарей, къ которымъ имъ какими-то судьбами посчастливилось не попасть въ то время, когда они жили на островѣ Тсалаль. Затѣмъ для того, чтобы ихъ выручить, если окажется, что дикари пощадили имъ жизнь, „Гальбрану“, по всей вѣроятности, придется употребить силу, и, кто знаетъ, увѣнчается ли еще его попытка успѣхомъ?..

— Джимъ,— продолжалъ капитанъ Ленъ Гай, — мы идемъ со скоростью отъ восьми до девяти миль, и черезъ нѣсколько часовъ, по всей вѣроятности, впереди покажется земля... прикажи смотрѣть впередъ повнимательнѣе.

— Это уже сдѣлано, капитанъ.

— А что сидитъ кто-нибудь въ сорочьемъ гнѣздѣ?..

— Деркъ Питерсъ... онъ самъ вызвался...

— Хорошо, Джимъ, на него можно смѣло положиться... онъ не прозѣваетъ...

— Да, отъ него не спрячешься, — добавилъ я. — У него такое зрѣніе, какое дай Богъ всякому.

Голетъ все тѣмъ же быстрымъ ходомъ продолжалъ бѣжать на западъ, и, несмотря на то, что земля должна бы давно уже показаться, метисъ все еще не объявлялъ объ этомъ со своего наблюдательнаго пункта. Пробило десять часовъ, а земли все еще не было видно. Мнѣ начинало уже казаться, что съ этими островами произойдетъ тоже самое, что произошло съ островами Авроры или Гласса, которые мы тщетно искали между Фальклендами и Новой Георгіей. Ни малѣйшаго клочка твердой земли не виднѣлось надъ поверхностью океана, не видно было даже туманнаго пятна на горизонтѣ. Впрочемъ, можетъ-быть, эти острова очень низменны, и часовой замѣтитъ ихъ только тогда, когда мы будемъ отъ нихъ въ разстояніи одной или двухъ миль?..

Къ несчастью, и вѣтеръ началъ замѣтно спадать къ полудню. Кромѣ того, теченіе отнесло голетъ съ намѣченнаго пути гораздо дальше къ югу, чѣмъ намъ это бы хотѣлось. Но часовъ около двухъ пополудни вѣтеръ опять засвѣжѣлъ, и Джимъ Вестъ приказалъ поставить всѣ паруса, какіе только было можно, желая этимъ наверстать невольную неподвижность, относительную, конечно, за время штиля.

Въ продолженіе двухъ часовъ „Гальбранъ“ шелъ въ этомъ направленіи со скоростью отъ семи до восьми миль, и, все-таки, на морѣ не видно было нигдѣ и признаковъ земли.

— Я не допускаю даже и мысли, что мы можемъ не найти этой группы, — сказалъ мнѣ капитанъ Ленъ Гай. — Потому что, по словамъ Артура Пима, островъ Тсалаль принадлежалъ къ очень обширной группѣ, чуть ли не къ цѣлому архипелагу.

— Но онъ нигдѣ не говоритъ, что видѣлъ хоть одинъ изъ острововъ въ то время, когда „Джэнъ“ стояла на якорѣ...— замѣтилъ я.

— Да, это правда, мистеръ Джіорлингъ. Но такъ какъ, по моему мнѣнію, „Гальбранъ“ съ утра прошелъ не менѣе пятидесяти миль, и такъ какъ тутъ идетъ дѣло объ островахъ, лежащихъ, сравнительно, очень близко другъ отъ друга...

— Въ такомъ случаѣ, капитанъ, тутъ остается только одинъ выводъ, — и въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, — группа острововъ, къ которой принадлежалъ островъ Тсалаль, исчезла цѣликомъ во время землетрясенія...

— Земля впереди, на штирбордѣ! — крикнулъ Деркъ Питерсъ.

Всѣ повернули глаза въ ту сторону, но ничего не могли разсмотрѣть на гладкой поверхности моря. Происходило это, по всей вѣроятности, потому, что метисъ, сидѣвшій на верхушкѣ фокъ-мачты, могъ видѣть то, что не было видно еще никому изъ насъ. Кромѣ того, метисъ обладалъ еще очень острымъ зрѣніемъ, а долгая жизнь на морѣ не допускала съ его стороны никакой ошибки, и я увѣренъ, что онъ, и въ самомъ дѣлѣ, видѣлъ землю впереди.

Предположеніе мое подтвердилось, и черезъ четверть часа мы могли уже разсмотрѣть въ подзорныя трубы, въ двухъ или трехъ миляхъ къ западу, нѣсколько островковъ, разсѣянныхъ по поверхности океана, освѣщенной косыми лучами солнца.

Лейтенантъ приказалъ убрать верхніе паруса, и „Гальбранъ“ остался подъ косымъ гротомъ, фокъ-голетомъ и большимъ кливеромъ.

Что ждало насъ впереди? Нужно ли было сейчасъ же готовиться къ оборонѣ, выносить оружіе на палубу, заряжать мортиры, поднимать абордажныя сѣти?.. Капитанъ Ленъ Гай думалъ, что прежде, чѣмъ принимать такія мѣры предосторожности, голетъ долженъ сначала подойти какъ можно ближе къ берегу.

Въ какомъ же видѣ предстала передъ нами эта группа? Тамъ, гдѣ, по словамъ Артура Пима, должны были находиться большіе острова, мы видѣли всего только нѣсколько, не больше полудюжины, очень маленькихъ островковъ, поднимавшихся изъ воды на восемь-десять туазовъ...

Въ эту минуту метисъ, спускавшійся внизъ вдоль праваго бакштага, спрыгнулъ на палубу.

— Ну! Деркъ Питерсъ, ты узналъ эту группу?..— спросилъ его капитанъ Ленъ Гай.

— Группу?..— отвѣтилъ метисъ, покачивая головой.— Нѣтъ... я видѣлъ только пять или шесть головокъ островковъ... Тамъ только камушки... ни одного острова!

И на самомъ дѣлѣ, изъ воды торчали только верхушки острововъ, а самыхъ острововъ не было видно, — они исчезли подъ водой, и эти

маленькіе конусы были все, что осталось отъ нѣкогда большого архипелага, по крайней мѣрѣ, въ западной его части. Впрочемъ, мы могли еще надѣяться, если, конечно, группа острововъ занимала пространство въ нѣсколько градусовъ, что землетрясеніе уничтожило только одни западные острова.

Мы рѣшили провѣрить это, предварительно осмотрѣвъ каждый островокъ, и, по возможности, опредѣлить, когда именно произошло здѣсь землетрясеніе, неоспоримые слѣды котораго носилъ на себѣ островъ Тсалаль.

По мѣрѣ того, какъ голетъ подходилъ къ островамъ, намъ становились все виднѣе эти остатки группы, почти совершенно уничтоженные въ западной своей части. Поверхность наибольшихъ островковъ не превышала пятидесяти или шестидесяти квадратныхъ туазовъ, а наименьшихъ — трехъ или четырехъ. Послѣдніе имѣли видъ рифовъ, о которые разбивался небольшой морской прибой.

Нечего, конечно, и говорить, что „Гальбрану“ нельзя было итти въ проходы между этими вершинами острововъ, потому что ему угрожала опасность пробить себѣ борта или киль. Мы предполагали ограничиться тѣмъ, что онъ обойдетъ вокругъ островковъ и узнаетъ, какія бѣды причинило землетрясеніе, т. е. опустились ли въ море всѣ острова группы или же только часть ихъ. Весьма возможно, что при этомъ мы найдемъ необходимымъ высадиться на тотъ или другой островокъ, гдѣ, можетъ-быть, намъ удастся сдѣлать какое-нибудь интересное открытіе.

Не доходя, приблизительно, десяти кабельтововъ до главнаго островка, капитанъ Ленъ Гай велѣлъ бросить лотъ. Дно нащупали на глубинѣ двадцати брасовъ,— это дно, по всей вѣроятности, раньше было поверхностью теперь затопленнаго острова, центральная часть котораго поднималась надъ уровнемъ моря на пять, на шесть туазовъ.

Голетъ подошелъ еще ближе, и на глубинѣ въ пять брасовъ бросилъ якорь въ море.

Джимъ Вестъ хотѣлъ было сначала лечь въ дрейфъ на то время, пока будетъ продолжаться изслѣдованіе острова; но его заставило отказаться отъ этого слишкомъ быстрое теченіе, которое все время относило ихъ къ югу и которое могло подхватить голетъ. Поэтому всего лучше было просто стать на якорь около одного изъ острововъ, гдѣ море только едва замѣтно плескалось.

Какъ только якорь впился своими лапами въ землю, съ голета спустили шлюпку, и въ нее сѣли капитанъ Ленъ Гай, боцманъ, Деркъ Питерсъ, Мартинъ Гольтъ, двое матросовъ и я.

До ближайшаго островка отъ насъ было всего съ четверть мили. Мы на веслахъ очень быстро прошли это разстояніе по узкимъ проходамъ между рифами, утесистыя вершины которыхъ то исчезали подъ волнами, то появлялись наружу, окруженныя пѣной клокочущаго прибоя. На нихъ, конечно, нечего было искать какихъ-нибудь слѣдовъ или признаковъ, которые помогли бы намъ болѣе или менѣе точно опредѣлить время землетрясенія. Но, повторяю еще разъ, мы всѣ были увѣрены, что записная книжка Паттерсона неоспоримо доказываетъ, что катастрофа произошла недавно.

Лодка углубилась въ проходъ между утесами. Деркъ Питерсъ, стоя на кормѣ, правилъ рулемъ и старался, чтобы лодка не ударилась о какой-нибудь изъ утесовъ.

Вода, прозрачная и спокойная, позволяла видѣть не песчаное морское дно, усѣянное раковинами, а черноватыя глыбы, покрытыя подъземной растительностью, цѣлый зеленый коверъ изъ растеній, не принадлежавшихъ къ морской флорѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя плавали по поверхности воды.

Мы могли считать это уже неоспоримымъ доказательствомъ, что почва, въ которой сидѣли корни этихъ растеній, очень еще недавно опустилась въ море.

Когда шлюпка достигла ближайшаго островка, одинъ изъ матросовъ бросилъ дрэкъ, а затѣмъ осторожно подтянули шлюпку къ берегу бечевою и всѣ мы высадились на берегъ.

Въ этомъ мѣстѣ раньше находился одинъ изъ самыхъ большихъ острововъ группы, превратившійся въ неправильной формы овалъ, имѣвшій, приблизительно, сто-пятьдесятъ туазовъ въ окружности и поднимавшійся футовъ на двадцать-пять, на тридцать надъ поверхностью моря.

— Развѣ приливы поднимаются когда-нибудь на такую высоту? — спросилъ я капитана Ленъ Гайя.

— Никогда, — отвѣчалъ онъ мнѣ. — И на этомъ основаніи я надѣюсь, что намъ, можетъ-быть, удастся найти въ центрѣ островка кое-какіе образчики растительнаго царства, остатки жилищъ...

— Самое лучшее, по-моему, — сказалъ боцманъ, — итти слѣдомъ за Деркомъ Питерсомъ, который бывалъ здѣсь уже раньше. Этотъ дьяволъ метисъ въ состояніи разсмотрѣть своими зоркими глазами то, чего никому изъ насъ не увидѣть ни за что!

Въ нѣсколько минутъ мы всѣ добрались уже до высшей точки островка. Тамъ мы нашли даже больше, чѣмъ ожидали: мы нашли останки какихъ-то животныхъ, можетъ-быть, тѣхъ самыхъ домашнихъ животныхъ, о которыхъ такъ много повѣствуетъ въ своемъ дневникѣ Артуръ Пимъ; - разнаго рода птицы, утки *camvassback*, свиньи, черная кожа которыхъ была покрыта такою же черною щетиной. Тутъ, между прочимъ, мы обратили вниманіе на разницу между этими костями и костями, найденными нами на островѣ Тсалаль; здѣсь всѣ кости казались совершенно свѣжими, если можно такъ выразиться, и это какъ разъ согласовалось съ нашимъ предположеніемъ, что землетрясеніе произошло недавно.

Кромѣ того, тамъ и сямъ зеленѣли ростки селдерея и ложечной травы, и даже росли кое-какіе цвѣточки.

— Да они еще, вдобавокъ, нынѣшняго года! — вскричалъ я. — Имъ не пришлось пережить еще ни одной южной зимы...

— Я думаю то же самое, мистеръ Джіорлингъ, — вмѣшался Герли-герли. — Но развѣ не могли они вырасти тутъ и послѣ распаденія всей группы?..

— По-моему, это невозможно, — отвѣчалъ я, какъ человѣкъ, который упрямо не хочетъ отказаться отъ преслѣдующей его idée fixe.

Тамъ и сямъ росли также тощія деревцы, нѣчто въ родѣ дикаго орѣшника, и Деркъ Питерсъ, сломавъ вѣточку, показалъ намъ выступившій на мѣстѣ излома сокъ.

На этой вѣткѣ висѣли орѣхи, похожіе на тѣ орѣхи, которые рвали онъ и его товарищи во время своего невольнаго заточенія въ

ущельѣ вблизи Клокъ-Клока, на днѣ тѣхъ гіероглифическихъ безднъ, отъ которыхъ мы не нашли и слѣда на островѣ Тсалаль.

Деркъ Питерсъ разбилъ при насъ нѣсколько орѣховъ и съ удовольствіемъ съѣлъ ихъ.

Дальнѣйшій осмотръ острова окончательно убѣдилъ насъ, что землетрясеніе, а съ нимъ вмѣстѣ и разрушеніе всей группы, произошло очень недавно и, во всякомъ случаѣ, послѣ отъѣзда Паттерсона. Точно такъ же мы съ увѣренностью могли сказать, что не это землетрясеніе было причиной гибели жителей острова Тсалаль, кости которыхъ грудами лежали въ окрестностяхъ селенія. Что же касается капитана Уилльяма Гайя и пяти матросовъ съ „Джэнъ“, то мы тоже были почти увѣрены, что они бѣжали съ острова во-время, потому что намъ нигдѣ не удалось найти ихъ тѣла.

Весь вопросъ заключался только въ томъ, куда имено бѣжали они, покинувъ островъ Тсалаль?..

Но, какъ ни трудно или, лучше сказать, даже невозможно было отвѣтить на этотъ вопросъ въ данную минуту, мнѣ, тѣмъ не менѣе, вопросъ этотъ вовсе не казался совсѣмъ неразрѣшимымъ даже и въ будущемъ... Мы узнали же многое такое, что тоже могло казаться сокрытымъ навѣки отъ людей, и почему бы намъ не узнать со временемъ точно такъ же и все остальное...

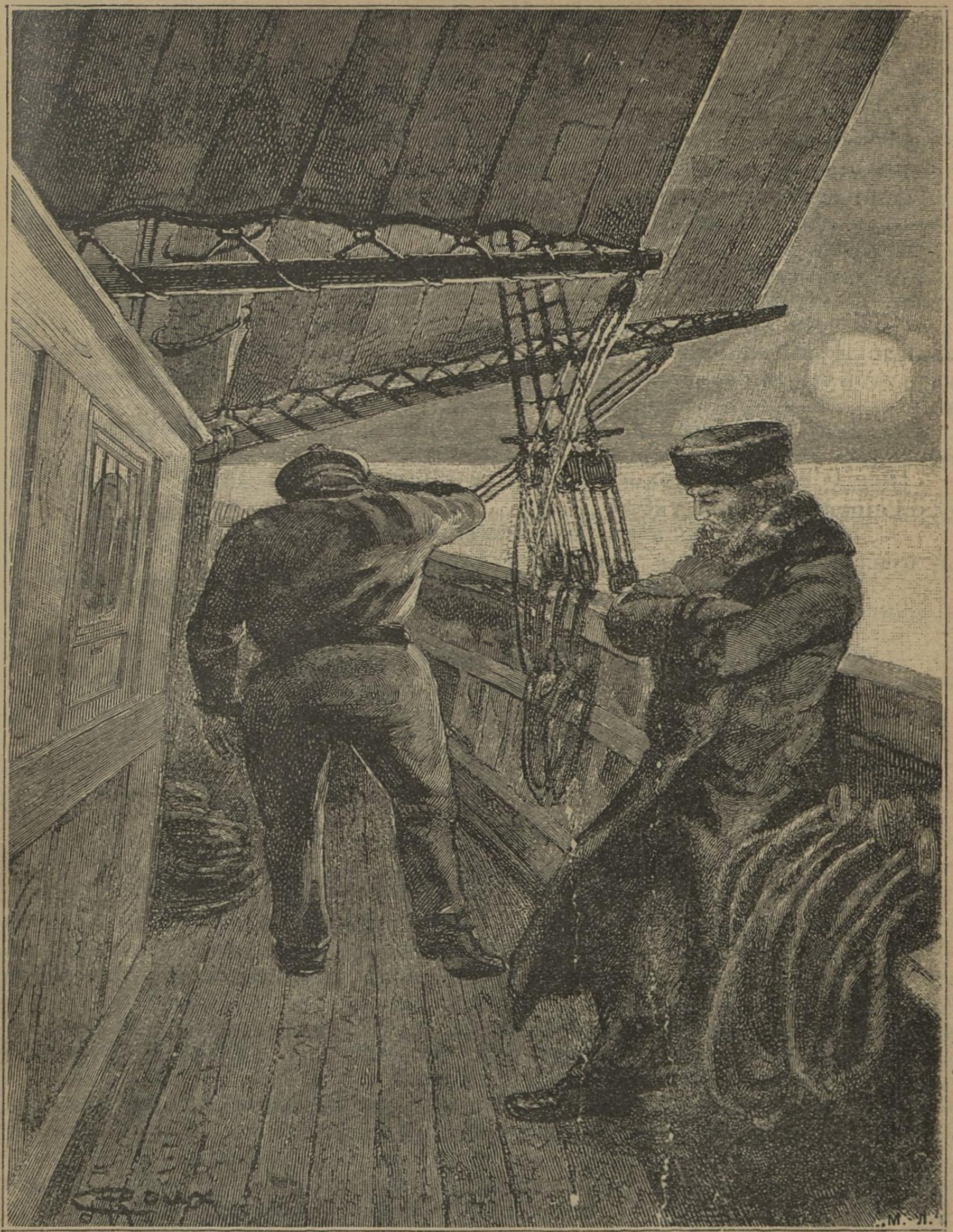
Я не буду подробно описывать, какъ мы изслѣдовали всю группу, одинъ островокъ за другимъ, и ограничусь только тѣмъ, что скажу, что это заняло почти цѣлыя сутки. На многихъ изъ островковъ мы нашли тѣ же растенія и почти тѣхъ же животныхъ и птицъ, что и на первомъ островкѣ; и всѣ эти открытія только еще больше подтвердили наше первоначальное заключеніе. Капитанъ Ленъ Гай, лейтенантъ, боцманъ и я,— всѣ мы были совершенно согласны въ томъ, что населеніе острова Тсалаль погибло гораздо раньше землетрясенія.

„Гальбранъ“ могъ не бояться нападенія дикарей, и нечего, конечно, говорить, какое это имѣло значеніе для насъ.

Теперь вотъ вопросъ. Можно ли было вывести на основаніи вышеприведеннаго заключеніе, что Уилльямъ Гай и пятеро матросовъ, добравшись до одного изъ этихъ острововъ, погибли также во время разрушенія и исчезновенія архипелага?...

Вотъ мое заключеніе, съ которымъ, въ концѣ концовъ, долженъ былъ согласиться и капитанъ Ленъ Гай.

— Какъ мы знаемъ изъ дневника Артура Пима и записной книжки Паттерсона, — сказалъ я, — во время искусственнаго разрушенія холма Клокъ-Клока изъ экипажа „Джэнъ“ уцѣлѣло всего семь человѣкъ, считая въ томъ числѣ и Паттерсона, и затѣмъ еще собака Тигръ, бренные останки котораго мы нашли около селенія. Затѣмъ, спустя нѣкоторое время послѣ гибели большой части населенія Тсалаль, остальные туземцы покинули Тсалаль и переселились на другіе острова этой группы. Капитанъ Уилльямъ Гай и его товарищи, матросы, оставшись полными и единственными хозяевами острова, безъ особаго труда могли снискивать себѣ пропитаніе тамъ, гдѣ до нихъ жило нѣсколько тысячъ дикарей. Такъ прожили они очень долго, лѣтъ десять-одиннадцать, не имѣя возможности выбраться изъ своей тюрьмы; хотя, по всей вѣроятности, они не разъ дѣлали подобныя попытки — я лично въ этомъ



...Онъ ушелъ, оставивъ меня одного... (Стр. 38.)

даже увѣренъ — или на туземной пирогѣ, или же на лодкѣ, построенной ихъ собственными руками. Наконецъ, около семи мѣсяцевъ тому назадъ, т. е. послѣ исчезновенія Паттерсона, землетрясеніе перевернуло вверхъ дномъ островъ Тсалаль. Тогда, по моему мнѣнію, Уилльямъ Гай и его товарищи, находя невозможнымъ оставаться долѣе на островѣ, должны были бѣжать во что бы то ни стало, съ цѣлью добраться до антарктическаго круга. При этомъ весьма вѣроятно, что попытка ихъ не увѣнчалась успѣхомъ, и, въ концѣ концовъ, силой теченія ихъ унесло на югъ, и они во время этого невольнаго странствованія по океану могли достигнуть тѣхъ земель, которыя видѣли Деркъ Питерсъ и Артуръ Пимъ за восемьдесятъ-четвертымъ градусомъ южной широты?.. Поэтому и капитанъ, если желаетъ найти ихъ, долженъ искать ихъ въ этомъ направленіи и вести туда же и „Гальбранъ“... И только пройдя еще два или три градуса, намъ, можетъ-быть, удастся напасть на ихъ слѣды. Цѣль нашего путешествія тамъ, и я позволю себѣ спросить, кто изъ насъ не пожертвуетъ, если понадобится, даже своей жизнью ради того, чтобы ея достигнуть?..

— Дай Богъ, чтобы намъ это удалось, мистеръ Джіорлингъ! — отвѣчалъ капитанъ Ленъ Гай.

Позже, когда я остался одинъ съ боцманомъ, послѣдній счелъ себя обязаннымъ сказать мнѣ:

— Я слушалъ васъ съ большимъ вниманіемъ, мистеръ Джіорлингъ, и, признаюсь, вы меня почти убѣдили...

— Вы кончите тѣмъ, что совсѣмъ перейдете на нашу сторону, Герлигерли.

— Когда?..

— Можетъ-быть, даже раньше, чѣмъ вы думаете!

На слѣдующій день, 29-го декабря, около шести часовъ утра, голетъ снялся съ якоря и, пользуясь легкимъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, взялъ курсъ прямо на югъ.

ГЛАВА IV.

Съ 29-го декабря по 9-е января.

Утромъ, держа передъ глазами книгу Эдгара Поэ, я внимательно перечиталъ еще разъ двадцать-пятую главу. Въ ней говорится, что, когда туземцы замѣтили ихъ, бѣглецы, а съ ними вмѣстѣ и дикарь Ну-Ну, были уже въ пяти или шести миляхъ отъ берега. Отъ шести или семи острововъ, группировавшихся на западѣ, въ настоящее время виднѣлись на поверхности океана всего только однѣ верхушки, которыя нельзя было назвать даже и островками.

Больше всего меня заинтересовали въ этой главѣ слѣдующія строки, которыя мнѣ очень хочется привести текстуально:

„Идя съ сѣвера, по направленію къ острову Тсалаль, „Джэнъ“ постепенно оставляла за собою самыя суровыя ледяныя области; и, хотя это и шло въ разрѣзъ съ обще составленнымъ мнѣніемъ относительно антарктическаго океана, это былъ фактъ, который мы, при всемъ желаніи, не имѣли права отрицать. Поэтому пытаться теперь вернуться къ

сѣверу было бы чистѣйшимъ безумiемъ, особенно же въ виду близости зимняго сезона. Для насъ была открыта одна только дорога — на югъ; и мы, надѣясь на удачу, рѣшились смѣло итти на югъ, гдѣ мы могли еще расчитывать открыть другiе какiе-нибудь острова, и гдѣ, весьма возможно, климатъ окажется еще менѣе суровымъ, чѣмъ въ этой мѣстности".

Такъ разсуждалъ Артуръ Пимъ, такъ должны были, по его примѣру, поступить и мы. Наконецъ, 29 февраля — годъ 1828 былъ високосный — бѣглецы были среди громадной и печальной водяной пустыни океана, за восемьдесятъ-четвертой параллелью. Но мы проникли въ эти области гораздо раньше, и теперь было всего только 29-е декабря. „Гальбранъ" на цѣлые два мѣсяца опередилъ пирогу, убѣгавшую отъ острова Тсалаль, которому уже угрожало приближенiе долгой полярной зимы. Съ другой стороны, нашъ голетъ, находившiйся въ полномъ порядкѣ и хранившiй въ своемъ трюмѣ громадные запасы провизiи, давалъ намъ больше надежды на успѣхъ, чѣмъ утлое суденышко Артура Пима, чѣмъ жалкая пирога съ ивовыми тимберсами, длиною всего въ пятьдесятъ футовъ и шириной отъ четырехъ до шести футовъ, на которой, въ видѣ провизiи, имѣлось всего только три черепахи для пропитанiя трехъ человѣкъ.

Вотъ почему я возлагалъ такую надежду на успѣхъ второй части нашей экспедицiи.

Еще къ полудню послѣдніе островки затопленнаго архипелага исчезали на горизонтѣ. Море выглядѣло такимъ же, какимъ мы видѣли его еще вблизи островка Беннета, — нигдѣ ни одной льдины; это объясняется, впрочемъ, тѣмъ, что температура воды равнялась сорока-тремъ градусамъ (6° 11 С. выше нуля). Теченiе, отъ четырехъ до пяти миль въ часъ, шло направляясь съ сѣвера на югъ.

Птицы стаями носились надъ нами — это были всѣ тѣ же типичные представители пернатаго царства полярныхъ странъ, зимородки, пеликаны, буревѣстники и альбатросы. Тутъ я, между прочимъ, долженъ замѣтить, что послѣдніе, т. е. альбатросы, далеко не имѣли такихъ гигантскихъ размѣровъ, какъ это говоритъ въ своемъ дневникѣ Артуръ Пимъ, и, кромѣ того, еще ни одна изъ этихъ птицъ не издавала крика *текели-ли*, которое, повидимому, было наиболѣе употребительнымъ словомъ тсалалiйскаго языка.

Въ теченiе двухъ слѣдующихъ дней не случилось ничего такого особеннаго, о чемъ нужно было бы упомянуть въ этихъ запискахъ. Мы не видѣли нигдѣ ни земли ни признаковъ ея. Матросы цѣлыми днями занимались рыбною ловлей, благодаря тому, что въ морѣ кишмя кишѣли зеленобрюшки, треска, скаты, морскiе угри, голубые дельфины и другiя породы рыбъ. Герлигерли и Эндикотъ умѣло распоряжались пойманною добычей, и за столомъ каютъ-компанiи и остального экипажа каждый день фигурировало рыбное блюдо; и, если сказать правду, оба наши повара обладали такими познанiями въ кулинарномъ искусствѣ, что неизвѣстно, кому изъ нихъ отдать пальму первенства.

На слѣдующiй день, 1-го января 1840 г. — опять високосный годъ, легкая хмара затуманила солнце въ первые часы дня; но мы не думали, чтобы это предвѣщало близкую перемѣну погоды.

Прошло уже четыре мѣсяца и семнадцать дней съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Кергуэлены, и два мѣсяца и пять дней съ того дня, какъ „Гальбранъ“ покинулъ Фальклянды.

Сколько времени продлится еще это плаваніе?.. Но меня, главнымъ образомъ, интересовало не это, а желаніе знать, до какого мѣста антарктической области удастся намъ проникнуть.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что въ послѣднее время метисъ довольно рѣзко измѣнилъ манеру держать себя, если не по отношенію къ капитану Ленъ Гайю и матросамъ, то по отношенію ко мнѣ. Онъ, конечно, не могъ не обратить вниманія на то, что я больше всѣхъ интересуюсь судьбою Артура Пима, и теперь всѣми способами старался держаться какъ можно ближе ко мнѣ, хотя и не измѣнилъ своей привычкѣ не говорить безъ крайней необходимости. Но въ этомъ и надобности особенной не было, мы и безъ словъ понимали одинъ другого. По временамъ, впрочемъ, онъ нарушалъ свой обѣтъ молчанія, если только онъ когда-нибудь его давалъ, и въ свободное отъ службы время пробирался къ скамейкѣ, на которой я обыкновенно проводилъ большую часть дня. Раза три или четыре мы даже вступали съ нимъ въ разговоръ; но стоило только подойти къ намъ капитану Ленъ Гайю, лейтенанту или боцману,— и Деркъ Питерсъ моментально умолкалъ и уходилъ.

Однажды часовъ около десяти утра, въ то время, когда Джимъ Вестъ стоялъ на вахтѣ, а капитанъ Ленъ Гай занимался въ своей каютѣ, метисъ медленными шагами подошелъ ко мнѣ; на лицѣ его ясно читалось желаніе поговорить — о чемъ? угадать это, конечно, не представляло особаго труда.

Какъ только онъ подошелъ къ моей скамеечкѣ, я сказалъ ему.

— Деркъ Питерсъ, ты хочешь поговорить со мной о немъ?..

Зрачки метиса засіяли какъ угли, на которые только что подули.

— О немъ!.. — прошепталъ онъ.

— Ты, значитъ, не забылъ его, Деркъ Питерсъ?

— Забыть его... сэръ?.. Никогда!..

— Онъ всегда тутъ... передъ тобой...

— Всегда!.. Поймите меня... мы видѣли съ нимъ такъ много горя!.. Мы были, какъ родные братья... Нѣтъ, больше!.. отецъ и сынъ!.. Да!.. я люблю его какъ сына!.. Мы оба были такъ далеко... слишкомъ далеко... онъ... еще потому, что не вернулся до сихъ поръ!.. Я побывалъ опять на родинѣ, въ Америкѣ... я... а Пимъ... бѣдный Пимъ... все еще тамъ!..

Глаза метиса наполнились слезами. Да и могло ли быть иначе, если принять во вниманіе дикую и страстную натуру метиса!..

— Деркъ Питерсъ,— спросилъ я его,— можешь ли ты хоть приблизительно указать на картѣ путь, который вы прошли въ пирогѣ, съ момента бѣгства вашего съ острова Тсалаль?

— Нѣтъ, сэръ!.. У бѣднаго Пима не было инструмента... Вы знаете... морскія машинки... чтобы смотрѣть на солнце... Поэтому мы и не могли узнать... Впрочемъ, я, все-таки, могу вамъ сказать, что цѣлую недѣлю теченіе гнало насъ къ югу... и вѣтеръ тоже дулъ съ сѣвера... Хорошій вѣтеръ, и хорошо было и море... Мы поставили на планширѣ два гребка, въ видѣ мачты... и растянули наши рубашки, вмѣсто парусовъ...

— Да,— отвѣчалъ я,— рубашки изъ полотна, бѣлый цвѣтъ которыхъ такъ пугалъ вашего плѣнника Ну-Ну...

— Можетъ быть... Я не обратилъ на это особеннаго вниманія... Но если Пимъ говорилъ это, значитъ, это правда!

Оказывалось, что метисъ не имѣлъ даже и понятія о многихъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ явленіяхъ, которыя такъ подробно описаны въ дневникѣ, привезенномъ имъ въ Соединенные штаты... Это давало мнѣ еще большое основаніе предполагать, что всѣ эти феномены явились плодомъ фантазіи автора дневника, вслѣдствіе чрезмѣрнаго возбужденія нервной системы. Несмотря на это, я рѣшилъ обстоятельно выяснить этотъ вопросъ и сталъ разспрашивать Дерка Питерса.

— А вы могли добывать себѣ какую-нибудь пищу въ теченіе этой недѣли? — спросилъ я.

— Да... сэръ... и потомъ то же... мы сами и дикарь... Вы знаете... въ пирогѣ были три черепахи... у нихъ внутри всегда можно найти прѣсную воду... а мясо ихъ вкусно... даже сырое... Да! сырое мясо... сэръ!..

Произнося эти послѣднія слова, Деркъ Питерсъ понизилъ голосъ, точно боялся, что его услышатъ, и при этомъ быстро осмотрѣлся кругомъ.

Картины прошлаго, тѣхъ кровавыхъ сценъ, которыя разыгрывались на „Грампусѣ“, очевидно, еще слишкомъ хорошо сохранились въ его памяти, и онъ не могъ вспомнить о нихъ безъ содроганія!.. Нельзя даже и представить себѣ то выраженіе ужаса, которое изобразилось на лицѣ метиса въ ту минуту, когда онъ заговорилъ о сыромъ мясѣ!.. Но въ лицѣ его не было выраженія каннибала Австраліи или Новыхъ Гебридъ, а выраженіе лица человѣка, который съ ужасомъ вспоминаетъ о своихъ собственныхъ гнусныхъ поступкахъ!

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія я опять заговорилъ и все на ту же тему.

— Послушай, Деркъ Питерсъ! Вѣдь это было, кажется, 1-го марта,— спросилъ я, — если только можно вѣрить словамъ твоего товарища, когда вы въ первый разъ увидѣли широкую завѣсу сѣраго пара, пересѣченную лучистыми и колеблющимися пологами?..

— Не помню хорошенько, сэръ!.. Но если Пимъ говорилъ это, надо вѣрить тому, что говоритъ Пимъ!

— А не говорилъ онъ тебѣ ни разу или не показывалъ ли онъ тебѣ огненные лучи, какъ бы падавшіе съ неба? — продолжалъ я разспрашивать, не желая въ то же время употреблять выраженіе — полярное сіяніе, котораго метисъ могъ и не понять.

— Никогда... сэръ,— отвѣчалъ Деркъ Питерсъ послѣ краткаго раздумья.

— А ты не замѣчалъ, что цвѣтъ моря измѣнялся... что онъ терялъ свою прозрачность... становился бѣлымъ... и былъ похожъ на молоко... а поверхность его мутилась вокругъ вашей лодки?..

— Можетъ-быть, это и было все такъ... сэръ... не знаю... не помню... Поймите меня... Я уже не помнилъ и не понималъ ничего... Лодка уходила... уходила... и голова моя вмѣстѣ съ ней...

— А потомъ, Деркъ Питерсъ, ты не помнишь ту тончайшую пыль, которая падала... мелкая какъ зола... какъ бѣлая зола?..

— Не помню...

— Можетъ-быть, это былъ снѣгъ?...

— Снѣгъ?.. Да... нѣтъ!.. Было жарко... А что сказалъ Пимъ?.. Надо вѣрить тому, что сказалъ Пимъ!

Очевидно, сколько бы я ни разспрашивалъ метиса, я не добьюсь болѣе или менѣе удовлетворительнаго отвѣта ни на одинъ изъ подобныхъ вопросовъ. Если даже и было что-нибудь подобное тому, о чемъ такъ подробно разсказывается въ послѣднихъ главахъ романа-дневника, въ памяти метиса не сохранялось объ этомъ никакихъ воспоминаній.

Затѣмъ Питерсъ продолжалъ почти шопотомъ:

— Пимъ все это вамъ разскажетъ... сэръ... Онъ все знаетъ... а я не знаю... Онъ видѣлъ... ему вы можете повѣрить...

— Я ему повѣрю, Деркъ Питерсъ, да, я ему повѣрю, — отвѣчалъ я, не желая огорчать метиса.

— И потомъ... мы отправимся разыскивать его, не правда ли?..

— Надѣюсь...

— Послѣ того, какъ разыщемъ Уилльяма Гайя и матросовъ съ „Джэнъ“...

— Да... послѣ...

— И даже въ томъ случаѣ, если мы ихъ и не найдемъ...

— Даже... и въ томъ случаѣ... Деркъ Питерсъ... Я думаю, что мнѣ удастся уговорить капитана...

— Онъ, навѣрное, не откажется помочь человѣку... такому же, какъ и онъ самъ...

— Нѣтъ, онъ не откажетъ!.. А между тѣмъ, — добавилъ я, — если даже и окажется, что Уилльямъ Гай и его матросы живы, можемъ ли мы надѣяться, что Артуръ Пимъ...

— Живъ?.. Да!.. живъ! — вскричалъ метисъ. — Клянусь Великимъ Духомъ моихъ отцовъ... онъ живъ... онъ ждетъ меня... бѣдный Пимъ!.. И какъ же онъ будетъ радъ, когда увидитъ опять старика Дерка... и я... и я... тоже съ ума сойду отъ радости...

При этомъ широкая грудь Дерка Питерса вздымалась, какъ волнующееся море.

Затѣмъ онъ ушелъ, оставивъ меня одного. Нѣтъ надобности прибавлять, какое впечатлѣніе произвело на меня горе этого полудикаря, такъ искренно, такъ горячо любившаго своего несчастнаго товарища, того, кого онъ называлъ своимъ сыномъ!

Дни 2, 3 и 4-го января голетъ шелъ держа курсъ прямо на югъ. Во все это время мы нигдѣ не видѣли и признаковъ земли, — одно безбрежное синее море, сливавшееся съ небомъ на горизонтѣ. Часовой изъ сорочьяго гнѣзда не давалъ знать о появленіи ни континента ни острововъ въ этой части Антарктиды. Можетъ-быть, Деркъ Питерсъ ошибался, увѣряя насъ, что онъ видѣлъ въ этой сторонѣ землю? Оптическіе обманы такъ часто наблюдались и наблюдаются въ этихъ областяхъ!..

— При этомъ мы не должны упускать изъ виду, — замѣтилъ я капитану Ленъ Гайю, — что Артуръ Пимъ, покидая островъ Тсалаль, не имѣлъ при себѣ необходимыхъ инструментовъ для производства астрономическихъ наблюденій...

— Я это знаю, мистеръ Джіорлингъ, и поэтому очень возможно, что эти земли лежатъ или восточнѣе или западнѣе того пути, которымъ мы идемъ. Очень жаль еще, что ни Артуръ Пимъ ни Деркъ Пи-

терсъ не выходили нигдѣ на берегъ. Тогда мы могли бы не сомнѣваться въ ихъ существованіи, и, въ концѣ концовъ, мы все-таки открыли бы ихъ...

— Мы и такъ откроемъ ихъ, капитанъ, пройдя еще нѣсколько градусовъ къ югу...

— Очень возможно, мистеръ Джіорлингъ, хотя, мнѣ кажется, намъ слѣдовало бы гораздо лучше изслѣдовать земли, лежащія между сороковымъ и сорокъ-пятымъ меридіанами...

— Вы забываете, какъ намъ дорого время, капитанъ, — торопливо возразилъ я. — И мы только попусту потеряли бы время. Мы вѣдь не достигли еще той широты, гдѣ бѣглецы были разлучены другъ съ другомъ...

— А позвольте васъ спросить, какая это широта, мистеръ Джіорлингъ? Я не нашелъ на это указаній въ романѣ, по той, именно, причинѣ, что нельзя было ее вычислить...

— Это правда, капитанъ, какъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что пирогу, по всей вѣроятности, унесло теченіемъ очень далеко отъ острова Тсалаль; такъ, по крайней мѣрѣ, говорится въ послѣдней главѣ романа.

И въ самомъ дѣлѣ, въ главѣ этой имѣются, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Мы продолжали плыть безъ особенно важныхъ приключеній въ теченіе, можетъ-быть, семи или восьми дней, и въ продолженіе этого періода мы должны были проплыть громадное разстояніе, потому что вѣтеръ былъ почти все время попутный, и, кромѣ того, насъ влекла еще непродолимая сила теченія, впрочемъ, въ желаемомъ направленіи“.

Капитанъ Ленъ Гай хорошо зналъ это мѣсто, потому что не разъ перечитывалъ послѣднюю главу. Затѣмъ я прибавилъ:

— Въ дневникѣ сказано „громадное разстояніе“, и эта замѣтка помѣчена еще 1-мъ марта. А такъ какъ плаваніе продолжалось до 22-го марта, и такъ какъ Артуръ Пимъ говоритъ дальше, что „лодка его все стремилась къ югу, подъ вліяніемъ сильнаго быстраго теченія“ — это его собственныя слова, — я думаю, капитанъ, что, на основаніи этого, можно вывести заключеніе...

— Что онъ добрался до полюса, мистеръ Джіорлингъ?..

— Почему бы и нѣтъ; если, находясь еще на островѣ Тсалаль, они были отъ него въ разстояніи всего четырехсотъ миль?..

— Для насъ это, въ сущности, не имѣетъ никакого значенія, — отвѣчалъ капитанъ Ленъ Гай. — „Гальбранъ“ идетъ вѣдь разыскивать вовсе не Артура Пима, а моего брата и его матросовъ. Мнѣ нужно только знать, могли ли они добраться до какого-нибудь клочка земли, изъ тѣхъ земель, которыя видѣлъ Деркъ Питерсъ.

Въ этомъ отношеніи капитанъ Ленъ Гай былъ совершенно правъ, и я даже началъ бояться, какъ бы онъ не отдалъ приказанія измѣнить курсъ и повернуть на востокъ или на западъ. Но такъ какъ метисъ продолжалъ настойчиво утверждать, что ихъ пирога плыла къ югу и что въ этой же сторонѣ они видѣли и земли, о которыхъ онъ говорилъ, капитанъ не рѣшался уклониться съ разъ намѣченнаго пути. Я такъ успѣлъ освоиться съ мыслью, что мы, кромѣ капитана Ленъ Гайя

и матросовъ съ „Джэнъ“, разыщемъ также и Артура Пима, что приказаніе измѣнить курсъ привело бы меня въ отчаяніе.

Кромѣ того, я былъ почему-то увѣренъ, что, если эти острова существуютъ въ дѣйствительности, а не созданы фантазіей метиса, они должны быть гораздо ближе къ полюсу, т. е. подъ болѣе высокими широтами.

Несмотря на всѣ увѣренія Артура Пима, мы до сихъ поръ, какъ и раньше, не видѣли и не замѣчали ни одного изъ тѣхъ странныхъ явленій, о которыхъ такъ распространяется авторъ дневника. Мы не видѣли ни застилавшихъ горизонтъ туманныхъ паровъ ни измѣненія въ верхнихъ слояхъ моря. Что касается увѣренія, будто бы вода въ морѣ была до такой степени горяча, что рука не могла выносить, то и тутъ дневникъ, повидимому, сильно грѣшилъ противъ истины. Температура воды не превышала пятидесяти градусовъ (10° С. выше нуля); хотя и это было далеко ненормально въ этой части антарктическаго пояса. И хотя Деркъ Питерсъ и повторялъ то и дѣло: „Надо вѣрить тому, что говорилъ Пимъ!“ — я, при всемъ моемъ желаніи, не могъ согласиться съ тѣмъ, что словамъ его друга нужно вѣрить безусловно.

Здѣсь же, или, по крайней мѣрѣ, въ этихъ мѣстахъ, бѣглецы увидѣли одного изъ тѣхъ огромныхъ бѣлыхъ животныхъ, которыя внушали такой страхъ жителямъ острова Тсалаль. Но мы не видѣли ничего подобнаго, какъ не видѣли ни описанныхъ въ дневникѣ морскихъ млекопитающихъ, ни гигантскихъ птицъ, ни страшныхъ плотоядныхъ животныхъ полярныхъ областей...

Никто изъ насъ, кромѣ того, не испытывалъ того упадка силъ физическихъ и моральныхъ, который пережилъ Артуръ Пимъ, — нѣчто въ родѣ оцѣпенѣнія тѣла и духа, которое дѣлало ихъ неспособными къ малѣйшему физическому усилію.

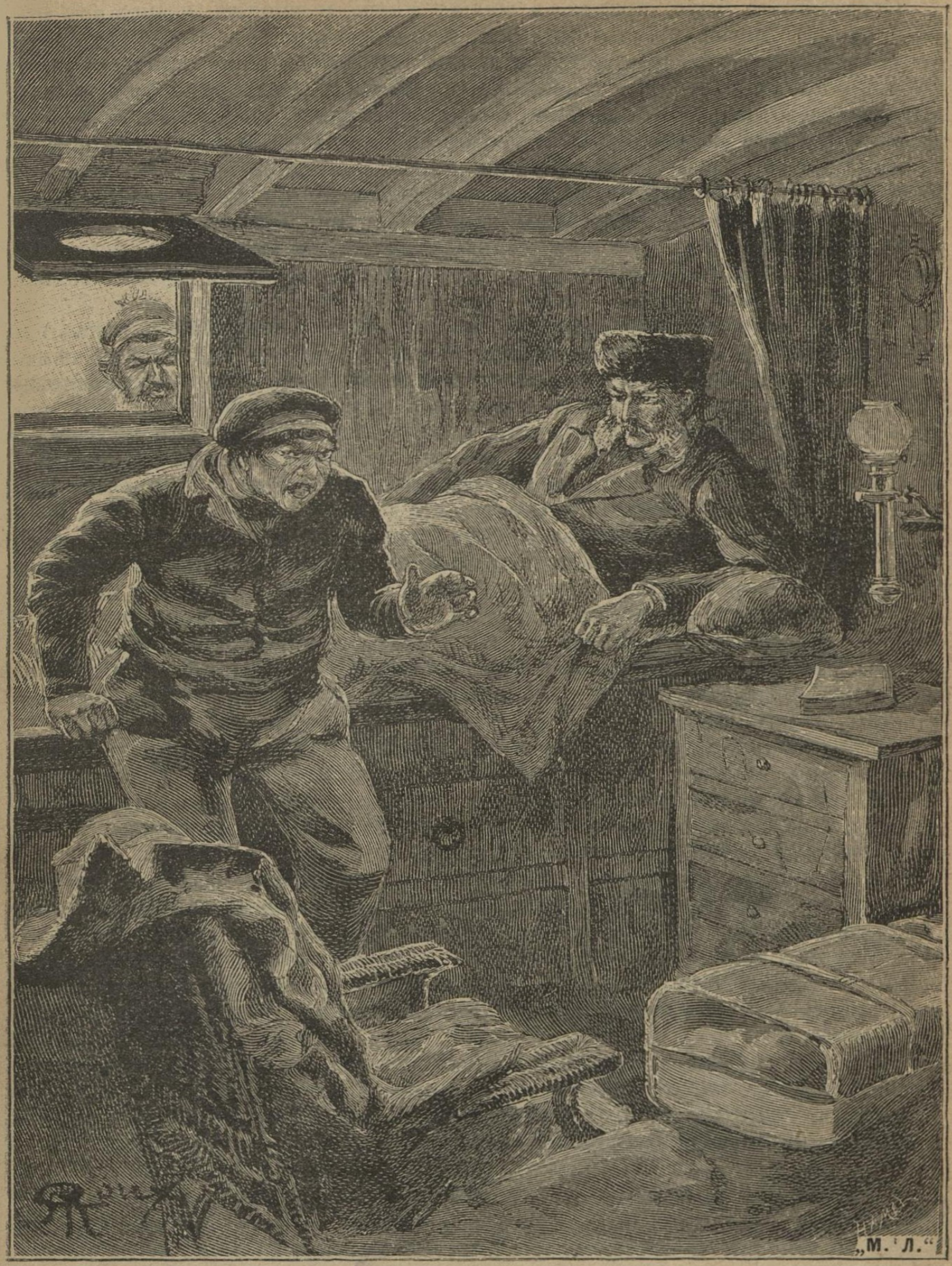
Наконецъ, 7-го января, по мнѣнію Дерка Питерса, — онъ расчитывалъ по времени, которое „Гальбранъ“ находился въ плаваніи, — мы достигли того мѣста, гдѣ дикарь Ну-Ну, лежавшій на днѣ лодки, испустилъ послѣдній вздохъ. Два съ половиной мѣсяца спустя, 22-го марта, написана была послѣдняя строчка дневника, въ которомъ описывается это необыкновенное путешествіе.

Какъ бы тамъ ни было, а только „Гальбрану“ не пришлось видѣть ни одного изъ этихъ чудесъ антарктическаго пояса, и южное солнце все попрежнему ярко свѣтило съ безоблачныхъ небесъ.

Наблюденіе, произведенное 9-го января, дало слѣдующіе результаты: долгота все та же, между сорокъ-вторымъ и сорокъ-третьимъ меридіанами, а широта 86° 33′.

Здѣсь, какъ увѣрялъ насъ метисъ, и произошло невольное разлученіе бѣглецовъ, вслѣдствіе столкновенія пироги со льдиной, которую теченіемъ несло къ сѣверу.

Въ послѣднемъ обстоятельствѣ не было бы ничего необыкновеннаго, если бы и пирога плыла по теченію въ томъ же направленіи; а между тѣмъ, она стремительно неслась къ югу и тоже по теченію. Можетъ-быть, впрочемъ, льдину, на которую удалось вскарабкаться Дерку Питерсу, уносило къ сѣверу встрѣчнымъ теченіемъ.



Если бы онъ узналъ что я . (Стр. 52.)

Странно это было, правда, а между тѣмъ, и вполнѣ возможно, потому что въ послѣдніе два дня мы тоже начали замѣчать, что здѣсь проходятъ два встрѣчныхъ теченія. Къ счастью для насъ, до сихъ поръ все еще продолжалъ дуть свѣжій нордъ-вестъ, и „Гальбранъ“, поставивъ всѣ паруса, быстро бѣжалъ къ болѣе высокимъ широтамъ и успѣлъ уже проникнуть на тридцать градусовъ дальше, чѣмъ удалось пробраться Уэделлю, и на два градуса дальше несчастной „Джэнъ“. Но пока это намъ не принесло еще никакой пользы,— мы не видѣли нигдѣ и признаковъ земли; и это, какъ мнѣ казалось, очень безпокоило капитана Ленъ Гайя, который начиналъ терять надежду и даже какъ будто бы жалѣлъ, что поддался на наши уговоры и потратилъ попусту столько драгоцѣннаго времени.

Что же касается меня, то мнѣ одинаково хотѣлось найти какъ Артура Пима, такъ и капитана и матросовъ съ „Джэнъ“. А между тѣмъ, я и самъ сознавалъ, что у меня нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній надѣяться найти его въ живыхъ!.. Да... я знаю это... Но метисъ былъ увѣренъ, что онъ живъ, и я надѣялся на это вмѣстѣ съ нимъ!.. А что, если бы капитанъ вдругъ приказалъ повернуть назадъ?.. Нельзя даже и представить себѣ, что было бы тогда съ Деркомъ Питерсомъ!.. Онъ, по всей вѣроятности, предпочелъ бы броситься въ море и добираться до полюса вплавь, чѣмъ возвращаться на сѣверъ!.. А тутъ еще все чаще и чаще начали ворчать недовольные матросы-новички и настойчиво требовали повернуть носъ судна на сѣверъ, а насъ называли упрямыми безумцами, которые, въ концѣ концовъ, погубятъ и себя и другихъ... Душой всѣхъ этихъ недовольныхъ, конечно, былъ не кто иной, какъ Гирнъ, и я очень боялся, какъ бы Деркъ Питерсъ, въ одинъ прекрасный день, не выбросилъ за бортъ главаря заговорщиковъ, гарпунщика.

Капитанъ, конечно, зналъ и видѣлъ все это и отлично понималъ, какъ важно не допускать никакихъ волненій и ссоръ во время плаванія. Поэтому капитанъ, желая успокоить умы, приказалъ, по моей, впрочемъ, просьбѣ, собраться экипажу на палубѣ, возлѣ гротъ-мачты, и сказалъ людямъ, приблизительно, слѣдующее:

— Матросы „Гальбрана“! Со дня отъѣзда нашего съ острова Тсалаль голетъ прошелъ два градуса къ югу, и поэтому я считаю нужнымъ объявить вамъ, что на основаніи письменнаго обѣщанія мистера Джіорлинга, которое хранится у меня, вы, въ настоящее время, успѣли заработать уже четыре тысячи долларовъ, — по двѣ тысячи долларовъ за градусъ — которые и будутъ вамъ выданы мною по возвращеніи изъ путешествія.

Кое-гдѣ послышался одобрительный шопотъ, но—и только. Дружнаго веселаго „ура“ на этотъ разъ не вызвало заявленіе капитана, хотя желающимъ, если бы таковые нашлись, боцманъ Герлигерли и поваръ Эндикотъ и подали примѣръ.

ГЛАВА V.

Исповѣдь Гента.

Дѣло становилось серьезнѣе, чѣмъ мы думали, потому что, если мы и могли считать на своей сторонѣ, вмѣстѣ съ боцманомъ и поваромъ, и всѣхъ старыхъ матросовъ, — это далеко не обезпечивало намъ полной побѣды; новичковъ было гораздо больше, и намъ трудно, если невозможно, будетъ заставить ихъ покориться намъ. Четырнадцать человѣкъ, считая въ томъ числѣ и Дерка Питерса, не могли, конечно, расчитывать на безусловную и полную побѣду надъ девятнадцатью негодяями. Кромѣ того, можно было бояться, что, сверхъ ожиданія, отъ насъ отшатнется еще кой-кто и изъ старыхъ матросовъ „Гальбрана“?.. Устоятъ ли они, слушая изо дня въ день разглагольствованія Гирна и его ближайшихъ приспѣшниковъ?.. Не можетъ развѣ дѣло кончиться тѣмъ, что они присоединятся къ нимъ и потребуютъ возвращенія назадъ, сначала къ сплошнымъ льдамъ, а потомъ и въ моря умѣреннаго пояса?..

Наконецъ, ужъ если говорить всю правду, не можетъ развѣ самому капитану Ленъ Гайю надоѣсть странствовать по океану безъ всякихъ почти шансовъ на успѣхъ?.. Кто знаетъ, можетъ-быть, онъ и даже очень скоро откажется отъ послѣдней надежды найти въ этихъ отдаленныхъ и неизвѣстныхъ областяхъ матросовъ съ „Джэнъ“?.. Передъ нимъ съ каждымъ днемъ все чаще и чаще будетъ вставать призракъ недалекой уже южной зимы и страшныхъ полярныхъ бурь, борьба съ которыми, само собою разумѣется, будетъ не по силамъ нашему голету... и, въ концѣ концовъ, онъ прикажетъ свистать всѣхъ на верхъ „къ повороту“... Какое значеніе будутъ имѣть тогда всѣ мои доказательства и просьбы?.. Я буду одинъ противъ всѣхъ!..

Одинъ?.. нѣтъ!.. На мою сторону, во всякомъ случаѣ, станетъ Деркъ Питерсъ... Но какъ меня, такъ и его, конечно, никто не послушается!..

Капитанъ Ленъ Гай съ ума сходилъ отъ отчаянія, и я видѣлъ, какъ тяжело ему сохранять свое обычное хладнокровіе; онъ дѣлалъ это, конечно, потому, что дай онъ сегодня волю своему горю, и завтра же на голетѣ вспыхнетъ бунтъ. Голетъ все это время шелъ своимъ разъ назначеннымъ курсомъ, по прямой линіи, проведенной къ полюсу отъ острова Тсалаль. Можно было подумать, что киль нашего голета держится подводнымъ магнитомъ на долготѣ „Джэнъ“, и дай Богъ, чтобы ни теченія ни вѣтры не сбили его съ нея! Въ борьбѣ съ этими силами природы мы, конечно, оказались бы, навѣрное, побѣжденными; тогда какъ въ борьбѣ съ ропотомъ экипажа, проистекающимъ, главнымъ образомъ, отъ страха, мы могли еще и сами расчитывать на побѣду...

Кромѣ того, я долженъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, которое сильно помогало намъ въ нашемъ поступательномъ движеніи къ югу. Сѣверное теченіе, дошедшее до minimum'а въ предыдущіе дни, снова давало себя чувствовать и несло голетъ самъ по себѣ съ быстротой отъ трехъ до четырехъ миль въ часъ. Очевидно, — какъ замѣтилъ мнѣ капитанъ Ленъ Гай, — оно было преобладающимъ въ этой части океана, хотя по временамъ сила его и парализовалась встрѣчными теченіями, отмѣтить которыя, съ большей или меньшей точностью, на картахъ было очень трудно. Къ несчастью, не могли мы также опредѣ-

лить — а это для насъ было бы очень важно знать,— попала ли въ это теченіе и лодка, на которой покинули островъ Тсалаль Уилльямъ Гай и его товарищи, или, можетъ-быть, ихъ подхватило встрѣчное теченіе, направлявшееся съ юга на сѣверъ. При этомъ, конечно, нужно имѣть въ виду, что вліяніе теченія должно было превышать вліяніе силы вѣтра на обыкновенную весельную лодку безъ парусовъ, какъ и всѣ лодки или пироги островитянъ, на которыхъ весла замѣнялись гребками.

Но какъ бы тамъ ни было, а только въ данное время обѣ эти стихійныя силы соединялись вмѣстѣ и быстро гнали „Гальбранъ“ къ той математической точкѣ, которая называется южнымъ полюсомъ.

Такъ прошли дни 10, 11 и 12-го января. За это время не случилось ничего такого, что заслуживало бы особеннаго вниманія, за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкотораго пониженія ртути въ термометрахъ. Температура воздуха понизилась до сорока-восьми градусовъ (8° 89 С. выше нуля), а температура воды до тридцати-трехъ (0° 56 С. выше нуля).

Какая, однако, громадная разница съ тѣмъ, что говорится въ запискахъ Артура Пима, который увѣряетъ, что вода была до такой степени горяча, что въ нее нельзя было даже опустить руку!..

Теперь только кончалась первая половина января, и пройдутъ еще цѣлые два мѣсяца до тѣхъ поръ, пока южная зима приведетъ въ движеніе ледяныя горы, образуетъ ледяныя поля и глыбы, скрѣпитъ огромныя массы сплошныхъ льдовъ и превратитъ въ плотныя массы жидкія водныя равнины Антарктиды. Во всякомъ случаѣ, мы могли бы быть увѣрены, что въ теченіе всего лѣтняго сезона море свободно ото льда между семьдесятъ-второй и восемьдесятъ-седьмой параллелями.

До нашего появленія здѣсь плавали сначала суда Уэделля, за ними „Джэнъ“, подъ командой Уилльяма Гайя, а теперь также безпрепятственно плыветъ и „Гальбранъ“... И, по-моему, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что если подъ этими самыми широтами бываетъ свободенъ ото льда Сѣверный Ледовитый океанъ, то почему же не можетъ быть того же самаго и въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ?..

Утромъ, 13 января, мнѣ пришлось наединѣ побесѣдовать съ боцманомъ, и онъ мнѣ, между прочимъ, сообщилъ такія вещи, которыя заставляли бояться даже открытаго возмущенія экипажа.

Матросы въ это время завтракали въ своемъ помѣщеніи, за исключеніемъ Дрэпа и Стэрна, стоявшихъ на вахтѣ, на носу. Голетъ, пользуясь попутнымъ свѣжимъ вѣтромъ, несъ всѣ свои паруса, верхніе и нижніе, и быстро скользилъ по волнующейся поверхности безбрежнаго океана. Фрэнсисъ стоялъ у штурвала и держалъ курсъ на зюйдъ-зюйдъ-остъ, стараясь итти какъ можно ближе къ вѣтру.

Я прогуливался по палубѣ, между фокъ и гротъ-мачтой, и смотрѣлъ на стаи птицъ, проносившихся надъ нами съ оглушительными криками; нѣкоторыя изъ этихъ птицъ, и главнымъ образомъ буревѣстники, присаживались по временамъ отдохнуть на концы рей. Никому и въ голову не приходило стрѣлять въ нихъ, потому что это было бы совершенно безполезною тратой пороха, такъ какъ мясо этихъ птицъ, маслянистое и жесткое, совсѣмъ несъѣдобно.

Въ эту минуту Герлигерли подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ на птицъ и затѣмъ сказалъ:

— Странное открытіе сдѣлалъ я, мистеръ Джіорлингъ...

— Какое, боцманъ?

— А вотъ какое!.. Эти морскія птицы не летятъ уже прямо къ югу, какъ это онѣ дѣлали до сихъ поръ... Многія изъ нихъ, повидимому, даже летятъ опять на сѣверъ...

— Я это тоже замѣтилъ, Герлигерли.

— И знаете что, мистеръ Джіорлингъ?.. Даже и тѣ изъ нихъ, которыя улетѣли туда раньше, и тѣ скоро вернутся...

— А почему, боцманъ?

— Да просто потому, что онѣ чувствуютъ приближеніе зимы...

— Зимы?

— Разумѣется!

— Едва ли это такъ, боцманъ?.. Здѣсь такъ тепло теперь, что птицамъ нѣтъ никакого основанія спѣшить возвращаться въ менѣе холодныя области раньше времени...

— Раньше времени, мистеръ Джіорлингъ?..

— Послушайте, боцманъ, вы же вѣдь и сами знаете, что корабли цѣлыми десятками и даже сотнями бороздятъ воды Антарктиды вплоть до марта мѣсяца?..

— Но не подъ этою широтой, — возразилъ Герлигерли, — не подъ этою широтой! Кромѣ того, бываютъ вѣдь и раннія зимы, какъ бываетъ и раннее лѣто. Теплое время года въ этомъ году наступило на цѣлыхъ два мѣсяца раньше, и поэтому можно бояться, что и зима дастъ себя знать раньше обыкновеннаго.

— Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, — отвѣчалъ я. — Но намъ этого бояться нечего, потому что наша экспедиція достигнетъ своей цѣли не позже, какъ черезъ три недѣли...

— Если до тѣхъ поръ не встрѣтится никакого препятствія, мистеръ Джіорлингъ...

— Я васъ не понимаю, боцманъ...

— Напримѣръ континентъ, который можетъ заградить намъ путь...

— Континентъ, Герлигерли?..

— Признаться вамъ, мистеръ Джіорлингъ, меня это ни капельки бы не удивило...

— Да въ этомъ и не можетъ быть ничего необыкновеннаго, ничего невозможнаго, — возразилъ я.

— Что же касается земель, которыя будто бы видѣлъ Деркъ Питерсъ, — продолжалъ Герлигерли, — и куда могли бы пристать капитанъ и матросы съ „Джэнъ“, я въ нихъ, признаться сказать, совсѣмъ не вѣрю...

— Почему?..

— Потому что Уилльямъ Гай, у котораго была только лодка или, во всякомъ случаѣ, судно небольшихъ размѣровъ, не могъ проникнуть такъ далеко въ эти моря...

— Я на вашемъ мѣстѣ не сталъ бы говорить такъ утвердительно, боцманъ!

— А между тѣмъ, мистеръ Джіорлингъ...

— Не понимаю, почему вы считаете невозможнымъ, чтобы Уилльямъ Гай добрался до какой-нибудь земли, если бы ихъ туда занесло теченіемъ?.. Не могъ же онъ, я полагаю, плавать всѣ эти восемь мѣсяцевъ на своей

лодкѣ!.. Его спутники и онъ самъ могли высадиться или на какой-нибудь островъ, или на континентъ, и, по-моему, это совершенно достаточная причина для того, чтобы не прекращать поисковъ...

— Разумѣется; но не всѣ такъ думаютъ,— отвѣчалъ Герлигерли, покачивая головой.

— Я это знаю, боцманъ, и это-то меня больше всего и заботитъ. Развѣ недовольные начинаютъ сильнѣе роптать?

— Боюсь, что да, мистеръ Джіорлингъ! Надежда получить нѣсколько сотъ долларовъ уже не имѣетъ прежней силы, и, несмотря на желаніе заработать еще нѣсколько сотъ долларовъ, недовольство продолжаетъ расти... А между тѣмъ, премія вѣдь не маленькая!.. Отъ острова Тсалаль до полюса, предположимъ даже, что можно будетъ туда добраться, шесть градусовъ... А премія за шесть градусовъ, по двѣ тысячи долларовъ за каждый, составитъ двѣнадцать тысячъ долларовъ на тридцать человѣкъ, или четыреста долларовъ на человѣка!.. Недурно было бы положить такія денежки въ карманъ по возвращеніи „Гальбрана“ изъ путешествія!.. А между тѣмъ, проклятый Гирнъ такъ ловко подзадориваетъ своихъ товарищей, что еще немного, и они взбунтуются!..

— Новички можетъ быть, боцманъ!.. Но старые матросы...

— Гм!.. есть и между послѣдними трое или четверо, которые начинаютъ задумываться... имъ тоже не нравиться, что мы плывемъ все впередъ и впередъ...

— Я думаю, что капитанъ Ленъ Гай и лейтенантъ сумѣютъ заставить ихъ повиноваться...

— Ну, это еще неизвѣстно, мистеръ Джіорлингъ!.. Развѣ не можетъ случиться, что и самъ нашъ капитанъ станетъ на ихъ сторону... и откажется отъ продолженія этой экспедиціи?...

— Да! этого-то именно боюсь и я самъ; но вѣдь помочь тутъ нечѣмъ.

— Зато за моего друга Эндикота, мистеръ Джіорлингъ, я отвѣчаю какъ за самого себя. Мы съ нимъ готовы плыть хоть на край свѣта, если только есть гдѣ-нибудь этотъ край свѣта и если капитанъ пожелаетъ отправиться туда. Правда, насъ двоихъ, Дерка Питерса и васъ слишкомъ мало для того, чтобы заставить слушаться остальныхъ!..

— А что думаютъ о метисѣ? — спросилъ я.

— Какъ вамъ сказать?.. Они, повидимому, считаютъ его главнымъ виновникомъ того, что путешествіе тянется такъ долго... Мистеръ Джіорлингъ, хотя вы и приняли на себя большую часть расходовъ по экспедиціи, но я думаю, вы позволите и мнѣ высказать свое мнѣніе... Вы платите и платите хорошо... несмотря на то, что головастый Деркъ Питерсъ упрямо твердитъ, что его бѣдный Пимъ все еще живъ... тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, онъ или утонулъ, или замерзъ, или же раздавленъ... словомъ, такъ или иначе, а умеръ одиннадцать лѣтъ тому назадъ!..

— Я и самъ былъ почти увѣренъ въ этомъ, и потому никогда не вступалъ въ споръ съ метисомъ по этому поводу.

— Вотъ видите ли, мистеръ Джіорлингъ,— продолжалъ боцманъ,— въ первое время Деркъ Пите съ интересовалъ насъ всѣхъ просто какъ странный, непонятный чудакъ; затѣмъ мы заинтересовались имъ уже гораздо сильнѣе послѣ того, какъ онъ спасъ Мартина Гольта... Правда,

онъ и послѣ этого не сталъ дружить ни съ кѣмъ, и отъ него все также нельзя было добиться ни одного слова, словомъ — медвѣдь такъ и не вышелъ изъ своего логовища!.. Но теперь всѣ знаютъ, кто онъ такой... и, клянусь вамъ, они любятъ его теперь не больше, чѣмъ любили и раньше... Но не въ этомъ дѣло, а только своими разсказами о томъ, что къ югу отъ острова Тсалаль находятся земли, онъ заставилъ капитана плыть въ эту сторону, и если въ настоящее время голетъ и проникъ за восемьдесятъ-шестой градусъ южной широты, то этимъ мы обязаны только ему одному...

— Это правда, боцманъ!

— Вотъ почему, мистеръ Джіорлингъ, я очень боюсь, какъ бы съ нимъ не сыграли наши молодцы какой-нибудь скверной штуки!..

— Деркъ Питерсъ сумѣетъ защитить себя, и плохо придется тому, кто осмѣлится тронуть его хоть кончикомъ пальца!

— Согласенъ, мистеръ Джіорлингъ, согласенъ!.. Что и говорить, хорошаго мало попасть къ нему въ руки, которыми онъ можетъ разгибать подковы! Но это въ томъ только случаѣ, если придетъ кому-нибудь въ голову схватиться съ нимъ; а если же на него набросятся всѣ сразу, то они, конечно, одолѣютъ его и засадятъ на самое дно трюма...

— Слава Богу, этого пока еще нѣтъ, и я надѣюсь, Герлигерли, что вы поможете предупредить всякую подобную попытку противъ Дерка Питерса... Постарайтесь отговорить вашихъ людей... Скажите имъ, что мы, во всякомъ случаѣ, успѣемъ возвратиться на Фальклянды до окончанія лѣта. Понимаете... мы должны принять всѣ, зависящія отъ насъ, мѣры и не давать развиваться недовольству до такой степени, чтобы это заставило капитана повернуть назадъ раньше, чѣмъ голетъ достигнетъ цѣли...

— Положитесь на меня, мистеръ Джіорлингъ!.. Я готовъ вамъ помогать и защищать васъ до послѣдней капли крови...

— И вамъ не придется жалѣть объ этомъ, Герлигерли! Ничего не можетъ быть проще, какъ прибавить нуль къ четыремъ стамъ долларамъ, которые получитъ тотъ, кто окажетъ мнѣ эту услугу... Будь онъ хотя бы только боцманъ „Гальбрана“.

Я мѣтко расчиталъ свой ударъ и попалъ прямо въ самое больное мѣсто въ сердцѣ моего собесѣдника и могъ быть вполнѣ увѣренъ въ его помощи. Да! онъ сдѣлаетъ все, что только будетъ въ состояніи сдѣлать для того, чтобы разрушить наущенія однихъ, подбодрить упавшій духъ другихъ, и, кромѣ, того станетъ охранять Дерка Питерса. Но вопросъ въ томъ, удастся ли только ему предупредить возмущеніе недовольныхъ?..

Въ продолженіе 13 и 14-го января не произошло ничего особеннаго, за исключеніемъ только того, что температура понизилась еще и очень замѣтно. На это обстоятельство сейчасъ же обратилъ мое вниманіе капитанъ Ленъ Гай, указывая на многочисленныя стаи птицъ, стремившихся къ сѣверу.

Слушая, какъ онъ говорилъ мнѣ это, я въ то же время думалъ про себя, что и еще одинъ человѣкъ начинаетъ терять послѣднюю надежду и скоро въ сердцѣ его останется только одно отчаяніе. Впрочемъ, чему же тутъ особенно удивляться? Земель, о которыхъ такъ много разсказывалъ Деркъ Питерсъ, не было видно и слѣда; а между тѣмъ,

мы находились уже больше, чѣмъ въ ста восьмидесяти миляхъ отъ острова Тсалаль. Кругомъ со всѣхъ румбовъ компаса на насъ смотрѣло море, — одно безграничное море со своимъ пустыннымъ горизонтомъ, къ которому солнечный дискъ началъ склоняться съ 21 декабря и къ которому онъ прикоснется 21-го марта съ тѣмъ, чтобы исчезнуть на цѣлые шесть мѣсяцевъ, т. е. на все время полярной ночи!.. Можно ли было по совѣсти разсчитывать, что Уилльямъ Гай и его товарищи матросы могли проплыть такое разстояніе на своемъ утломъ суденышкѣ, и могли ли мы питать еще хоть какую-нибудь надежду найти ихъ гдѣ-нибудь на островѣ среди этой необъятной пустыни?..

Произведенное 15-го января наблюденіе, надо замѣтить, очень удачное, дало слѣдующіе результаты: 43° 13′ долготы и 88° 17′ южной широты. „Гальбранъ“ былъ даже меньше, чѣмъ въ двухъ градусахъ отъ полюса, — меньше, чѣмъ въ ста двадцати морскихъ миляхъ.

Капитанъ Ленъ Гай не сталъ даже и скрывать ни отъ кого результата этого наблюденія, а большинство матросовъ отлично понимали, что значили эти краснорѣчивыя цифры. Впрочемъ, если бы они даже и не знали этого, — они могли попросить объясненія у нашихъ старшинъ, Мартина Гольта и Гарди... А если бы тѣ почему-нибудь отказались удовлетворить ихъ любопытство, ихъ съ успѣхомъ могъ замѣнить Гирнъ, который сумѣлъ бы представить все, что хотите, въ самомъ черномъ цвѣтѣ...

Вскорѣ послѣ полудня я уже навѣрное зналъ, что гарпунщикъ, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что могъ, чтобы возбудить умы. Матросы, сидя на корточкахъ у подножія фокъ-мачты, разговаривали шопотомъ, бросая на насъ косые взгляды. Затѣмъ тамъ и сямъ стали собираться отдѣльныя кучки. Человѣка два или три, обратившись лицомъ къ носу, кулаками грозили какому-то невидимому врагу. Наконецъ, все это закончилось такимъ громкимъ ропотомъ, что Джимъ Вестъ не могъ не обратить на это вниманія.

— Молчать! — крикнулъ онъ.

И затѣмъ, подойдя ближе, сказалъ:

— Первый, кто откроетъ ротъ, будетъ имѣть дѣло со мной!

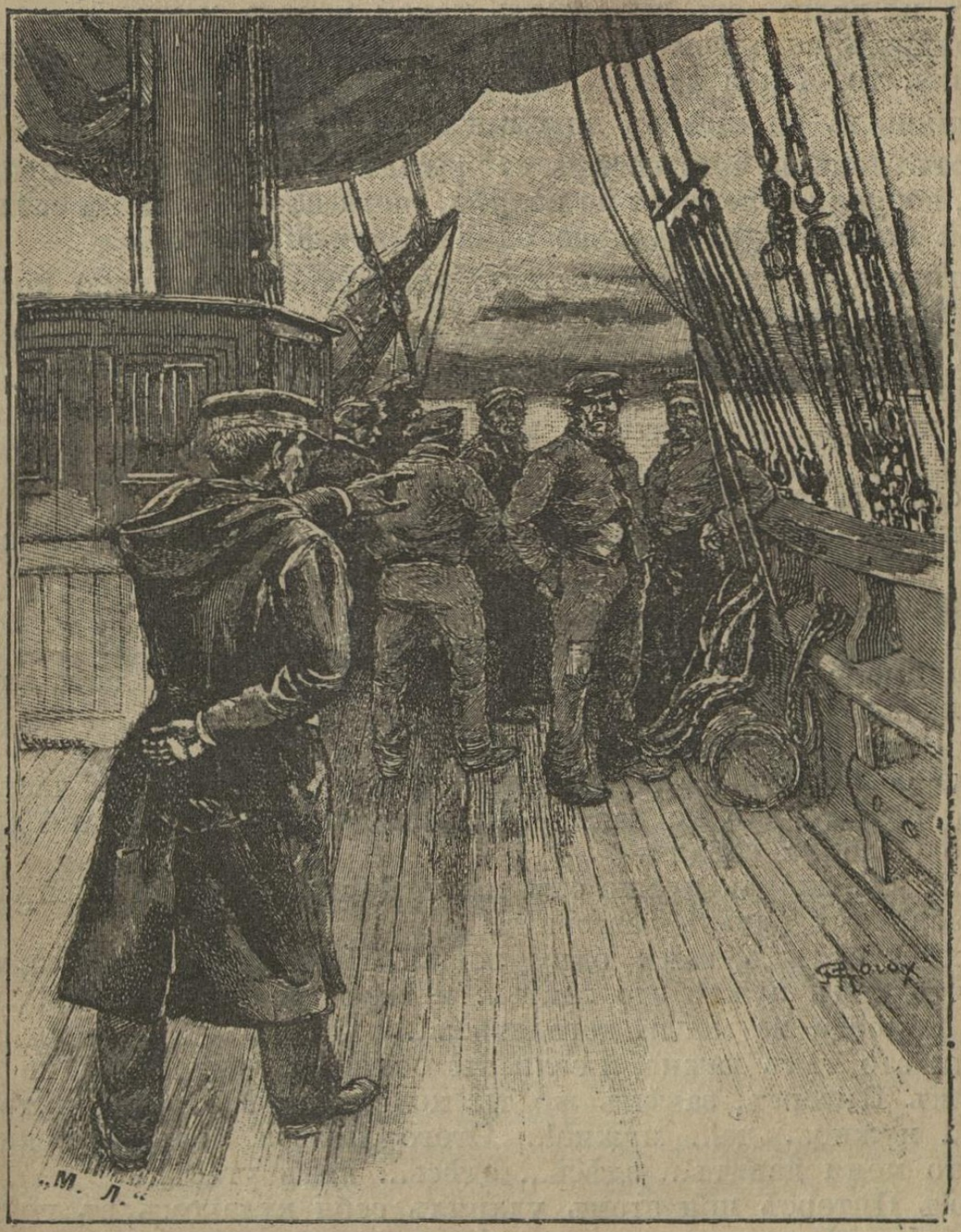
Что касается капитана Ленъ Гайя, то онъ сидѣлъ въ это время запершись въ своей каютѣ. Но я все время боялся, что вотъ-вотъ онъ выйдетъ на палубу и, бросивъ полный отчаянія послѣдній взглядъ на море, — я въ этомъ былъ увѣренъ, — отдастъ приказаніе повернуть назадъ...

Но ничего подобнаго не случилось, и на слѣдующій день голетъ все еще продолжалъ итти прежнимъ курсомъ. Рулевой все еще правилъ на югъ. Къ несчастью, — обстоятельство совершенно неожиданное и, какъ мнѣ казалось, очень важное, — впереди горизонтъ началъ какъ бы заволакиваться облачками, очень похожими на туманъ, поднимавшійся съ моря.

Съ этой минуты я уже не могъ даже спокойно сидѣть на одномъ мѣстѣ. Мои опасенія возрастали съ каждой минутой. Я видѣлъ, что лейтенантъ ждалъ только приказанія повернуть назадъ. Какъ бы ни было тяжело это капитану Ленъ Гайю, — я не могъ даже винить его за это, — онъ непремѣнно, въ концѣ концовъ, отдастъ это приказаніе...

Уже нѣсколько дней я не видѣлъ метиса или, по крайней мѣрѣ, не обмѣнялся съ нимъ ни однимъ словомъ. Матросы держали его точно

въ карантинѣ и, какъ только онъ показывался на палубѣ, они сторонились отъ него, какъ отъ зачумленнаго. Если онъ облокачивался на поручни на бакбортѣ,—весь экипажъ тотчасъ же переходилъ на штирбортъ. Одинъ только боцманъ дѣлалъ видъ, что не уходитъ и даже нѣсколько



...Джимъ Вестъ заставилъ ихъ замолчать... (Стр. 54.)

разъ пробовалъ говорить съ нимъ, хотя на вопросы эти обыкновенно онъ и не получалъ никакого отвѣта.

Впрочемъ, Дерка Питерса, повидимому, вовсе не безпокоило такое, болѣе чѣмъ странное, отношеніе къ нему товарищей. Погруженный въ свои невеселыя думы, онъ, по всей вѣроятности, этого даже и не замѣчалъ. Одно только могло его пробудить, и если бы въ одинъ прекрасный день онъ услышалъ, что Джимъ Вестъ отдаетъ приказаніе повер-

нуть на сѣверъ, онъ, навѣрное, сразу сбросилъ бы съ себя все это кажущееся равнодушіе, и у насъ разыгралась бы драма!..

При этомъ онъ почему-то избѣгалъ меня, и мнѣ казалось даже, что онъ дѣлаетъ это умышленно изъ деликатности, не желая „компрометировать меня“.

Но онъ не долго могъ выдержать такой искусъ, и уже 17-го января, днемъ, пришелъ потолковать со мной... Мнѣ и въ голову никогда не могло прійти то, что я узналъ отъ него въ этотъ день.

Онъ пришелъ ко мнѣ въ половинѣ третьяго.

Въ этотъ день я чувствовалъ себя какъ-то особенно нехорошо, разбитымъ, и, побродивъ немного по палубѣ, снова направился въ свою каюту, въ которой была открыта только одна филенка сбоку.

Не успѣлъ я еще лечь въ постель, какъ кто-то тихонько постучался въ дверь, выходившую на рубку.

— Кто тамъ?.. — спросилъ я.

— Деркъ Питерсъ!

— Ты хочешь поговорить со мной?..

— Да!

— Я сейчасъ выйду...

— Если позволите... я бы лучше... Можно мнѣ войти къ вамъ въ каюту?..

— Можно!

Метисъ вошелъ въ каюту и затворилъ за собой дверь.

Не поднимаясь съ койки, на которой я лежалъ, я сдѣлалъ ему знакъ сѣсть на кресло.

Деркъ Питерсъ остался на ногахъ.

Онъ, по обыкновенію, не спѣшилъ начинать разговоръ, частью, можетъ-быть, потому, что не находилъ подходящихъ выраженій для того, что у него было на сердцѣ.

— Тебѣ что-нибудь нужно отъ меня, Деркъ Питерсъ? — спросилъ я, желая помочь ему начать разговоръ.

— Я хочу сказать вамъ одну вещь... Поймите меня... сэръ... мнѣ кажется, что вамъ нужно это знать... и вы одни будете знать!.. и чтобы матросы... никогда не могли догадаться...

— Если это такъ важно, и если ты боишься, какъ бы я не проболтался, Деркъ Питерсъ, зачѣмъ же ты хочешь мнѣ это говорить?

— Да... нужно... да!.. нужно!.. Этого нельзя больше хранить въ тайнѣ!.. Это меня давитъ... здѣсь... здѣсь... какъ утесъ!..

И Деркъ Питерсъ при этомъ ударялъ себя кулакомъ въ грудь.

Затѣмъ, послѣ минутнаго молчанія, онъ опять продолжалъ:

— Да... я постоянно боюсь, чтобы какъ-нибудь не проговориться объ этомъ во снѣ... и чтобы этого не услыхали... потому что я вижу это во снѣ... и во снѣ...

— Ты видишь во снѣ? — спросилъ я. — Кого же?

— Его... его... Вотъ... вотъ почему я сплю всегда на палубѣ... одинъ... изъ боязни, чтобы не узнали настоящаго его имени...

У меня промелькнула въ головѣ мысль, что, можетъ-быть, метисъ разъяснитъ мнѣ одинъ вопросъ, который очень меня интересовалъ и который казался мнѣ очень страннымъ: мнѣ хотѣлось знать, почему

послѣ того, какъ Деркъ Питерсъ покинулъ Иллинойсъ, онъ поселился на Фальклaндахъ, подъ именемъ Гента?

— Это не то... — отвѣтилъ мнѣ метисъ. — Нѣтъ... я не это хочу...

— А я требую отвѣта, Деркъ Питерсъ, и сначала хочу знать, почему ты не остался въ Америкѣ и почему ты переселился на Фальклaнды?

— Вы спрашиваете почему... сэръ?.. Да просто потому, что я хотѣлъ быть ближе къ Пиму... къ моему бѣдному Пиму... потому что я разсчитывалъ, что на Фальклaндахъ мнѣ скорѣй представится случай поступить на китоловное судно и отправиться на немъ въ южное море...

— Но зачѣмъ, все-таки, ты принялъ имя Гента?..

— Я не захотѣлъ называться больше своимъ именемъ... Нѣтъ!.. я не хотѣлъ этого... по случаю дѣла на „Грампусѣ“!

Какъ только метисъ напомнилъ мнѣ эту ужасную сцену метанія жребья соломинками, когда Августъ Барнардъ, Артуръ Пимъ, Деркъ Питерсъ и матросъ Паркеръ рѣшили, что одинъ изъ четверыхъ будетъ принесенъ въ жертву... и его съѣдятъ трое остальныхъ... я вспомнилъ, какъ упорно сопротивлялся этому Артуръ Пимъ и какъ онъ, наконецъ, принужденъ былъ дать согласіе на „участіе въ той трагедіи, которая должна была разыграться, — таковы его собственныя слова, — и тотъ ужасный актъ, одно воспоминаніе о которомъ должно было отравить всю дальнѣйшую жизнь лицъ, пережившихъ его...

Да! жеребьевка соломинками неравной длины, которыя Артуръ Пимъ держалъ въ своей рукѣ... Самая короткая должна была достаться тому, кто осужденъ на смерть... Онъ говоритъ, что ему приходило даже въ голову сплутовать... Но онъ этого не сдѣлалъ и все же проситъ прощенія у товарищей за то, что возымѣлъ такую мысль!... Поставьте себя на его мѣсто, и вамъ станетъ все это понятно!..

Затѣмъ онъ, наконецъ, рѣшается и протягиваетъ руку, въ которой держитъ четыре соломинки...

Деркъ Питерсъ вынимаетъ первый... Судьба поблагопріятствовала ему... Ему больше нечего бояться.

Артуръ Пимъ замѣчаетъ тутъ, что у него стало однимъ шансомъ меньше на спасеніе.

Августъ Барнардъ вынимаетъ жребій вторымъ... И этотъ тоже спасенъ!

Артуръ Пимъ съ ужасомъ видитъ, что теперь долженъ быть принесенъ въ жертву или онъ или Паркеръ...

Въ эту минуту вся свирѣпость тигра овладѣваетъ его душой... Страшная ненависть пылаетъ въ его душѣ противъ ни въ чемъ, въ сущности, неповиннаго Паркера...

Проходитъ цѣлыхъ пять минутъ, прежде чѣмъ Паркеръ рѣшается, наконецъ, вынуть жребій. Артуръ Пимъ, стоявшій съ закрытыми глазами, чувствуетъ, какъ чья-то рука схватываетъ его руку...

Это была рука Дерка Питерса... Артуръ Пимъ избѣгъ смерти...

Тогда метисъ бросается на Паркера, котораго и сбиваетъ съ ногъ ударомъ въ спину. Затѣмъ слѣдуетъ трапеза и, какъ говоритъ авторъ дневника, никакими словами нельзя описать всего ужаса этой страшной кровавой драмы!

Да!.. я зналъ хорошо описаніе этой ужасной сцены, которая долгое время казалась мнѣ плодомъ воображенія писателя. Вотъ эта-то драма

и разыгралась на бортѣ „Грампуса“ 16-го іюля 1827 г., и я никакъ не могъ понять, ради чего Деркъ Питерсъ вызвалъ все это въ своей памяти.

Но я скоро узналъ это.

— Деркъ Питерсъ, — сказалъ я, — если ты такъ хотѣлъ скрыть свое настоящее имя, зачѣмъ же ты открылъ его, когда „Гальбранъ“ стоялъ на якорѣ возлѣ острова Тсалаль?.. Почему не сохранилъ ты имени Гента?..

— Сэръ... поймите меня... всѣ боялись итти впередъ... всѣ хотѣли возвратиться назадъ... Это было рѣшено... и тогда я подумалъ... да!.. что если сказать, кто я такой... Деркъ Питерсъ... старшій канатчикъ „Грампуса“... товарищъ бѣднаго Пима... меня послушаютъ... подумаютъ, какъ и я, что онъ еще живъ... отправятся искать его... А между тѣмъ... мнѣ это было не легко... потому что сознаться, что я былъ Деркъ Питерсъ... тотъ самый, который убилъ Паркера... Но голодъ... мучительный голодъ...

— Послушай, Деркъ Питерсъ, — продолжалъ я, — ты преувеличиваешь... Если бы короткая соломинка досталась тебѣ, тогда вѣдь и тебя постигла бы участь Паркера!.. Нельзя же вмѣнять тебѣ въ преступленіе...

— Сэръ... поймите меня!.. Развѣ семья Паркера станетъ разсуждать такъ?..

— Его семья?.. Развѣ у него были родные?..

— Да... вотъ почему... въ дневникѣ... Пимъ измѣнилъ это имя... Паркеръ назывался не Паркеромъ... Его звали...

— Артуръ Пимъ поступилъ хорошо, — перебилъ я, — и что касается меня, я тоже не хочу знать настоящее имя Паркера... Храни эту тайну...

— Нѣтъ... я вамъ это скажу... Это меня слишкомъ мучитъ... и это, можетъ-быть, облегчитъ меня... если я вамъ скажу... мистеръ Джіорлингъ...

— Нѣтъ... Деркъ Питерсъ... не надо!

— Его звали Гольтъ... Недъ Гольтъ...

— Гольтъ!.. — вскрикнулъ я. — Гольтъ... такъ же точно, какъ и нашего паруснаго старшину!..

— Онъ родной братъ его, сэръ...

— Мартинъ Гольтъ... братъ Неда?..

— Да!.. поймите меня... его братъ...

— Но вѣдь онъ увѣренъ, что Недъ Гольтъ погибъ вмѣстѣ съ остальными во время крушенія „Грампуса“...

— Это неправда... и если бы онъ узналъ, что я...

Какъ разъ въ эту минуту сильный толчокъ выбросилъ меня изъ койки.

Голетъ такъ сильно накренился на штирбортъ, что чуть было не опрокинулся.

Вслѣдъ за тѣмъ, я услышалъ, какъ раздраженный голосъ крикнулъ:

— Какая это собака стоитъ у штурвала?..

Это кричалъ Джимъ Вестъ, а тотъ, котораго онъ такимъ образомъ спрашивалъ, былъ Гирнъ.

Я бросился изъ каюты на палубу.

— Стало-быть, ты выпустилъ изъ рукъ штурвалъ? — кричалъ Джимъ Вестъ, схвативъ Гирна за шиворотъ голандки.

— Лейтенантъ... не знаю...

— Врешь... говорю я тебѣ!.. Ты, должно-быть, выпустилъ его, и еще немного и голетъ опрокинулся бы килемъ кверху!

Очевидно, Гирнъ, по той или по иной причинѣ, но уходилъ на минуту отъ штурвала.

— Грэціанъ, — крикнулъ Джимъ Вестъ, подзывая къ себѣ одного изъ матросовъ, — стань у руля, а ты, Гирнъ, маршъ въ трюмъ!..

Вдругъ послышался крикъ „земля!“, и всѣ устремили свои глаза на югъ.

ГЛАВА VI.

З е м л я?..

Такъ озаглавлена XVII глава книги Эдгара Поэ. Мнѣ казалось, что самымъ подходящимъ будетъ озаглавить точно такъ же и VI главу второй части моего разсказа, но только съ вопросительнымъ знакомъ.

Что могло означать это слово, раздавшееся съ верхушки фокъ-мачты, — островъ или континентъ?.. Затѣмъ, что ждетъ насъ на этой землѣ — радость или разочарованіе?.. Найдемъ ли мы тамъ тѣхъ, за которыми пріѣхали въ такія высокія широты?.. Былъ ли на этой землѣ Артуръ Пимъ, теперь уже давно умершій, несмотря на всѣ увѣренія Дерка Питерса?..

Когда этотъ крикъ раздался впервые на бортѣ „Джэнъ“, 17-го января 1828 г.,— это было для насъ знаменательнымъ событіемъ,— говоритъ Артуръ Пимъ въ своемъ дневникѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ записываетъ слова часового:

„Земля съ кранбалка на штирбортѣ!“

Этотъ же сигналъ могъ повторить и часовой „Гальбрана“.

И на самомъ дѣлѣ, какъ разъ въ той же самой сторонѣ виднѣлись на горизонтѣ какіе-то темные контуры, слегка только выдававшіеся надъ линіей неба и моря.

Разница вся заключалась въ томъ, что 17 января 1828 г. часовой съ мачты давалъ знать экипажу „Джэнъ“ о появленіи островка Беннетъ, безплоднаго и пустыннаго, за которымъ меньше, чѣмъ въ одномъ градусѣ разстоянія къ югу, показался островъ Тсалаль, въ то время густо населенный, и на которомъ капитанъ Ленъ Гай надѣялся найти своихъ соотечественниковъ. Но что такое представляетъ изъ себя эта неизвѣстная земля, до которой намъ пришлось пройти разстояніе въ пять градусовъ къ югу отъ острова Тсалаль?.. Можетъ-быть, эта виднѣющаяся вдали темная масса и есть та самая цѣль, къ которой мы стремились и которую мы такъ долго разыскивали?.. Можетъ-быть, тамъ-то именно и встрѣтятся братья Уилльямъ и Ленъ Гай?.. Неужели „Гальбранъ“, и въ самомъ дѣлѣ, достигъ, наконецъ, цѣли своего путешествія, и намъ удастся вернуть на родину капитана и матросовъ съ погибшей „Джэнъ“?..

Но не такъ, конечно, думалъ метисъ, а съ нимъ вмѣстѣ и я. Спасеніе капитана Уилльяма Гайя и матросовъ съ „Джэнъ“ очень мало удовлетворяло насъ, и мы не считали свою задачу исполненной. Впро-

чемъ, теперь уже не долго оставалось намъ ждать, — земля недалеко, и голетъ скоро будетъ тамъ... А тамъ ужъ видно будетъ.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что крикъ часового произвелъ полный переворотъ въ умахъ всего экипажа голета. Я, напримѣръ, больше уже не думалъ о томъ, что повѣдалъ мнѣ Деркъ Питерсъ,— можетъ-быть, и самъ метисъ забылъ на время про это, потому что онъ кинулся къ носу, и съ этой минуты глаза его уже больше не отрывались отъ горизонта.

И только одинъ Джимъ Вестъ остался вѣренъ себѣ. Этого невозмутимаго человѣка ничто не могло отвлечь отъ того, что онъ называлъ службой, и онъ снова повторилъ свое прежнее приказаніе. Грэціанъ сталъ у штурвала, а Гирна заперли въ трюмѣ.

Собственно говоря, это было совершенно справедливое наказаніе, противъ котораго никто не могъ бы возразить ни одного слова, потому что невниманіе или неловкость Гирна могло повлечь за собою гибель голета.

Несмотря на это, человѣкъ пять или шесть матросовъ съ Фальклендскихъ острововъ принялись ворчать по адресу лейтенанта.

Джимъ Вестъ повелительнымъ жестомъ заставилъ ихъ замолчать, и тѣ покорно разошлись по своимъ мѣстамъ.

Я забылъ сказать, что, какъ только раздался крикъ вахтеннаго, капитанъ Ленъ Гай въ ту же минуту выскочилъ на палубу изъ своей каюты и лихорадочно блестящими глазами сталъ смотрѣть на эту землю, виднѣвшуюся всего въ десяти-двѣнадцати миляхъ отъ насъ.

Я уже не думалъ больше,— сказалъ я,— о тайнѣ, которую повѣрилъ мнѣ Деркъ Питерсъ. Впрочемъ, пока тайна эта будетъ извѣстна только намъ двумъ,— а ни я ни онъ ее не выдадимъ,— бояться нечего. Но, если какими-нибудь судьбами это дойдетъ до ушей Мартина Гольта, и онъ узнаетъ, что Паркеръ и его братъ одно и то же лицо... что несчастный вовсе не погибъ во время крушенія „Грампуса“... а, вынувъ несчастный жребій, былъ принесенъ въ жертву и съѣденъ своими товарищами, умиравшими отъ голода... И что, наконецъ, Деркъ Питерсъ, которому самъ Мартинъ Гольтъ былъ обязанъ жизнью, убилъ его брата!.. Такъ вотъ она настоящая причина, почему метисъ такъ упрямо не хотѣлъ принимать благодарности отъ Мартина Гольта; теперь я знаю, почему онъ избѣгалъ Мартина Гольта, брата того человѣка, котораго онъ убилъ и мясомъ котораго онъ утолялъ муки голода...

Склянки пробили три часа. Голетъ подвигался съ той осторожностью, которую требовало плаваніе по этимъ неизвѣстнымъ мѣстамъ. Можетъ-быть, здѣсь были подводныя скалы, поднимавшіяся до самой поверхности океана, и голетъ могъ или сѣсть на мель, или даже разбиться. Всякая аварія при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находился „Гальбранъ“, даже если бы ему и удалось скоро исправить поврежденія, дѣлала невозможнымъ возвращеніе его до наступленія зимы. Мы должны были имѣть всѣ шансы за себя и ни одного противъ.

Джимъ Вестъ отдалъ приказаніе убавить парусовъ. По свистку боцмана, матросы убрали брамсель, марсель и флешъ, и „Гальбранъ“ остался подъ косымъ гротомъ, фокъ-голетомъ и кливерами,— этой парусности было совершенно достаточно для того, чтобы пройти въ нѣсколько часовъ разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ виднѣвшейся на горизонтѣ земли.

Капитанъ Ленъ Гай приказалъ опустить лотъ, показавшій сто-двадцать брасовъ глубины. Послѣ этого лотъ бросали еще нѣсколько разъ, и результаты измѣреній давали основаніе предполагать, что берегъ тутъ очень крутой и, вѣроятно, даже и подъ водой идетъ отвѣсно. Но такъ какъ могло случиться, что дно не вездѣ одинаково и круто поднимается кверху у самаго берега, то голетъ приближался къ землѣ, дѣлая все время промѣры лотомъ.

Погода все еще стояла хорошая, хотя небо и начало слегка затуманиваться съ юго-востока на юго-западъ. Это отчасти мѣшало намъ хорошо видѣть землю, очертанія которой смутно вырѣзывались на небѣ и то исчезали въ туманѣ, то снова появлялись на одну минуту, чтобы затѣмъ опять снова исчезнуть. Но, какъ ни неясно виднѣлась эта земля, мы, все-таки, успѣли разсмотрѣть, что она поднимается на высоту отъ двадцати-пяти до тридцати туазовъ надъ уровнемъ моря, въ наиболѣе возвышенной ея части.

Нѣтъ! Нельзя допустить и мысли, что мы ошибаемся и передъ нами не земля, а миражъ; а между тѣмъ, мы всѣ этого страшно боялись. Впрочемъ, развѣ это не натурально, собственно говоря, что сердца наши были обуреваемы страхомъ въ ту самую минуту, когда мы, казалось, приближались къ завѣтной цѣли?.. Столько надеждъ покоилось на этомъ, еще только виднѣвшемся въ туманѣ, побережьѣ, и какъ велико будетъ наше разочарованіе, если окажется, что это не земля, а только призракъ, только неосязаемая тѣнь!.. При одной этой мысли сердце невольно сжималось отъ страха и мутился встревоженный умъ. Мнѣ казалось, что „Гальбранъ“ сталъ какъ будто меньше, въ родѣ маленькой лодки, затерявшейся среди водяной пустыни, тогда какъ Эдгаръ Поэ говоритъ, что его герой видѣлъ, какъ его корабль растетъ... растетъ, какъ живое тѣло.

Когда имѣешь хорошія морскія карты или даже хотя бы простое гидрографическое описаніе морскихъ пристаней и береговъ, тогда можно плыть гораздо смѣлѣе. Тогда и капитанъ, руководствуясь только одними этими данными, не сталъ бы откладывать входъ въ гавань до слѣдующаго дня и приказалъ бы сейчасъ же бросить якорь. Другое дѣло теперь,—мы и думать не смѣли не принять всѣ предосторожности, необходимыя при плаваніи по неизвѣстнымъ морямъ. А между тѣмъ, впереди не было видно ровно ничего такого, что грозило бы голету опасностью. Кромѣ того, полярная ночь еще не наступила, и было почти такъ же свѣтло, какъ и среди дня. Лучезарное свѣтило еще и не думало скрываться за горизонтомъ, и косые лучи его даже и ночью обливали яркимъ свѣтомъ блестящую поверхность Антарктиды.

Въ судовую книгу съ этого дня ежедневно заносилось замѣтное пониженіе температуры. Термометръ на воздухѣ, въ тѣни, показывалъ не болѣе тридцати-двухъ градусовъ (0° С.), а въ водѣ не больше двадцати-шести (3° 33 С. ниже нуля). Чѣмъ объяснить такое рѣзкое пониженіе температуры въ самый разгаръ антарктическаго лѣта?..

Но почему бы это не происходило, а только экипажу пришлось снова надѣть суконное платье, которое онъ сбросилъ было мѣсяцъ тому назадъ, послѣ перехода за сплошные льды. Голетъ шелъ подъ вѣтромъ, и первыя проявленія холода были не особенно чувствительны; но,

все-таки, это не предвѣщало ничего хорошаго, и мы должны были спѣшить какъ можно скорѣе достигнуть цѣли, потому что остаться въ этой негостепріимной области на зиму,— это значило бы искушать Бога.

Капитанъ Ленъ Гай нѣсколько разъ въ день приказывалъ опредѣлять направленіе теченія, для чего выбрасывали тяжелый лотъ, и, къ своему удивленію, мы узнали, что оно начинало отклоняться въ сторону.

— Что бы это могло быть тамъ? Континентъ или островъ?—сказалъ онъ.— Къ сожалѣнію, я до сихъ поръ не могу опредѣлить этого. Если это континентъ, тогда теченіе должно будетъ повернуть къ юго-востоку.

— Мнѣ кажется,— сказалъ я,— что эта твердая часть Антарктиды не что иное, какъ простой ледяной сводъ, края котораго мы могли бы обогнуть. Во всякомъ случѣ, по-моему, слѣдовало бы записывать результаты тѣхъ наблюденій, которыя намъ удалось сдѣлать болѣе или менѣе точно...

— Я это и дѣлаю, мистеръ Джіорлингъ, и надѣюсь, что мы привеземъ съ собой массу свѣдѣній объ этой части южнаго моря, которыя, конечно, очень пригодятся нашимъ будущимъ послѣдователямъ...

— Если только когда-нибудь явятся охотники, которые осмѣлятся проникнуть такъ далеко, капитанъ! Не забывайте, что намъ это удалось совершить при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ: раннее лѣто, температура выше нормальной, быстрое таяніе снѣговъ... Такія вещи повторяются, можетъ-быть, разъ... въ двадцать лѣтъ... и даже въ пятьдесятъ лѣтъ...

— Я это знаю, мистеръ Джіорлингъ, и каждый день благодарю за это Провидѣніе... Это подаетъ мнѣ даже нѣкоторую надежду на успѣхъ. Если погода была все время хорошей теперь, то почему она не могла быть такой же и раньше, и почему не могли мой братъ и его спутники высадиться на этотъ берегъ, куда ихъ несли вѣтры и теченія?.. Что сдѣлалъ нашъ голетъ, то могло бы сдѣлать и ихъ судно... Передъ отъѣздомъ они должны были запастись провизіей для путешествія, которое могло продолжиться неопредѣленное время... Всѣмъ этимъ они, конечно, могли раздобыться на островѣ Тсалаль, гдѣ они снискивали себѣ пропитаніе въ теченіе долгихъ лѣтъ?.. У нихъ было и оружіе... Здѣсь нѣтъ недостатка въ рыбѣ, какъ много и различной водяной птицы... Да, сердце мое полно надежды, и я хотѣлъ бы быть старше на нѣсколько часовъ!

Хотя я далеко не раздѣлялъ такъ горячо надежды капитана Ленъ Гайя, но я былъ радъ, что онъ уже не смотритъ такъ мрачно на будущее. Кто знаетъ? Если онъ найдетъ тѣхъ, ради кого собственно и было предпринято это путешествіе, мнѣ, можетъ-быть, и удастся уговорить его отправиться на поиски Артура Пима, — хотя бы только внутри той земли, отъ которой мы были уже недалеко.

„Гальбранъ“ подвигался впередъ медленно по гладкой поверхности моря, кишѣвшаго рыбой, принадлежавшей къ встрѣчавшимся уже раньше породамъ. Морскія птицы показывались тоже въ большемъ количествѣ и не только носились надъ голетомъ, но даже смѣло садились отдыхать на реи.

Киты, выбрасывавшіе фонтанами воду и пары изъ своихъ дыхалъ, показались въ открытомъ морѣ, и я замѣтилъ, что всѣ они направлялись

...Всѣ дружно принялись за работу. (Стр. 72.)

на югъ. Это давало основаніе предполагать, что открытое море простиралось далеко въ этомъ направленіи.

Голетъ прошелъ еще двѣ или три мили все тѣмъ же разсчитанно-тихимъ ходомъ. Въ какую сторону тянулся этотъ берегъ, который мы видѣли въ первый разъ? Мнѣ казалось, что онъ тянулся съ сѣверо-запада на юго-востокъ... Да, я не ошибся, это, и въ самомъ дѣлѣ, такъ. Несмотря на это, въ зрительныя трубки еще ничего не было видно опредѣленно даже и послѣ того, какъ мы подошли на много ближе.

Экипажъ, собравшись на бакѣ, смотрѣлъ, не выражая ни однимъ словомъ своихъ впечатлѣній. Джимъ Вестъ взбирался до вантовъ фокъ-мачты, гдѣ пробылъ десять минутъ, разсматривая землю, и все-таки не узналъ ничего новаго, ничего интереснаго.

Стоя у бакборта, позади рубки, прислонившись къ бортовымъ сѣткамъ, я слѣдилъ взоромъ за линіей неба и моря, окружность которой прерывалась только на востокѣ.

Въ эту минуту боцманъ подошелъ ко мнѣ и, противъ обыкновенія, безъ всякихъ околичностей сказалъ мнѣ:

— Могу я сказать вамъ то, что думаю, мистеръ Джіорлингъ?..

— Говорите, боцманъ; но только съ условіемъ, что я могу и не согласиться съ вами, если мнѣ покажется, что вы ошибаетесь, — отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, я не ошибаюсь, и теперь, когда мы подошли такъ близко, надо быть слѣпымъ, чтобы не замѣтить этого.

— Что же такое пришло вамъ въ голову?

— А то, что это вовсе не земля видна тамъ впереди, мистеръ Джіорлингъ...

— Вы увѣрены въ этомъ, боцманъ?..

— Посмотрите сами хорошенько... прикройте только глаза сверху рукой... Смотрите черезъ кранбалкъ штирборта...

Я продѣлалъ все это такъ, какъ совѣтовалъ мнѣ Герлигерли.

— Вы теперь видите?.. — продолжалъ боцманъ. — Пусть я никогда больше не буду пить свою чарку водки, если только эта масса стоитъ на одномъ мѣстѣ, а не движется, и какъ-то странно... она точно вертится на одномъ мѣстѣ...

— Итакъ, вы думаете, что это?..

— Айсберги.

— Айсберги?..

— Непремѣнно, мистеръ Джіорлингъ!

Правду ли говорилъ боцманъ?.. Неужели насъ ждало такое разочарованіе?.. Неужели, вмѣсто твердой земли, передъ нами просто-напросто ледяныя горы?..

Скоро, очень скоро въ этомъ не было уже ни малѣйшаго сомнѣнія... Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, а уже весь экипажъ зналъ, что тутъ впереди нѣтъ и не можетъ быть твердой земли.

Десять минутъ спустя, часовой изъ сорочьяго гнѣзда далъ знать, что нѣсколько айсберговъ движутся съ сѣверо-запада на перерѣзъ „Гальбрану“.

Какое удручающее дѣйствіе произвела эта новость на экипажъ... Послѣдняя наша надежда внезапно рухнула!.. И какой это ударъ для капитана Ленъ Гайя!.. Теперь опять надо будетъ искать землю еще

дальше, подъ болѣе высокими широтами, не имѣя даже серьезной надежды, что намъ непремѣнно удастся ее найти!..

И вотъ, какъ по командѣ, послышался почти единодушный крикъ:

— Поворачивай назадъ!.. Поворачивай назадъ!

Да, фальклавдскіе новички заявляли свою волю и требовали возвращенія назадъ, несмотря на то, что съ ними въ эту минуту не было ихъ главнаго коновода Гирна, и какъ это ни непріятно, а я все-таки долженъ сознаться, что большинство старыхъ матросовъ тоже, повидимому, перешли на ихъ сторону.

Джимъ Вестъ, не имѣя возможности заставить ихъ замолчать, спокойно ожидалъ приказаній отъ своего начальника.

Грэціанъ, стоя у штурвала, ожидалъ только команды, чтобы повернуть колесо, а его остальные товарищи, взявшись за крюсовы, собирались ослабить шкоты.

Деркъ Питерсъ, прислонившись къ фокъ-мачтѣ, опустивъ голову, сгорбившись всѣмъ туловищемъ, съ искривленнымъ ртомъ, неподвижно стоялъ на своемъ мѣстѣ, и ни единое слово не срывалось съ его устъ.

Но вотъ онъ вдругъ повертывается ко мнѣ и при этомъ бросаетъ на меня такой взглядъ!.. Въ немъ была и просьба и гнѣвъ въ одно и то же время!..

Не знаю, какая непреодолимая сила побудила меня вмѣшаться въ это дѣло лично, попытаться помочь ему еще одинъ и, можетъ-быть, послѣдній разъ!.. Мнѣ совершенно неожиданно пришла въ голову новая блестящая мысль, и я тутъ же рѣшилъ употребить въ дѣло этотъ новый аргументъ.

Я вышелъ на средину и началъ говорить, рѣшившись защищать его интересы одинъ противъ всѣхъ, и я говорилъ такимъ убѣжденнымъ тономъ, что никому и въ голову не пришло меня остановить.

Въ общемъ я сказалъ слѣдующее:

— Нѣтъ! надежда далеко еще не вся потеряна... Земля не можетъ быть далеко... Передъ нами вѣдь не сплошные льды, которые образуются среди океана, вслѣдствіе скопленія льдинъ... Это айсберги, а какъ вы и сами знаете, айсберги всегда отрываются отъ твердаго основанія, отъ континента или острова... А такъ какъ, по времени года, теперь собственно и должна начаться настоящая оттепель, то теченіемъ унесло ихъ отъ береговъ недавно... За ними мы непремѣнно увидимъ берегъ, отъ котораго они оторвались... Подождите еще сутки, самое большее двое сутокъ, и, если и тогда не покажется земля, капитанъ Ленъ Гай прикажетъ повернуть назадъ и итти на сѣверъ!..

Удалось ли мнѣ убѣдить матросовъ или же я долженъ былъ еще попытаться соблазнить ихъ назначеніемъ добавочной награды, пользуясь тѣмъ, что Гирна нѣтъ здѣсь, и что онъ не можетъ оказывать на нихъ своего вреднаго вліянія?.. Но тутъ ко мнѣ какъ разъ во-время подоспѣлъ на помощь боцманъ, который заговорилъ веселымъ тономъ:

— Очень хорошо вы разсудили, сэръ, и что касается меня, я согласенъ съ мнѣніемъ мистера Джіорлинга... Земля, навѣрняка, должна быть близко... Если мы поищемъ ее за этими айсбергами, навѣрное, скоро и найдемъ, безъ особыхъ трудовъ и не подвергаясь большимъ опасностямъ... Эка важность какая пройти еще одинъ градусъ къ югу, особенно, когда за это можно будетъ положить въ карманъ нѣсколько сотъ лишнихъ дол-

ларовъ!.. Не забывайте, что доллары тѣмъ и хороши, что ихъ сначала можно положить въ карманъ, а потомъ спустить по своему удовольствію!..

На помощь къ Герлигерли поспѣшилъ поваръ Эндикотъ, считавшій своей священной обязанностью помочь другу, у котораго, видимо, начиналъ изсякать фонтанъ краснорѣчія.

— Да, братцы... хороши эти... доллары!— крикнулъ онъ, показывая два ряда зубовъ поразительной бѣлизны.

Матросы не отозвались ни однимъ словомъ на заманчивые уговоры Герлигерли и его чернокожаго друга, и поэтому очень возможно, что они выкажутъ открытое сопротивленіе, если будетъ отдано приказаніе вести голетъ къ айсбергамъ...

Капитанъ Ленъ Гай снова поднялъ зрительную трубку, навелъ ее на движущіяся массы льда и нѣсколько минутъ внимательно разсматривалъ ихъ, а затѣмъ звучнымъ голосомъ скомандовалъ:

— Держать на зюйдъ-зюйдъ-вестъ!

Джимъ Вестъ, не возражая ни однимъ словомъ, отдалъ соотвѣтствующія приказанія.

Матросы поколебались было на минуту, но затѣмъ дисциплина взяла свое, и они, хотя и съ недовольными лицами, стали брасопить реи и крѣпить шкоты, послѣ чего голетъ, съ сильно надутыми вѣтромъ парусами, ускорилъ ходъ.

Когда работа была окончена, я подошелъ къ Герлигерли и, отведя его въ сторону, сказалъ на ухо:

— Спасибо, боцманъ!

— Э! мистеръ Джіорлингъ, на этотъ разъ обошлось благополучно,— отвѣчалъ онъ, покачивая головой. — Но нельзя безнаказанно пробовать еще разъ тянуть фалъ!.. Всѣ будутъ противъ меня... можетъ-быть, даже и Эндикотъ...

— Я вѣдь не сказалъ ничего такого, что подавало бы поводъ заподозрить меня во лжи... — торопливо возразилъ я.

— Это, пожалуй, и вѣрно, и, въ концѣ концовъ, мы очень возможно и добились бы желаемаго результата.

— Да... Герлигерли, да... я и вамъ готовъ повторить, что совершенно серьезно увѣренъ въ томъ, что мы непремѣнно увидимъ землю за этой линіей айсберговъ...

— Можетъ быть, мистеръ Джіорлингъ, можетъ быть!.. Только пусть она показывается не позже, какъ черезъ двое сутокъ, потому что — клянусь честью боцмана—намъ уже не удастся такъ легко справиться съ нашими ребятами, и они заставятъ насъ повернуть на сѣверъ.

Въ продолженіе слѣдующихъ затѣмъ сутокъ „Гальбранъ“ шелъ, держа курсъ на зюйдъ-зюйдъ-вестъ, хотя ему и приходилось довольно часто мѣнять галсы и даже убавить скорость хода, когда мы попали между льдинами. Съ того момента, какъ голетъ попалъ въ линію айсберговъ, которую надо было перерѣзать наискось, плаваніе стало гораздо труднѣе. Впрочемъ, здѣсь мы пока не видѣли ни packs ни drifts, которыхъ такъ много было вблизи сплошныхъ льдовъ на семидесятой параллели... Огромныя ледяныя массы плыли съ величавой медленностью. Глыбы казались „совсѣмъ новенькими“, какъ говорилъ нашъ боцманъ, и это давало поводъ предполагать, что онѣ образовались, т. е. собственно оторвались отъ берега всего нѣсколько дней тому назадъ... Онѣ достигали высоты

отъ ста до ста-пятидесяти футовъ и должны были вѣсить цѣлыя тысячи тоннъ. Джимъ Вестъ не уходилъ съ палубы ни на одну минуту и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не столкнуться съ ледяными громадами.

Тщетно искалъ я въ просвѣтахъ между айсбергами слѣдовъ земли, появленіе которой могло бы заставить голетъ измѣнить курсъ и итти прямо на югъ... Къ несчастью, я не видѣлъ ничего такого, что могло бы успокоить меня на этотъ счетъ.

Тутъ я считаю необходимымъ, между прочимъ, замѣтить, что до сихъ поръ стрѣлка компаса давала совершенно правильныя указанія. Магнитный полюсъ, отъ котораго насъ отдѣляли еще нѣсколько сотъ миль, не имѣлъ еще никакого вліянія на компасъ. Стрѣлка, вмѣсто тѣхъ колебаній, отъ шести до семи румбовъ, которыя заставляютъ ее вертѣться вблизи полюса, сохраняла свою неподвижность, и мы смѣло могли полагаться на ея указанія.

Итакъ, вопреки моему убѣжденію, сложившемуся подъ вліяніемъ весьма серьезныхъ данныхъ, нигдѣ не было видно никакихъ признаковъ земли, и мнѣ уже начало приходить въ голову, что намъ лучше было бы больше повернуть къ западу, хотя этимъ мы и удалялись завѣдомо отъ той крайней точки, гдѣ скрещиваются меридіаны земного шара.

И вотъ, по мѣрѣ того, какъ истекали эти немногіе часы,— боцманъ давалъ мнѣ срока сорокъ-восемь часовъ, — матросы постепенно возвращались къ старому — это было слишкомъ очевидно — и снова надежда смѣнялась отчаяніемъ, и вновь возникалъ ропотъ. Еще однѣ съ половиной сутки, и я уже не въ силахъ буду побѣдить это... Голетъ окончательно и безповоротно отступитъ къ сѣверу.

Экипажъ молча исполнялъ команду Джима Веста, который, лавируя между льдинами, то ставилъ голетъ носомъ противъ вѣтра, то бѣжалъ впередъ, имѣя вѣтеръ за кормою. Но несмотря на все стараніе лейтенанта, несмотря на ловкость матросовъ, съ поразительною быстротой исполнявшихъ приказанія своего начальника, голетъ по временамъ, все-таки, цѣплялся кузовомъ о бока айсберговъ, на которыхъ послѣ прохода „Гальбрана“ виднѣлись длинныя черныя полосы смолы. Это дѣйствовало самымъ удручающимъ образомъ на матросовъ, и каждому изъ нихъ невольно приходила въ голову мысль, что обшивныя доски могутъ разойтись, и насъ зальетъ водою...

Надо замѣтить, что ребра этихъ пловучихъ горъ спускались къ водѣ почти отвѣсно, и высадиться на нихъ было нечего и думать. Теперь становилось понятнымъ, почему мы не видѣли ни одного изъ тюленей, которыхъ обыкновенно бываетъ такъ много въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются ледяныя поля,— ни одной стаи крикливыхъ пингвиновъ, которыхъ прежде „Гальбранъ“ заставлялъ миріадами погружаться въ воду при своемъ прохожденіи. Птицы и тѣ, повидимому, избѣгали этихъ печальныхъ пустынныхъ мѣстъ, полныхъ тревоги и ужаса, отъ котораго ни одному изъ насъ не удавалось отдѣлаться. Могли ли мы, въ самомъ дѣлѣ, надѣяться еще, что намъ удастся разыскать капитана и матросовъ съ „Джэнъ“, которые, если и проникли сюда какимъ-то чудомъ, должны погибнуть въ этихъ неблагопріятныхъ для жизни условіяхъ?.. А что, если „Гальбранъ“, въ свою очередь, потерпитъ здѣсь крушеніе,— останется ли въ живыхъ хоть одинъ свидѣтель этой драмы?..

Внимательный наблюдатель, навѣрное, обратилъ бы вниманіе на метиса, который съ того самаго момента, какъ голетъ повернулъ къ востоку, съ цѣлью обойти линію айсберговъ, рѣзко измѣнилъ свое поведеніе. Онъ теперь проводилъ все свое свободное время, сидя у фокъ-мачты, отвернувъ лицо отъ моря, и приподнимался только тогда, когда его помощь требовалась при исполненіи какого-нибудь маневра; при этомъ онъ уже не выказывалъ ни прежняго усердія ни прежней бдительности. Онъ имѣлъ видъ человѣка, находящагося въ послѣдней степени отчаянія. Онъ не то, чтобы не вѣрилъ уже тому, что его товарищъ съ „Джэнъ“ еще живъ: эта мысль не могла бы зародиться въ его головѣ... Нѣтъ, онъ просто инстинктомъ чувствовалъ, что мы идемъ теперь не тѣмъ курсомъ, котораго надо было бы держаться для того, чтобы разыскать слѣды его бѣднаго Пима!

— Сэръ... — сказалъ онъ мнѣ, — поймите меня... не тамъ... нѣтъ... не тамъ!..

Что могъ я ему на это отвѣчать?

Часовъ около семи вечера надъ моремъ повисъ довольно густой туманъ, который дѣлалъ крайне опаснымъ плаваніе голета до тѣхъ поръ, пока онъ не разсѣется.

Этотъ день, полный волненій и тревогъ, въ конецъ меня измучилъ... Я рѣшилъ, наконецъ, уйти къ себѣ въ каюту и бросился совсѣмъ одѣтый на койку.

Я даже спать не могъ—такъ сильно была возбуждена моя нервная система. Мнѣ кажется, что на такое настроеніе моей души имѣло большое вліяніе слишкомъ усердное чтеніе сочиненій Эдгара Поэ.

Завтра должны были окончиться вторыя сутки,—послѣдняя отсрочка, которую нашли возможнымъ дать мнѣ матросы.

— Дѣло идетъ совсѣмъ не такъ, какъ вамъ бы это хотѣлось?.. — сказалъ мнѣ боцманъ въ ту минуту, когда я вошелъ въ рубку.

Нѣтъ! конечно, потому что земля все еще не показывалась за линіей айсберговъ. А такъ какъ между этими движущимися массами не видно ни малѣйшихъ признаковъ земли, то капитанъ Ленъ Гай завтра же повернетъ на сѣверъ...

Ахъ! почему не я хозяинъ этого голета... Если бы я могъ его купить, хотя бы за это мнѣ пришлось отдать все мое состояніе, если бы эти матросы были моими рабами, которыхъ я могъ бы заставить исполнять мою волю,—„Гальбранъ“ никогда не окончилъ бы такъ своего путешествія, хотя бы ему пришлось плыть до самаго полюса!..

Въ моей разстроенной головѣ одна мысль смѣнялась другой, и я переходилъ поминутно отъ отчаянія къ надеждѣ!.. Я хотѣлъ встать, но мнѣ казалось, что чья-то тяжелая рука приковывала меня къ койкѣ!.. И у меня явилось желаніе сейчасъ же выйти изъ каюты, гдѣ меня мучили кошмары, спустить на воду одну изъ шлюпокъ „Гальбрана“, броситься въ нее вмѣстѣ съ Деркомъ Питерсомъ, который, конечно, не колеблясь, послѣдуетъ за мной, и отдаться теченію, которое направлялось къ югу...

И я дѣлалъ это... Да! я это дѣлалъ... во снѣ!.. Насталъ слѣдующій день... Капитанъ Ленъ Гай, бросивъ послѣдній взглядъ на горизонтъ, отдалъ приказаніе повернуть голетъ... Одна изъ лодокъ тащится за

судномъ... Я говорю метису... Мы проскальзываемъ незамѣченные... перерѣзаемъ бечеву... остаемся позади и теченіе насъ уноситъ...

И мы плывемъ по свободному морю... Наконецъ, лодка наша останавливается... Впереди земля... Мнѣ кажется, я вижу нѣчто въ родѣ сфинкса, господствующаго надъ громаднымъ сводомъ... ледяной сфинксъ... Я иду къ нему... Спрашиваю его... Онъ разсказываетъ мнѣ тайны этихъ невѣдомыхъ областей... И вотъ вокругъ миѳологическаго чудовища появляются тѣ феномены, о которыхъ такъ много говорится въ дневникѣ Артура Пима... Туманная завѣса, сквозь которую пробиваются точно солнечные лучи, разрывается... и передъ моими взорами встаетъ фигура... простой смертный... это Артуръ Пимъ... свирѣпый стражъ южнаго полюса, развертывающій по вѣтру высокихъ широтъ знамя Американскихъ Соединенныхъ штатовъ!..

На этомъ и кончился мой сонъ... Я проснулся... И мнѣ показалось, что голетъ покачивается на волнахъ уже не такъ, какъ онъ качался раньше... онъ какъ будто слегка накренился на штирбортъ и такъ скользилъ по поверхности спокойнаго моря... А между тѣмъ, это была вовсе не боковая качка... но и не килевая...

Да... Я чувствовалъ, что меня приподнимаетъ какая-то невидимая сила... моя койка казалась мнѣ корзинкой аэростата...

Я не ошибался и изъ сна попалъ опять въ дѣйствительность...

Удары, причина которыхъ еще была мнѣ неизвѣстна, раздавались надъ моей головой. Внутри каюты всѣ предметы приняли такое положеніе, что можно было подумать, будто „Гальбранъ“ ложится на бокъ. Почти въ ту же минуту та же невидимая сила выбросила меня изъ койки, и это было къ счастью, потому что иначе уголъ стола раскроилъ бы мнѣ черепъ...

Я, хотя и съ трудомъ, поднялся; мнѣ удалось уцѣпиться за бортъ боковой рамы и я уперся въ дверь, которая отворялась на площадку и уступила подъ моею ногой...

Въ эту минуту послышался трескъ въ бортовыхъ сѣтяхъ на бакбортѣ...

Значитъ, произошло столкновеніе голета съ одной изъ пловучихъ колоссальныхъ массъ, избѣжать котораго не удалось Джиму Весту благодаря туману?..

Вдругъ раздались ужасные крики надъ рубкой, на кормѣ, смѣшавшіеся съ криками испуга, въ которыхъ слышались обезумѣвшіе голоса всего экипажа...

Наконецъ, еще одинъ и послѣдній ударъ... и „Гальбранъ“ остановился неподвижно.

ГЛАВА VII.

Опрокинувшійся айсбергъ.

Мнѣ пришлось ползкомъ пробираться по полу рубки для того, чтобы достигнуть двери и выбраться затѣмъ на палубу.

Капитанъ Ленъ Гай, успѣвшій раньше меня выбраться изъ своей каюты, тоже ползъ на колѣняхъ — такъ сильно накренился однимъ бортомъ голетъ — и, наконецъ, ухватился за рѣшетку крюйсовъ клепени.

На носу, между бокомъ и фокъ-мачтой, нѣсколько головъ выглядывало изъ складокъ фокъ-стакселя, сбитаго подобно палаткѣ, у который ослабъ фалъ.

На вантахъ штирборта висѣли Деркъ Питерсъ, Гарди, Мартинъ Гольтъ и Эндикотъ съ обезумѣвшею черною физіономіей.

Мнѣ невольно пришло въ голову, что въ эту минуту боцманъ и онъ съ удовольствіемъ уступили бы пятьдесятъ процентовъ съ тѣхъ наградныхъ денегъ, которыя приходились на ихъ долю съ той поры, какъ мы перешли за восемьдесятъ-четвертую параллель!..

Какой-то человѣкъ ползкомъ пробирался ко мнѣ, потому что на палубѣ нельзя было стоять прямо, — голетъ накренился подъ угломъ, по крайней мѣрѣ, въ пятьдесятъ градусовъ.

Это былъ Герлигерли, который скользилъ и извивался, какъ марсовой на рей.

Вытянувшись во всю длину и упершись ногами въ дверной наличникъ, я держался крѣпко и могъ не бояться, что соскользну внизъ.

Я протянулъ руку и помогъ боцману подползти ко мнѣ.

— Что тутъ случилось?.. — спросилъ я его.

— Сидимъ на мели, мистеръ Джіорлингъ!

— Значитъ, мы на берегу?.. — вскричалъ я.

— Берегомъ обыкновенно называютъ землю, — иронически возразилъ боцманъ, — а здѣсь земли нѣтъ, да никогда ея и не было, и существуетъ она только въ воображеніи этого дьявола, Дерка Питерса!

— Но... что же случилось?..

— Случился айсбергъ да еще во время тумана... Ну! намъ и не удалось увернуться отъ этого айсберга...

— Айсбергъ, боцманъ?..

— Да!.. айсбергъ, которому съ чего-то пришло вдругъ въ голову запрокинуться!.. Ну, а перевертываясь, онъ встрѣтилъ на дорогѣ „Гальбрана“ и приподнялъ его, какъ отбойникъ ракету, и вотъ мы теперь сидимъ на мели въ доброй сотнѣ футовъ надъ поверхностью антарктическаго океана.

Нужно же было, чтобы такъ печально, такъ трагически окончилось это въ высшей степени трудное и полное самыхъ необыкновенныхъ приключеній путешествіе „Гальбрана“!.. Нашъ голетъ, на которомъ покоились всѣ наши надежды на возможность по достиженіи цѣли экспедиціи возвратиться въ обитаемыя страны, волею судебъ исторгнутъ изъ своей стихіи и лежитъ, накренясь на одинъ бортъ, на айсбергѣ, на высотѣ въ сто футовъ надъ уровнемъ моря!.. Да! какой печальный и, вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, неожиданный финалъ!.. Пойти ко дну въ самый разгаръ бури, быть уничтоженнымъ во время нападенія дикарей, быть раздавленнымъ льдами, — все это такія опасности, которымъ подвергается каждое судно, рискнувшее проникнуть въ полярныя моря!.. Но чтобы „Гальбранъ“ подбросило кверху движущейся ледяной горой въ ту ми-

... Голетъ исчезъ въ безднѣ... (Стр. 83.)

нуту, когда эта гора переворачивалась, и очутиться затѣмъ какъ бы на мели почти на вершинѣ айсберга... нѣтъ! это переходило за границы всякаго вѣроятія!

Можемъ ли мы, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что намъ удастся снять голетъ съ мели и пустить опять на воду?.. Этого я не зналъ. Зато, съ другой стороны, я отлично зналъ, что капитанъ Ленъ Гай, лейтенантъ

и старые матросы экипажа не такіе люди, чтобы впадать въ отчаяніе, какъ бы ужасно ни было ихъ положеніе. Въ этомъ я не сомнѣвался. Да!.. они сдѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ, что будетъ можно, для спасенія голета и экипажа. Что же касается того, какія слѣдуетъ принять мѣры для спасенія голета, этого пока еще никто не зналъ хорошенько.

Дѣло въ томъ, что туманная завѣса, нѣчто въ родѣ сѣроватаго крепа, все еще окутывала айсбергъ. Мы не видѣли даже всей массы айсберга, а только узкую извилину, въ которую засѣлъ голетъ...

Прежде всего и притомъ какъ можно скорѣе намъ нужно было постараться высвободить „Гальбранъ“ и поставить его прямо, а затѣмъ очень возможно, что сотрясеніе айсберга дастъ ему возможность соскользнуть снова въ море. Да и на самомъ дѣлѣ, можно ли было съ увѣренностью сказать, что эта ледяная гора будетъ все время держаться въ этомъ же положеніи на поверхности океана?.. Могли ли мы, кромѣ того, предполагать, что она не передвинется и, можетъ-быть, очень далеко къ сѣверу?.. А что если она вздумаетъ еще разъ перевернуться и при этомъ голетъ провалится въ клокочущую бездну и очутится подъ льдомъ?.. Тогда вѣдь никому изъ насъ уже не уцѣлѣть, какъ не уцѣлѣть и голету, который не въ состояніи будетъ уже вынырнуть опять на поверхность океана.

Черезъ нѣсколько минутъ на „Гальбранѣ“ не оставалось почти уже никого. Всѣ и каждый искали убѣжища на льду, въ ожиданіи пока айсбергъ сброситъ съ себя свой туманный капюшонъ. Солнечные лучи, освѣщавшіе въ это время айсбергъ сбоку, не могли разсѣять тумана, и намъ едва виденъ былъ красноватый дискъ дневного свѣтила...

Впрочемъ, шагахъ въ двѣнадцати, все-таки, можно было видѣть одинъ другого. Что же касается собственно „Гальбрана“, то онъ казался большой темною массой, рѣзко отличавшейся отъ блестящей бѣлой поверхности айсберга.

Какъ только прошли первыя минуты испуга, сейчасъ же начали провѣрять, не упалъ ли кто-нибудь въ море, черезъ бортовыя сѣтки.

По приказанію капитана Ленъ Гайя, матросы подошли къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ я съ лейтенантомъ, боцманъ и наши старшины: Гарди и Мартинъ Гольтъ.

Джимъ Вестъ сдѣлалъ перекличку... Пятерыхъ не оказалось налицо: Дрэпъ, одинъ изъ старыхъ матросовъ голета, и четверо новичковъ: два англичанина, одинъ американецъ и одинъ изъ уроженцевъ Огненной Земли,— всѣ они были наняты на Фальклandахъ.

Такимъ образомъ, эта катастрофа стоила жизни пяти человѣкамъ — первымъ жертвамъ этой экспедиціи съ самаго отъѣзда съ Кергуэленъ, и кто знаетъ, не придется ли намъ потерять и еще кого-нибудь?..

Да, мы были увѣрены въ томъ, что несчастные погибли, потому что всѣ поиски не привели ни къ чему... никто изъ нихъ даже не отозвался на наши крики...

Мы искали ихъ и послѣ того, какъ разсѣялся туманъ, и, все-таки, не нашли даже и слѣдовъ. Въ ту минуту, когда невидимая сила подхватила „Гальбранъ“ снизу, онъ получилъ такой сильный толчокъ, такъ внезапно, что бѣдняги, находившіеся на палубѣ, конечно, не могли удержаться за бортовыя сѣтки, и, по всей вѣроятности, намъ не удастся

найти даже и тѣлъ ихъ, которыя теченіе должно было унести далеко въ открытое море.

Когда, наконецъ, окончательно было установлено, что во время катастрофы исчезли пять человѣкъ, отчаяніе закралось во всѣ сердца. Тутъ какъ бы яснѣе еще представили себѣ тѣ опасности, которыя грозятъ экспедиціямъ, изслѣдующимъ антарктическія области!

— А гдѣ Гирнъ? — послышался вдругъ вопросъ.

Этотъ вопросъ задалъ Мартинъ Гольтъ, и кругомъ воцарилось на минуту молчаніе.

А что если гарпунщикъ, о которомъ мы точно забыли, раздавленъ въ узкомъ помѣщеніи трюма, куда его заперли по приказанію лейтенанта?..

Джимъ Вестъ бросился къ голету, взобрался на него по веревкѣ, висѣвшей съ носа, и достигъ помѣщенія экипажа, черезъ которое можно было проникнуть въ трюмъ.

Мы стояли неподвижно и молча ждали рѣшенія участи Гирна, хотя этотъ злой геній экипажа и не заслуживалъ особеннаго сожалѣнія.

А между тѣмъ, я убѣжденъ, что многіе изъ окружавшихъ насъ матросовъ думали въ эту минуту, что если бы мы послушались совѣтовъ гарпунщика и если бы голетъ повернулъ на сѣверъ,— экипажу не пришлось бы искать спасенія на этой ледяной горѣ!.. А такъ какъ я особенно и настаивалъ на продолженіи экспедиціи, то вся отвѣтственность ложилась, главнымъ образомъ, на меня... Мнѣ даже страшно становилось при одной мысли объ этомъ!

Наконецъ, лейтенантъ показался на палубѣ, а слѣдомъ за нимъ и Гирнъ.

Какимъ-то чудомъ ни переборки, ни тимберсы, ни обшивка — не поддались въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился подъ арестомъ гарпунщикъ.

Гирнъ спустился по веревкѣ съ голета и присоединился къ своимъ товарищамъ, не произнося ни слова.

Часовъ около шести утра туманъ разсѣялся, благодаря довольно сильному пониженію температуры, и теперь мы могли довольно вѣрно опредѣлить величину глыбы, на которой мы сидѣли точно мухи на головѣ сахару, и мнѣ кажется, что если бы кто-нибудь снизу взглянулъ на нашъ голетъ, онъ показался бы не больше ялика съ коммерческаго судна.

Нашъ айсбергъ имѣлъ въ окружности отъ трехсотъ до четырехсотъ туазовъ, а вверхъ поднимался на сто-тридцать, на сто-сорокъ футовъ. Кромѣ того, четыре пятыхъ его, если только не больше, находились подъ водой, на основаніи чего вся эта страшная ледяная масса должна была вѣсить цѣлые милліоны тоннъ.

Вотъ какимъ образомъ произошла эта катастрофа.

Айсбергъ, оторвавшись отъ материка, поплылъ къ сѣверу, и на пути вода подмыла или, правильнѣе сказать, подточила его основаніе, и онъ, благодаря этому, приподнялся однимъ краемъ. При этомъ, естественно, долженъ былъ перемѣститься и центръ тяжести. Айсбергъ перевернулся и приподнялъ голетъ, который и очутился на вершинѣ ледяной горы. Айсберги перевертываются такимъ образомъ довольно часто во время странствованія по Ледовитому океану, и въ этомъ, собственно, и

заключается главная опасность для судовъ при встрѣчѣ съ движущимися ледяными горами.

Голетъ нашъ застрялъ въ выемкѣ на западной сторонѣ айсберга. Онъ накренился на штирбортъ съ приподнятою кормой и опущеннымъ носомъ. У насъ была нѣкоторая надежда, что при новомъ сотрясеніи ледяной горы онъ, можетъ-быть, и соскользнетъ еще съ айсберга въ море. Съ той стороны, гдѣ помѣщались каюты, ударъ былъ настолько силенъ, что при этомъ были сорваны нѣсколько обшивныхъ досокъ съ кузова и стѣнокъ на пространствѣ двухъ туазовъ. При первомъ же толчкѣ оборвались найтовы, которыми была привязана впереди фокъ-мачты кухня, и она скользнула по палубѣ до входа въ рубку, дверь которой, между каютами капитана Ленъ Гайя и лейтенанта, была при этомъ сорвана съ петель. Марсъ и флешъ свалились внизъ, вслѣдствіе разрыва фардуна и бакштага. Различные обломки, реи, часть парусовъ, боченки, ящики и клѣтки для птицъ попадали съ палубы въ море и теперь, вѣроятно, плыли рядомъ съ нашею льдиной.

Но все это были потери пустыя въ сравненіи съ тѣмъ, что одна изъ двухъ шлюпокъ „Гальбрана“, именно правая, была раздавлена въ моментъ столкновенія, и уцѣлѣла только вторая, правда, самая большая, висѣвшая еще и до сихъ поръ на таляхъ у боканцевъ бакборта. Прежде всего надо было, конечно, убрать ее въ безопасное мѣсто, потому что, если голетъ станетъ непригоднымъ для плаванія, кто знаетъ можетъ-быть, эта лодка будетъ нашимъ единственнымъ спасеніемъ.

Дальнѣйшій осмотръ голета показалъ, что обѣ нижнія мачты остались цѣлы и на мѣстѣ и могли бы еще пригодиться, если бы намъ удалось снять голетъ съ этого ледяного пьедестала. Но какъ снять его съ этого мѣста, выдавленнаго имъ самимъ во льду, возвратить его въ родную ему стихію?..

Когда капитанъ Ленъ Гай, лейтенантъ, боцманъ и я остались одни, я приступилъ къ нимъ съ разспросами по этому поводу.

— Прежде всего я долженъ замѣтить, что спустить голетъ на воду будетъ не легко, и, вообще, это дѣло очень рискованное,— сказалъ Джимъ Вестъ. — Но разъ это необходимо сдѣлать, мы, конечно, сдѣлаемъ. По моему мнѣнію, намъ придется пробить во льду нѣчто въ родѣ тоннеля до самаго основанія айсберга...

— И притомъ не откладывая этого дѣла въ долгій ящикъ, — перебилъ капитанъ Ленъ Гай.

— Слышите, боцманъ?.. — продолжалъ Джимъ Вестъ. — Съ нынѣшняго же дня за дѣло.

— Слышу, и всѣ сейчасъ же примутся за работу, — отвѣчалъ Герлигерли. — Только сначала позвольте мнѣ, капитанъ, высказать одно замѣчаніе...

— Какое?..

— Прежде, чѣмъ начинать работу, надо осмотрѣть кузовъ и узнать, какія онъ получилъ поврежденія, т. е. можно ли еще ихъ будетъ исправить? А то, посудите сами, зачѣмъ намъ спускать на воду корабль съ пробитымъ дномъ, если онъ сейчасъ же начнетъ тонуть?

Всѣ согласились съ этимъ, въ высшей степени разумнымъ, замѣчаніемъ боцмана.

Когда туманъ разсѣялся совсѣмъ, яркое солнце освѣтило восточную сторону айсберга, откуда взоръ обнималъ широкое пространство моря. Съ этой стороны, вмѣсто гладкой отвѣсной стѣны, гдѣ нога не могла бы найти точки опоры, бока айсберга имѣли извилины, завороты, эполементы и даже небольшое плато, гдѣ довольно легко было бы устроить временный лагерь.

Поверхностный осмотръ давалъ основаніе предполагать, что айсбергъ, повидимому, сидитъ теперь очень крѣпко, и если и перевернется опять, то не скоро. Кромѣ того, если центръ его тяжести находился ниже уровня грузовой ватерлиніи, мы могли даже и вовсе не бояться новой катастрофы.

Я до сихъ поръ не имѣлъ еще случая поговорить съ Деркомъ Питерсомъ. Я слышалъ, какъ на повѣркѣ выкликали его имя, и слышалъ его отвѣтъ, а потому могъ не бояться за него, и зналъ навѣрное, что онъ не попалъ въ число несчастныхъ жертвъ. Теперь онъ стоялъ невдалекѣ отъ меня на узкомъ выступѣ и смотрѣлъ... Впрочемъ, нечего и пояснять, куда были направлены въ эту минуту взоры метиса...

Капитанъ Ленъ Гай, лейтенантъ, боцманъ и старшіе матросы, Гарди и Мартинъ Гольтъ, а съ ними вмѣстѣ и я,—отправились къ голету съ тѣмъ, чтобы произвести самый тщательный осмотръ кузова. Осмотръ со стороны бакборта будетъ очень легокъ, потому что „Гальбранъ“ наклонился на штирбортъ. Зато для осмотра противоположной стороны намъ придется, такъ или иначе, ползкомъ пробираться до киля, подрубая ледъ... Какъ ни трудно это, а мы должны будемъ это сдѣлать, если хотимъ осмотрѣть весь кузовъ голета какъ слѣдуетъ.

Осмотръ продолжался два часа, и въ результатѣ мы узнали слѣдующее: всѣ поврежденія были незначительны, и починки, въ общемъ, должны были занять очень немного времени. Отъ удара было переломано и сорвано нѣсколько обшивныхъ досокъ, при чемъ слегка покривились и нагели да кое-гдѣ разошлись еще швы. Внутри тимберсы оказались невредимы, благодаря необыкновенной прочности флортимберсовъ. Нашъ голетъ, спеціально приспособленный для плаванія по полярному морю, собственно говоря, почти даже и не пострадалъ при этомъ столкновеніи, тогда какъ большинство обыкновенныхъ судовъ, которыя строятся совсѣмъ иначе, было бы расшатано по всѣмъ частямъ. Правда, у насъ былъ даже выбитъ руль изъ своихъ оковокъ, но поставить его на прежнее мѣсто, это — такіе пустяки, о которыхъ не стоитъ и говорить.

По окончаніи какъ внутренняго, такъ и наружнаго осмотра, всѣ мы пришли къ заключенію, что поврежденія, въ сущности, самыя незначительныя и, во всякомъ случаѣ, меньше, чѣмъ мы имѣли основаніе бояться,— и мы успокоились на этотъ счетъ...

Успокоились... да... если бы только намъ удалось спустить нашъ голетъ опять на воду!

Капитанъ рѣшилъ, что послѣ завтрака матросы начнутъ пробивать во льду покатый спускъ, по которому затѣмъ „Гальбранъ“ соскользнетъ до основанія айсберга. Дай Богъ, чтобы операція эта удалась, потому что иначе намъ грозила опасность провести на этой пловучей массѣ цѣлые пять мѣсяцевъ полярной зимы и все это время, можетъ-быть, носиться по океану, не имѣя возможности ни остановить нашъ ледяной

корабль, ни заставить его итти въ желаемомъ направленіи... Но, конечно, никто или же очень немногіе дождались бы весны, и большинство изъ насъ погибло бы еще въ самомъ началѣ зимы самой ужасной смертью — смертью отъ холода и голода...

Въ эту минуту Деркъ Питерсъ, находившійся отъ насъ не больше какъ въ ста шагахъ и осматривавшій юго-восточную сторону горизонта, вдругъ крикнулъ рѣзкимъ голосомъ:

— Въ дрейфѣ!

Въ дрейфѣ?.. Что могло значить это восклицаніе метиса, какъ не то, что айсбергъ остановился неподвижно. Что же касается причины, вызвавшей эту остановку, то у насъ не было времени ни искать ее ни разсуждать о томъ, какими это будетъ сопровождаться послѣдствіями.

— А вѣдь это и въ самомъ дѣлѣ правда! — сказалъ боцманъ. — Айсбергъ стоитъ неподвижно, да, можетъ-быть, онъ и вовсе не двигался съ той самой минуты, какъ перевернулся!..

— Что такое? — съ невольнымъ удивленіемъ спросилъ я. — Онъ стоитъ на одномъ мѣстѣ?..

— Да, — отвѣчалъ мнѣ лейтенантъ. — А вотъ вамъ и доказательство!.. Видите, какъ его обходятъ другіе, движущіеся айсберги...

И въ самомъ дѣлѣ, мимо насъ прошло уже пять или шесть ледяныхъ горъ, спускаясь къ югу, а наша гора, повидимому, во все это время не трогалась съ мѣста, точно она стояла на мели, на какой-нибудь подводной скалѣ.

Больше всего было основаній предполагать, что нашъ айсбергъ встрѣтилъ на пути подводную скалу, на которую и сѣлъ, и сойдетъ съ нея, вѣроятно, только тогда, когда подтаетъ и поднимется кверху подводная часть горы, что тоже можетъ вызвать второе опрокидываніе айсберга.

Въ общемъ, это было новымъ и весьма серьезнымъ осложненіемъ, и для насъ, пожалуй, было бы гораздо лучше нестись, вмѣстѣ съ другими айсбергами къ югу по морю, чѣмъ сидѣть на этой горѣ, неподвижно засѣвшей на подводную скалу. Плывя по океану, мы могли надѣяться пристать къ континенту, къ острову и даже, если теченіе не измѣнится, если море окажется свободнымъ, — перейти за границы южной области...

Итакъ, вотъ въ какомъ печальномъ положеніи очутились мы послѣ трехмѣсячнаго плаванія по этимъ негостепріимнымъ областямъ. Могли ли мы теперь еще думать о продолженіи розысковъ Уилльяма Гайя и матросовъ съ „Джэнъ“?.. Куда ужъ тутъ думать о спасеніи другихъ, когда мы не знали, какъ намъ и самимъ-то выпутаться изъ этой бѣды!.. Положеніе наше было очень печальное, не говоря уже о томъ, что каждую минуту могли взбунтоваться матросы „Гальбрана“... А это было, къ несчастью, очень и очень возможно, особенно благодаря вредному вліянію гарпунщика Гирна; и кто знаетъ, чѣмъ окончится это возмущеніе, какая участь ждетъ капитана и лейтенанта, а вмѣстѣ съ ними, конечно, и меня, потому что матросы считаютъ меня главнымъ виновникомъ всѣхъ несчастій?..

Не нужно быть и особенно проницательнымъ для того, чтобы угадать, чѣмъ окончится столкновеніе враждующихъ партій... бунтовщики хотя и лишились четверыхъ товарищей, но пріобрѣли, пожалуй, даже

еще больше союзниковъ изъ числа старыхъ матросовъ, и поэтому численный перевѣсъ остался, все-таки, на ихъ сторонѣ

То же самое думали — я въ этомъ положительно увѣренъ — капитанъ Ленъ Гай и Джимъ Вестъ.

Фальклендскихъ новобранцевъ оставалось въ настоящее время всего пятнадцать человѣкъ, и это, въ сущности, было бы вовсе немного противъ тринадцати человѣкъ нашей партіи, считая въ томъ числѣ и метиса; но... а вотъ въ этомъ-то *но* и заключается весь вопросъ,— мы знали навѣрное, что часть старыхъ матросовъ готова перейти на сторону Гирна. Они были до такой степени раздражены противъ насъ, и притомъ во главѣ ихъ стояла такая личность, какъ Гирнъ, что мы имѣли полное основаніе бояться, что въ одинъ прекрасный день они овладѣютъ лодкой и, покинувъ насъ на этомъ айсбергѣ, уплывутъ сами къ сѣверу... Поэтому мы должны, прежде всего, перетащить шлюпку въ надежное мѣстечко и затѣмъ заботливо охранять ее отъ похищенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно измѣнился за послѣднее время и капитанъ Ленъ Гай. Онъ точно переродился съ того момента, когда увидѣлъ передъ собой серьезную опасность. Это не былъ уже человѣкъ, всѣ помыслы котораго сосредоточивались только на одной мысли, во что бы то ни стало отыскать своего брата и матросовъ съ „Джэнъ“. Во все время нашей экспедиціи онъ предоставлялъ командованіе голетомъ лейтенанту и, надо сказать правду, трудно было бы и найти другого, болѣе знающаго свое дѣло и преданнаго помощника. Но теперь онъ твердо рѣшилъ снова принять на себя всѣ обязанности капитана и выполнять ихъ со всей строгостью и энергіей, требуемой обстоятельствами, словомъ — быть на голетѣ единственнымъ и полноправнымъ распорядителемъ.

По приказанію капитана, весь экипажъ собрался на одномъ изъ плато, невдалекѣ отъ „Гальбрана“. Тамъ, разбившись на двѣ группы, стояли съ одной стороны старослуживые голета: старшины Мартинъ Гольтъ и Гарди, и матросы: Роджерсъ, Фрэнсисъ, Грэціанъ, Берри, Стэрнъ, поваръ Эндикотъ, а съ ними вмѣстѣ и Деркъ Питерсъ; съ другой стороны — новички: Гирнъ и четырнадцать его единомышленниковъ, нанятыхъ на Фальклендскихъ островахъ. Главаремъ второй группы былъ, конечно, не кто другой, какъ гарпунщикъ, который, прибавимъ отъ себя, имѣлъ на нихъ весьма сильное и въ то же время пагубное вліяніе.

Капитанъ Ленъ Гай окинулъ матросовъ твердымъ взглядомъ и громкимъ голосомъ сказалъ:

— Матросы „Гальбрана“, прежде всего я хочу сказать вамъ о тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые погибли во время недавней катастрофы. Какъ вы и сами знаете, въ этотъ роковой день погибло пять человѣкъ...

— А скоро и мы сами погибнемъ точно такъ же въ этомъ проклятомъ морѣ, куда завлекли насъ, несмотря...

— Молчи, Гирнъ! — крикнулъ Джимъ Вестъ, блѣднѣя отъ гнѣва.— Молчи или...

— Гирнъ сказалъ только то, что онъ думалъ, — холодно проговорилъ капитанъ Ленъ Гай, — и теперь уже поздно его останавливать... но только теперь я не совѣтую ему перебивать меня еще разъ!

Очень возможно, что гарпунщикъ возразилъ бы что-нибудь и на эти слова капитана, потому что зналъ, что его протестъ поддержитъ большинство экипажа, но ему помѣшалъ въ этомъ Мартинъ Гольтъ, заставившій его замолчать.

Капитанъ Ленъ Гай обнажилъ голову и съ волненіемъ, которое трогало до глубины души, произнесъ слѣдующія слова:

— Помолимся же, братцы, за тѣхъ, которые погибли въ этой опасной кампаніи, предпринятой изъ одного только чувства человѣколюбія. Будемъ просить Бога, чтобы Онъ отпустилъ имъ ихъ прегрѣшенія... они искупили ихъ своей смертью... На колѣни, матросы „Гальбрана“!

Всѣ опустились на колѣни на ледяной поверхности айсберга и громкій шопотъ молитвы вознесся къ небу.

Мы ждали пока поднимется капитанъ Ленъ Гай и вслѣдъ за тѣмъ поднялись и сами.

— Теперь, — продолжалъ онъ, — помянувъ умершихъ, поговоримъ о живыхъ. Я думаю, мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что какъ раньше, такъ и теперь, несмотря ни на что, я остаюсь вашимъ начальникомъ, и вы безусловно должны мнѣ повиноваться. Я не потерплю ни сопротивленія ни колебанія. Я, и только я отвѣчаю и буду отвѣчать предъ Богомъ и предъ людьми за все, что случится съ вами, и ни на одну іоту не отступлюсь отъ своихъ правъ... Я командую здѣсь, какъ на бортѣ...

— На бортѣ... когда уже нѣтъ голета!.. — осмѣлился возразить гарпунщикъ.

— Ошибаешься, Гирнъ. Голетъ стоитъ тамъ, и мы опять спустимъ его на воду. Но, если бы у насъ оставалась даже одна только шлюпка, и тогда я, все-таки, остаюсь командиромъ... Горе тому, кто про это забудетъ!

Въ этотъ же день капитанъ Ленъ Гай, съ помощью секстанта и хронометра, которые, къ счастью, уцѣлѣли, опредѣлилъ положеніе айсберга: 88° 55′ южной широты, 39° 12′ западной долготы.

„Гальбранъ“ былъ не больше, какъ въ одномъ градусѣ пятидесяти минутахъ, иначе сказать, въ шестидесяти-пяти морскихъ миляхъ отъ южнаго полюса.

ГЛАВА VIII.

Послѣдній ударъ.

— За работу! — сказалъ капитанъ Ленъ Гай.

И съ полудня этого дня всѣ дружно принялись за работу.

Намъ нельзя было терять ни одной минуты. Изъ всего экипажа не было ни одного человѣка, который не сознавалъ бы, что вопросъ о времени отодвигаетъ на задній планъ всѣ остальные. Что касается запасовъ съѣстной провизіи, то голетъ былъ обезпеченъ въ этомъ отношеніи еще на цѣлые восемнадцать мѣсяцевъ. Намъ пока нечего было бояться голода; не грозила намъ опасность страдать и отъ жажды, хотя боченки для воды и были разбиты во время столкновенія, и находившаяся въ нихъ вода вся вылилась

...Для васъ у меня всегда найдет - мѣстечко... (Стр. 90.)

Къ счастью, боченки съ джиномъ, виски, съ пивомъ и виномъ, находившіеся въ наименѣе пострадавшей отъ удара части трюма, остались почти нетронутыми. Въ этомъ отношеніи мы не понесли никакого урона, а прѣсную воду доставитъ намъ самъ айсбергъ.

Какъ извѣстно, ледъ, какъ рѣчной, такъ и морской, даетъ прѣсную годную для питья воду. Поэтому казалось бы, что нѣтъ никакой разницы въ томъ, какую льдину ни взять для обращенія ея, путемъ таянія, въ воду; а между тѣмъ, практика доказала, что въ этомъ случаѣ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе тому льду, который происходитъ отъ нѣкоторыхъ глыбъ, легко узнаваемыхъ по ихъ почти зеленоватой окраскѣ, по ихъ совершенной прозрачности. Это замерзшая дождевая вода, доставляющая продуктъ, наиболѣе пригодный для питья.

Нашъ капитанъ, столько лѣтъ плававшій по полярнымъ морямъ, легче, чѣмъ кто-нибудь другой, могъ сдѣлать выборъ подходящаго льда; но такого льду не могло быть на нашемъ айсбергѣ, потому что теперь изъ воды подымалась та часть его, которая до опрокидыванія была погружена въ воду.

Капитанъ Ленъ Гай и Джимъ Вестъ рѣшили прежде всего, съ цѣлью облегчить голетъ, выгрузить на ледъ все, что находилось на суднѣ. Мачты и такелажъ предполагали осторожно снять и перенести на плато. Мы должны довести грузъ до minimum'а и даже выбросить балластъ, чтобы насколько возможно облегчить трудную и опасную операцію спуска. Лучше было промедлить еще нѣсколько дней, лишь бы операцію удалось произвести въ возможно лучшихъ условіяхъ. Послѣ этого, конечно, не трудно будетъ опять все нагрузить по-старому.

Кромѣ того, намъ необходимо было ускорить выгрузку голета еще и по другой причинѣ. „Гальбранъ“ лежалъ чуть не на боку, и оставить запасы провизіи въ трюмѣ, значило бы поступить непростительно неосторожно... Достаточно было новаго внезапнаго толчка, и голетъ могъ не только слетѣть внизъ, но и разбиться вдребезги... Что будетъ съ нимъ и съ нашими запасами, если оторвутся глыбы, на которыхъ онъ держится? Вмѣстѣ съ гибелью голета погибнетъ и все, что будетъ находиться въ немъ въ минуту катастрофы, а съ тѣмъ вмѣстѣ погибнутъ и всѣ наши надежды на спасеніе!

Прежде всего матросы занялись выгрузкой ящиковъ съ солониной, сушеными кореньями, мукой, сухарями, чаемъ, кофе, боченковъ съ водкой, джиномъ, виски, виномъ и пивомъ, которые были извлечены изъ трюма и баталеръ-камеры и перенесены въ безопасное мѣсто невдалекѣ отъ „Гальбрана“.

Кромѣ того, въ этотъ же день были приняты и соотвѣтствующія мѣры на случай покушенія единомышленниковъ Гирна овладѣть шлюпкой, чтобы бѣжать на ней къ сплошнымъ льдамъ.

Поэтому большую шлюпку съ полнымъ комплектомъ веселъ, рулемъ, стопоромъ, дрекомъ, мачтой и парусами перенесли подальше на ледъ и помѣстили футахъ въ тридцати влѣво отъ голета, въ небольшомъ углубленіи которое уже нетрудно было бы и охранять. Днемъ похищенія шлюпки бояться было нечего. Но ночью же, или, правильнѣе сказать, въ часы отдыха, боцманъ или одинъ изъ старшихъ матросовъ будутъ охранять это углубленіе, и можно быть спокойнымъ, что злоумышленникамъ не удастся похитить шлюпку у такихъ сторожей.

Днемъ 19, 20 и 21-го января матросы занимались переноской груза и разоруженіемъ, т. е., собственно, сниманіемъ мачтъ съ „Гальбрана". Для этого они остропили нижнія мачты посредствомъ рей, игравшихъ роль подъемныхъ крановъ. Впослѣдствіи же Джимъ Вестъ озаботится замѣной новыми марса и флеша, такъ какъ безъ нихъ было бы очень трудно добраться до Фальклавдовъ или же до какого-нибудь другого пункта, гдѣ мы могли бы, въ случаѣ нужды, перезимовать.

Временный бивакъ, или лагерь, устроили на томъ плато, о которомъ я говорилъ, неподалеку отъ „Гальбрана". Изъ парусовъ, растянутыхъ на шестахъ и прикрѣпленныхъ ложными брасами, устроили палатки, куда поставили койки изъ каютъ и матросскаго помѣщенія; какъ ни плохи были эти палатки, а все-таки онѣ представляли достаточную защиту противъ атмосферическихъ перемѣнъ, уже довольно сильно дававшихъ себя чувствовать въ это время. Впрочемъ, погода, въ общемъ, стояла хорошая, дулъ легкій сѣверо-восточный вѣтеръ, а температура повысилась до сорока-шести градусовъ (7° 78 С. выше нуля). Что же касается кухни Эндикота, то ее устроили тутъ же, на плато, около контрфорса, по очень удлиненному склону котораго можно было добраться до самой вершины айсберга.

Я долженъ отдать справедливость, что въ теченіе всѣхъ этихъ трехъ дней самой утомительной работы нельзя было ни въ чемъ упрекнуть Гирна. Гарпунщикъ зналъ, что находится подъ строгимъ надзоромъ, и зналъ также, что капитанъ Ленъ Гай не пощадитъ его, если онъ станетъ подбивать своихъ товарищей оказать ослушаніе. Мнѣ было очень жаль, что его дурные инстинкты побуждали его играть такую роль; потому что, благодаря своей силѣ, ловкости и уму, это былъ, положительно, неоцѣненный человѣкъ, и мнѣ ни разу еще не приходилось видѣть его такимъ дѣятельнымъ и такимъ трудолюбивымъ, какъ во время этой спѣшной работы. Можетъ-быть, впрочемъ, онъ измѣнился къ лучшему?.. Можетъ-быть, онъ понялъ, наконецъ, что отъ общаго согласія зависѣло и общее спасеніе?.. Этого я, конечно, не зналъ, но я ему не довѣрялъ.

Я думаю, мнѣ нѣтъ никакой надобности говорить, что метисъ зарекомендовалъ себя въ это время съ самой лучшей стороны. Онъ первымъ становился на работу и послѣднимъ уходилъ съ нея, работалъ за четверыхъ, спалъ всего нѣсколько часовъ и отдыхалъ только во время обѣда или ужина, который онъ всегда съѣдалъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ. Онъ не сказалъ мнѣ и двухъ словъ съ тѣхъ поръ, какъ голетъ сталъ жертвой этого ужаснаго случая. Да и что могъ онъ мнѣ сказать?.. Развѣ онъ не зналъ, что я думаю то же самое, что и онъ... Неожиданныя обстоятельства оказались сильнѣе насъ и заставляютъ насъ отказаться отъ продолженія этого несчастливо сложившагося путешествія.

Мнѣ иногда случалось видѣть, какъ Мартинъ Гольтъ и метисъ работали почти рядомъ, занимаясь исполненіемъ какого-нибудь труднаго и опаснаго порученія капитана. Нашъ парусный старшина, видимо, не только не упускалъ, но даже искалъ случая сблизиться съ Деркомъ Питерсомъ, который, какъ я зналъ, избѣгаетъ этого по весьма уважительной причинѣ. А когда при этомъ я вспоминалъ еще довѣренную мнѣ метисомъ тайну смерти Паркера, т. е., собственно, родного брата

Мартина Гольта, мнѣ становилось просто страшно. Я увѣренъ, что если бы тайна эта какими-нибудь судьбами стала извѣстна остальнымъ матросамъ, всѣ стали бы къ нему относиться съ презрѣніемъ. Они сейчасъ же забудутъ, что этотъ же самый человѣкъ такъ недавно еще, рискуя своей жизнью, спасъ отъ вѣрной смерти паруснаго старшину, а если послѣдній узнаетъ еще, что его братъ... Къ счастью, тайну эту знали только мы двое, Деркъ Питерсъ и я.

Пока производилась разгрузка „Гальбрана“, капитанъ Ленъ Гай и лейтенантъ обсуждали вопросъ, какъ лучше спустить его на воду,— дѣло, надо признаться, и трудное и очень опасное. Нужно было сдѣлать отлогій спускъ къ морю отъ того мѣста, гдѣ засѣлъ голетъ на высотѣ ста футовъ, а для этого нужно было не снять, а вырубить цѣлыя массы льда на западномъ склонѣ айсберга на протяженіи, по крайней мѣрѣ, отъ двухъ-до трехсотъ туазовъ. И вотъ, въ то время, пока первая партія, подъ наблюденіемъ боцмана, занималась выгрузкой, вторая, подъ командой Джима Веста, приступила къ работамъ по спланированію западной стороны движущагося айсберга.

Движущійся?.. Не знаю, право, почему я такъ назвалъ нашъ айсбергъ, который, какъ это первымъ открылъ метисъ, въ послѣднее время вовсе не трогался съ мѣста. Онъ стоялъ неподвижно, какъ островокъ, и пока не было никихъ основаній предполагать, что эта ледяная масса не только скоро, но и вообще когда-нибудь стронется съ мѣста. Мимо насъ прошло уже не мало такихъ большихъ айсберговъ, медленно подвигавшихся къ юго-востоку, а нашъ все еще продолжалъ лежать въ „дрейфѣ“. Когда-то еще водой подточитъ его основаніе настолько, что онъ поднимется кверху и оторвется отъ подводнаго дна?.. Или, можетъ-быть, на него налетитъ такая же громадная ледяная масса и столкнетъ его съ пьедестала?.. Отвѣтить на эти вопросы пока, конечно, не могъ никто, и, во всякомъ случаѣ, мы не имѣли права, да и не должны были разсчитывать ни на какія случайности, а дѣлать прежде всего то, что зависѣло отъ насъ, для нашего спасенія.

Время за работой бѣжало быстро, и незамѣтно подошло 24-е января. Погода продолжала стоять все такая же хорошая, и температура не понижалась, — ртутный столбъ въ термометрѣ даже поднялся на два или на три градуса выше нуля. По всей вѣроятности, благодаря этому, число айсберговъ, подходившихъ съ сѣверо-запада все возрастало, — мы насчитали ихъ цѣлую сотню, и столкновеніе съ ними могло имѣть самыя серьезныя послѣдствія.

Старшій конопатчикъ, Гарди, прежде всего принялся за починку корпуса голета, перемѣнилъ часть нагелей, наложилъ заплаты тамъ, гдѣ оторвались обшивныя доски, и проконопатилъ пазы. Къ счастью, у насъ въ изобиліи имѣлось все, что могло понадобиться при подобныхъ работахъ, и, зная Гарди, мы могли быть увѣрены, что все будетъ сдѣлано какъ слѣдуетъ. Царствовавшую кругомъ тишину нарушали стукъ молотковъ, которыми забивали гвозди, да частая дробь колотушекъ, которыми вгоняли паклю въ пазы. Стуку молотковъ и колотушекъ какъ бы вторили громкіе крики чаекъ, турпановъ, альбатросовъ и буревѣстниковъ, носившихся кругами надъ вершиной айсберга.

Когда я оставался одинъ съ капитаномъ Ленъ Гайемъ и Джимомъ Вестомъ, разговоръ сейчасъ же переходилъ на занимавшіе всѣхъ насъ

вопросы: мы обсуждали наше положеніе, разсчитывали шансы на спасеніе и составляли планы дальнѣйшихъ дѣйствій. Лейтенантъ говорилъ, что онъ почти увѣренъ — если, конечно, до тѣхъ поръ не случится никакого новаго несчастья, — что операцію спуска голета ему удастся произвести благополучно. Капитанъ Ленъ Гай, наоборотъ, далеко не питалъ такихъ радужныхъ надеждъ, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ имѣть при этомъ еще въ виду, что, какъ бы ни произошла операція спуска голета на воду — благополучно или нѣтъ, а ему все равно, придется разъ навсегда отказаться отъ мысли разыскать тѣхъ, ради спасенія которыхъ и была собственно предпринята эта экспедиція.

Въ тотъ день, когда всѣ работы будутъ окончены, когда голетъ спустятъ, наконецъ, на воду и когда лейтенантъ Джимъ Вестъ спроситъ его, куда теперь итти... Что отвѣтитъ онъ?.. Держать курсъ на югъ?.. Нѣтъ, потому что теперь за нимъ откажутся итти не одни только новички, но даже и большинство старыхъ матросовъ голета. Продолжать поиски въ этомъ направленіи, достигнуть полюса и затѣмъ попытаться проникнуть въ Индійскій океанъ — объ Атлантическомъ океанѣ нечего и думать — это было бы такимъ подвигомъ, на который не рискнулъ бы отважиться, навѣрное, ни одинъ командиръ корабля. Если бы оказалось, что континентъ замыкаетъ море съ этой стороны, то голетъ рисковалъ бы быть припертымъ къ нему массой айсберговъ, и намъ нельзя было бы выбраться изъ нихъ раньше наступленія южной зимы...

При такихъ условіяхъ нельзя было, конечно, требовать отъ капитана Ленъ Гайя, чтобы онъ продолжалъ плаваніе, — на всѣ такія просьбы онъ непремѣнно долженъ былъ бы отвѣтить отказомъ. Да я и самъ не могъ серьезно думать объ этомъ, потому что мы должны какъ можно скорѣе возвращаться на сѣверъ и не оставаться ни одного лишняго дня въ этой части антарктическаго моря. Но если я ничего не говорилъ объ этомъ съ капитаномъ Ленъ Гайемъ, зато не пропускалъ ни одного случая узнать, что думаетъ объ этомъ нашъ боцманъ, а слѣдовательно, и большинство экипажа.

По окончаніи работъ Герлигерли выбиралъ удобную минуту, подходилъ ко мнѣ, и мы болтали съ нимъ, припоминая различныя событія изъ нашего путешествія.

Однажды, когда мы сидѣли на вершинѣ айсберга, устремивъ взоры на открывавшійся передъ нами горизонтъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Кто могъ бы подумать, мистеръ Джіорлингъ, когда „Гальбранъ“ покидалъ Кергуэлены, что черезъ шесть съ половиной мѣсяцевъ онъ будетъ торчать на такой высотѣ, точно пришитый къ ледяной горѣ!

— Это тѣмъ болѣе печально,— отвѣчалъ я,— что, не случись этого несчастья, мы, навѣрное, достигли бы уже нашей цѣли и теперь плыли бы обратно.

— Не смѣю спорить съ вами, — возразилъ боцманъ, — хотя и не думаю, чтобы мы успѣли за это время достигнуть цѣли путешествія... Неужели вы думаете, что если бы не эта задержка, мы разыскали бы капитана и матросовъ съ „Джэнъ“?..

— Очень возможно, боцманъ.

— А я такъ вовсе этого не думаю, мистеръ Джіорлингъ, хотя это и было главною и даже единственною причиной, почему мы отправились въ эту часть полярнаго океана..

— Единственной... да... сначала,—вставилъ я.—Но съ тѣхъ поръ, какъ метисъ открылъ намъ тайну о существованіи Артура Пима...

— Ахъ! видно, это крѣпко засѣло вамъ въ голову, мистеръ Джіорлингъ... какъ и нашему пріятелю Дерку Питерсу?

— Крѣпко, Герлигерли, и нужно же было случиться такому несчастью, чтобы мы потерпѣли крушеніе чуть ли не въ самомъ портѣ...

— Пусть будетъ по-вашему, мистеръ Джіорлингъ; а только если вы думаете, что тѣ потерпѣли крушеніе въ портѣ...

— Отчего же нѣтъ?..

— Пусть такъ; во всякомъ случаѣ, это любопытное кораблекрушеніе!—возразилъ боцманъ.—Вмѣсто того, чтобы наткнуться на подводную скалу, мы зачѣмъ-то поднялись на воздухъ...

— Поэтому-то я и называю это несчастьемъ, Герлигерли, и даже очень большимъ...

— Несчастье, разумѣется, хотя, по моему мнѣнію, это еще и хорошій урокъ намъ, и мы должны разъ навсегда зарубить себѣ на носу...

— Что?

— А то, что людямъ нельзя пытаться проникать такъ далеко въ эти области и, мнѣ даже кажется, что Творецъ запретилъ своимъ созданіямъ взбираться на самый край земныхъ полюсовъ!

— Однако, этотъ край теперь отъ насъ не больше, какъ въ шестидесяти миляхъ...

— Что жъ изъ того, мистеръ Джіорлингъ? Вы забываете только что эти шестьдесятъ миль равняются цѣлой тысячѣ для тѣхъ, кому не на чемъ проплыть это разстояніе... А если еще намъ не удастся благополучно спустить голетъ на воду, тогда намъ придется зимовать здѣсь и еще въ такихъ условіяхъ, отъ которыхъ отказались бы, пожалуй, даже и полярные медвѣди!

Я отвѣтилъ на это только однимъ покачиваніемъ головы, въ значеніи котораго не могъ ошибиться Герлигерли.

— Знаете, о чемъ я чаще всего думаю, мистеръ Джіорлингъ?—спросилъ онъ меня.

— О чемъ же вы думаете, боцманъ?

— О Кергуэленахъ, къ которымъ мы почему-то вовсе не думаемъ возвращаться! Правда, зимой тамъ очень и очень холодно... Вы вѣдь и сами знаете, что, въ сущности, очень невелика разница между этимъ архипелагомъ и островами, расположенными на границахъ антарктическаго моря... Но зато оттуда недалеко до Капштадта, и, если пожелаете, можете отправиться туда поразогрѣть себѣ икры,—тамъ уже нѣтъ сплошныхъ льдовъ, преграждающихъ вамъ путь!.. Тогда какъ здѣсь, среди льдовъ, отъ которыхъ никуда не уйдешь, намъ приходится куда какъ скверно!..

— Повторяю вамъ, боцманъ, что если бы не это несчастіе, теперь все уже было бы такъ или иначе покончено. Мы имѣли бы въ запасѣ больше шести недѣль для того, чтобы выбраться изъ южныхъ морей. Право, мнѣ даже не вѣрится подчасъ, что наши дѣла приняли такой дурной оборотъ и, надо сказать правду, совершенно неожиданно... Вспомните, какъ хорошо складывалось все сначала, и какъ я, такъ и всѣ остальные имѣли полное право надѣяться, что счастье будетъ покровительствовать намъ и дальше,— и вдругъ!..

— Пришелъ конецъ нашему счастью, мистеръ Джіорлингъ,— перебилъ меня Герлигерли,— и, признаться вамъ сказать, я очень боюсь...

— Что такое?.. и вы тоже, боцманъ... а я считалъ васъ нашимъ убѣжденнымъ сторонникомъ...

— И ошиблись, мистеръ Джіорлингъ! Что дѣлать!.. Когда я вспомню только кума Аткинса, который сидитъ себѣ теперь въ своей теплой харчевнѣ, когда я вспомню „Зеленый Бакланъ“, большую залу внизу и маленькіе столики, за которыми, можетъ-быть, и теперь сидитъ не одна компанія пріятелей и попиваетъ джинъ и виски... а печка въ это время такъ и пышетъ жаромъ!.. Ну, мнѣ приходитъ въ голову, что мы — пустоголовые дураки, а мистеръ Аткинсъ — единственно умный человѣкъ, сумѣвшій устроить жизнь свою какъ слѣдуетъ...

— Э, не безпокойтесь!.. Теперь вы опять и даже очень скоро увидитесь со своимъ другомъ Аткинсомъ, боцманъ, и съ „Зеленымъ Бакланомъ“, и съ Кергуэленами!.. Ради Бога! не поддавайтесь только отчаянію... Если даже такой человѣкъ, какъ вы, умный и храбрый, и тотъ начинаетъ приходить въ отчаяніе...

— О, если бы только одинъ я, мистеръ Джіорлингъ, это бы еще горе небольшое!

— Развѣ экипажъ?..

— И да и нѣтъ,— отвѣчалъ Герлигерли.— Но я знаю, что кой-кто тоже недоволенъ и даже очень.

— Значитъ, Гирнъ опять принялся за старое и науськиваетъ противъ насъ своихъ товарищей?

— По крайней мѣрѣ, не такъ открыто, мистеръ Джіорлингъ, и съ тѣхъ поръ, какъ я за нимъ наблюдаю, я не видѣлъ и не слышалъ ничего подозрительнаго. Кромѣ того, онъ вѣдь и самъ хорошо знаетъ, какое наказаніе его ждетъ, если онъ не сумѣетъ до времени хоронить концы. И мнѣ кажется, я даже почти увѣренъ въ этомъ, что хитрая бестія перемѣнилъ галсъ. Ну, да это что?.. онъ какимъ былъ, такимъ и остался!.. А вотъ странно, что такъ измѣнился нашъ парусный старшина, Мартинъ Гольтъ...

— Что такое, боцманъ?..

— А то, что оба они, повидимому, стали большими друзьями!.. Я давно наблюдаю за ними и замѣтилъ, что Гирнъ не скрывается отъ Мартина Гольта, часто съ нимъ разговариваетъ, и Мартинъ Гольтъ относится къ нему по-дружески.

— Мнѣ кажется, что Мартинъ Гольтъ не такой человѣкъ, чтобы сталъ слушать совѣты Гирна,— отвѣчалъ я,— и, навѣрное, ни за что не станетъ на сторону гарпунщика, если тотъ будетъ подбивать экипажъ къ бунту...

— Навѣрное, нѣтъ, мистеръ Джіорлингъ! А между тѣмъ, мнѣ, признаюсь вамъ, очень непріятно видѣть ихъ вмѣстѣ... Этотъ Гирнъ — человѣкъ опасный и безсовѣстный, и Мартину Гольту слѣдовало бы подальше держаться отъ него!..

— Это правда, боцманъ.

— И... вотъ... знаете о чемъ они говорили на-дняхъ?.. Мнѣ случайно удалось разслышать кое-что изъ ихъ бесѣды...

— Я узнаю это только тогда, когда вы мнѣ скажете, Герлигерли.

— Ну, такъ вотъ! Они болтали на палубѣ „Гальбрана“, и я слышалъ, какъ они говорили о Деркѣ Питерсѣ, и Гирнъ сказалъ Гольту: „Вы не должны сердиться на метиса, мастеръ Гольтъ, за то, что онъ такъ упорно не хочетъ сходиться съ вами ближе и не хочетъ и слышать ни о какой благодарности... Хотя онъ и порядочная скотина, но все-таки человѣкъ храбрый, — это онъ доказалъ, вытащивъ васъ изъ воды, рискуя при этомъ своей жизнью... Кромѣ того, онъ вѣдь служилъ матросомъ на „Грампусѣ“, на которомъ служилъ и вашъ братъ Недъ, если не ошибаюсь...“

— Онъ говорилъ это, боцманъ?.. — вскричалъ я. — Онъ назвалъ „Грампусъ“?..

— Да... Грампусъ.

— И Неда Гольта?..

— Именно, мистеръ Джіорлингъ!

— А что отвѣтилъ ему Мартинъ Гольтъ?..

— Онъ отвѣчалъ: „Бѣдный братъ... я даже не знаю, при какихъ обстоятельствахъ онъ погибъ... Можетъ-быть, это случилось еще во время бунта на бортѣ?.. Онъ былъ славный молодецъ и не могъ предать своего капитана, и его, пожалуй, тоже убили во время схватки!“

— А что сказалъ ему на это Гирнъ?.. вы не слышали, боцманъ?..

— Да... онъ сказалъ: „Это было бы большимъ несчастіемъ для васъ, мистеръ Гольтъ!.. Капитана „Грампуса“, какъ мнѣ разсказывали, негодяи бросили среди моря въ шлюпкѣ съ двумя или тремя матросами... кто знаетъ, можетъ-быть, и вашъ братъ былъ съ нимъ?..“

— А потомъ?..

— Потомъ, мистеръ Джіорлингъ, онъ добавилъ: „А вамъ никогда не приходило въ голову разспросить объ этомъ Дерка Питерса?..“

— „Какъ же, я спрашивалъ его одинъ разъ, — отвѣчалъ Мартинъ Гольтъ, — и самъ не радъ былъ... Метисъ какъ-то весь перемѣнился, опустилъ голову и забормоталъ: „не знаю... не знаю...“ такимъ глухимъ голосомъ, что я съ трудомъ понялъ, что онъ мнѣ сказалъ, а затѣмъ, онъ убѣжалъ, закрывъ лицо руками...“

— Это и все, что вы слышали изъ этого разговора, боцманъ?

— Все, мистеръ Джіорлингъ, и мнѣ показался этотъ разговоръ такимъ страннымъ, что я рѣшилъ потолковать объ этомъ съ вами.

— А что вы сами думаете объ этомъ?

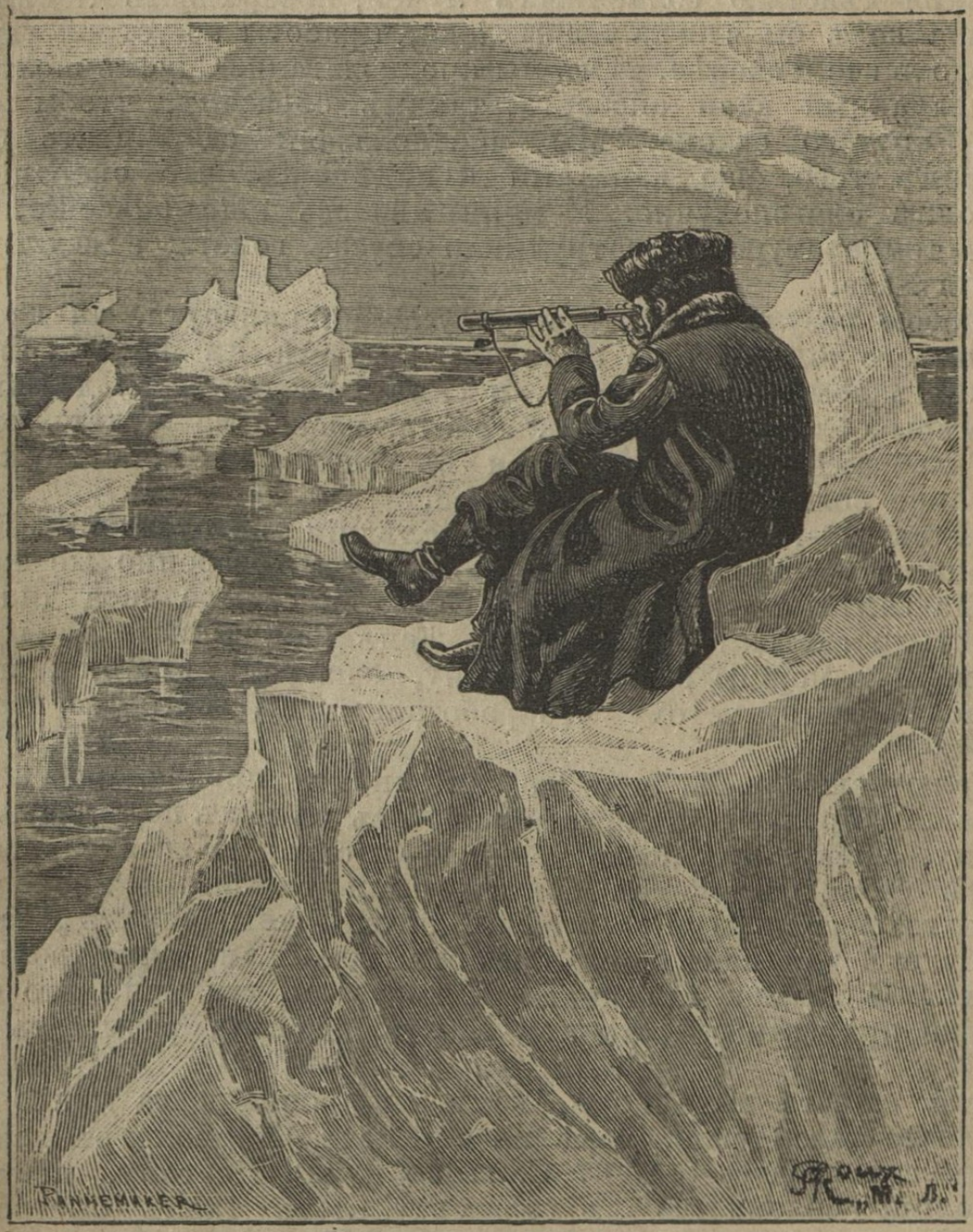
— Ничего, кромѣ того, что я считаю гарпунщика за самаго отъявленнаго негодяя... По-моему, онъ потихоньку устраиваетъ заговоръ и во что бы то ни стало хочетъ втянуть въ него и Мартина Гольта!

И на самомъ дѣлѣ, что же другое могло означать это странное поведеніе Гирна?.. Зачѣмъ понадобилось ему искать сближенія съ Мартиномъ Гольтомъ, однимъ изъ лучшихъ матросовъ стараго состава экипажа?.. Зачѣмъ напоминалъ онъ ему про кровавыя сцены, разыгрывавшіяся на „Грампусѣ“?.. Или, можетъ-быть, Гирнъ зналъ больше, чѣмъ другіе о Деркѣ Питерсѣ и Недѣ Гольтѣ, — зналъ ту тайну, единственными обладателями которой мы себя воображали?..

Это заставило меня очень и очень серьезно призадуматься. Но я рѣшилъ пока ничего не говорить объ этомъ Дерку Питерсу. Если бы только онъ могъ подозрѣвать, что Гирнъ разговаривалъ о томъ, что происходило на „Грампусѣ“, если бы онъ узналъ, что этотъ негодяй —

какъ не безъ причины называлъ его Герлигерли — то и дѣло напоминаетъ Мартину Гольту о его братѣ Недѣ, я не знаю, право, что могло бы произойти!

Но что бы тамъ ни задумывалъ Гирнъ, а только очень жаль, что нашъ парусный старшина, на котораго капитанъ Ленъ Гай имѣлъ полное право разсчитывать, былъ съ нимъ почти за одно. Нѣтъ сомнѣ-



... Я сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ... (Стр. 93.)

нія, что, дѣйствуя такимъ образомъ, гарпунщикъ преслѣдовалъ какую-либудь тайную цѣль... Какую — этого я пока еще не зналъ. Но каковы бы ни были замыслы гарпунщика, они не могли принести съ собой ничего хорошаго, и мы должны съ этого дня строго слѣдить за тѣмъ, что будетъ дѣлаться въ средѣ матросовъ и, въ особенности, за каждымъ шагомъ главнаго заговорщика — Гирна.

Впрочемъ, мы надѣялись, что главная опасность будетъ очень скоро устранена, и намъ можно уже будетъ не бояться остаться покинутыми на льдинѣ. Черезъ два дня всѣ предварительныя работы были окончены. Корпусъ голета отремонтированъ и проконопаченъ и въ ледяной массѣ пробито отлого спускавшееся ложе, для спуска голета съ вершины пловучей горы на воду.

Благодаря дѣйствію солнечныхъ лучей, поверхность ледяной горы сверху была какъ бы слегка разрыхлена, и работы по устройству спуска шли гораздо легче и скорѣе, чѣмъ мы предполагали. Спускъ шелъ, огибая наискось западный край айсберга, такимъ образомъ, чтобы избѣжать слишкомъ крутого склона. Мы предполагали сдерживать быстроту спуска, кромѣ того, еще канатами и надѣялись, что операція совершится вполнѣ благополучно. У меня явилось еще опасеніе, какъ бы повышеніе температуры не затруднило спускъ голета, вслѣдствіе сильнаго таянія льда.

Само собою разумѣется, что ни груза, ни рангоута, ни якорей, ни цѣпей и ничего подобнаго не было ни въ трюмѣ, ни на палубѣ голета. Корпусъ былъ достаточно тяжелъ и самъ по себѣ, и мы должны были принять мѣры облегчить тяжесть голета, насколько будетъ возможно. Когда „Гальбранъ“ снова очутится въ своей стихіи, вооруженіе его займетъ самое большое нѣсколько дней.

Въ полдень 28-го были окончены послѣднія приготовленія. По линіи спуска пришлось устроить кое-гдѣ контрфорсы, особенно же тамъ, гдѣ таяніе льда замѣтно усиливалось. Затѣмъ, въ четыре часа дня, матросовъ отпустили отдыхать, и капитанъ Ленъ Гай приказалъ выдать рабочимъ двойную порцію виски и джину, — награду эту они, впрочемъ, вполнѣ заслуживали, потому что работали какъ волы всю послѣднюю недѣлю.

Повторяю еще разъ, что по внѣшнимъ признакамъ незамѣтно было никакого броженія въ средѣ матросовъ съ тѣхъ поръ, какъ Гирнъ, повидимому, прекратилъ свою вредную и опасную дѣятельность. Матросы, всѣ безъ исключенія, заняты были тяжелыми и очень серьезными подготовительными работами. Благополучный спускъ „Гальбрана“ на воду будетъ для нихъ сигналомъ отъѣзда... и, конечно, возвращенія на сѣверъ!.. И только для Дерка Питерса и для меня это было бы равносильно приказанію оставить всякую надежду разыскать Артура Пима!..

Никогда еще съ тѣхъ поръ, какъ мы проникли за линію вѣчнаго льда, не было такъ тепло, какъ въ эту ночь. Термометръ показывалъ пятьдесятъ-три градуса (11° 67 С. выше нуля). Поэтому, несмотря на то, что солнце склонялось къ горизонту, ледъ таялъ быстро и вода ручьями бѣжала въ море со всѣхъ сторонъ.

Любители рано вставать, а въ числѣ ихъ и я; проснулись въ четыре часа утра. Мнѣ кажется, что я даже и вовсе не спалъ, а только слегка подремалъ, и такъ же, по всей вѣроятности, провелъ эту ночь и Деркъ Питерсъ, который съ ума сходилъ отъ отчаянія при мысли о возвращеніи назадъ!..

Операція спуска должна была начаться въ десять часовъ. Принимая во вниманіе всевозможныя случайности и промедленія, капитанъ Ленъ Гай, все-таки, надѣялся, что голетъ будетъ спущенъ на воду къ

вечеру. Изъ матросовъ тоже никто не сомнѣвался въ томъ, что къ вечеру голетъ дойдетъ, по крайней мѣрѣ, до основанія айсберга.

Само собою разумѣется, что мы всѣ должны были помогать, по мѣрѣ силъ, при исполненіи этой, очень трудной и очень опасной, операціи. Каждому заранѣе было назначено мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ находиться — одни для того, чтобы облегчить спускъ при помощи деревянныхъ катковъ, если это окажется нужнымъ,— другіе, напротивъ, должны были сдерживать голетъ въ томъ случаѣ, если бы спускъ сталъ происходить слишкомъ быстро, для чего заранѣе были привязаны къ корпусу голета толстые кабельтовы.

Завтракали въ палаткахъ, въ девять часовъ утра. Матросы — народъ вообще легко увлекающійся, и теперь они такъ были увѣрены въ удачѣ, что даже выпили по чаркѣ за успѣхъ, и мы присоединились къ нимъ, и громкимъ „ура“ отпраздновали заранѣе побѣду. Впрочемъ, капитанъ Ленъ Гай и лейтенантъ дѣйствовали по строго обдуманному плану и приняли всѣ необходимыя мѣры предосторожности, и мы могли почти навѣрное разсчитывать на удачу.

Въ то самое время, какъ мы собирались покинуть лагерь и занять назначенныя намъ по расписанію мѣста,— кой-кто изъ матросовъ успѣлъ даже уйти туда раньше,— какъ вдругъ раздались громкіе крики, въ которыхъ слышалось и удивленіе и страхъ...

Какое ужасающее зрѣлище и, при всей своей непродолжительности, какое неизгладимое впечатлѣніе испуга оно оставило въ нашей душѣ!

Одинъ изъ громадныхъ ледяныхъ утесовъ, образовавшій скатъ ложа, въ которомъ въ эту минуту находился „Гальбранъ“, подтаялъ снизу и лавиной покатился внизъ къ морю, сбивая все, что попадалось ему на пути.

Еще минута тревожнаго ожиданія, и голетъ, лишившійся одной изъ точекъ опоры, началъ покачиваться изъ стороны въ сторону, какъ маятникъ...

На палубѣ, на носу голета, было двое людей, Роджерсъ и Грэціанъ... Какъ ни старались эти несчастные перелѣзть черезъ бортовыя сѣти и прыгнуть на ледъ, имъ это не удалось, и они такъ и остались на палубѣ голета, который стремглавъ летѣлъ внизъ...

Да! я это видѣлъ!.. Я видѣлъ, какъ голетъ повалился на лѣвый бокъ, раздавивъ при этомъ одного изъ новичковъ, который не успѣлъ отскочить въ сторону, и затѣмъ, прыгая съ одной глыбы на другую, ринулся внизъ...

Секунду спустя, расшатанный, съ выбитымъ дномъ, съ разорванной обшивкой, „Гальбранъ“ пошелъ ко дну.

ГЛАВА IX.

Что дѣлать?

Мы всѣ положительно обезумѣли!.. Да!.. иначе я и не могу назвать то состояніе, въ которомъ мы находились послѣ того, какъ передъ нашими глазами голетъ исчезъ въ безднѣ!.. Отъ „Гальбрана“ не осталось и слѣда, не видно было даже ни одного обломка!.. Въ пятистахъ футахъ надъ водою, на воздухѣ онъ пробылъ всего одну секунду, а теперь онъ находится въ пятистахъ футахъ ниже поверхности моря!.. Да! мы обезумѣли и не могли даже думать о томъ, что насъ ждетъ въ будущемъ... Это было безуміе людей, которые не вѣрили даже своимъ глазамъ!..

Затѣмъ наступила реакція! Не слышно было ни криковъ ни жалобъ. Мы стояли неподвижно съ приросшими къ ледяной почвѣ ногами. Никакими словами не передать весь ужасъ этого положенія!

И только у нашего лейтенанта Джима Веста, послѣ того, какъ голетъ исчезъ подъ водой, брызнули слезы изъ глазъ. „Гальбранъ“, который онъ такъ любилъ, уничтоженъ! — и этотъ желѣзный человѣкъ заплакалъ...

Трое людей погибли... и какой ужасной смертью!.. Роджерсъ и Грэціанъ, двое изъ нашихъ вѣрнѣйшихъ матросовъ... Я видѣлъ, какъ они растерянно протягивали руки и затѣмъ пошли ко дну вмѣстѣ съ голетомъ!.. А тотъ матросъ съ Фальклandовъ, американецъ, раздавленный мимоходомъ, отъ котораго оставалась только одна безформенная масса, валявшаяся въ лужѣ крови... Вотъ еще три новыя жертвы за десять дней, которыя слѣдовало занести въ некрологъ этой роковой кампаніи!.. Ахъ! Судьба, покровительствовавшая намъ до того часа, когда „Гальбранъ“ былъ оторванъ отъ своей стихіи, теперь жестоко преслѣдовала насъ!.. И этотъ послѣдній ударъ былъ ужаснѣе всего, что мы могли только себѣ представить, и кто знаетъ, что насъ ждетъ впереди?.. Можетъ-быть, даже смерть на этой замѣтно тающей съ каждымъ днемъ льдинѣ!..

Оцѣпенѣніе прошло, и царствовавшее до тѣхъ поръ молчаніе смѣнилось громкимъ говоромъ и криками отчаянія, вполнѣ естественными, впрочемъ, въ такія минуты!.. И мнѣ даже кажется, что многимъ приходило въ голову, что не лучше ли было бы для нихъ находиться на палубѣ „Гальбрана“ въ то время, какъ онъ стремительно прыгалъ по острымъ краямъ айсберга!.. Теперь все было бы уже кончено, какъ для Роджерса и Грэціана!..

Наконецъ, инстинктъ самосохраненія взялъ верхъ, и не Гирнъ, который, стоя въ сторонѣ, дѣлалъ видъ, что молчитъ,— а его товарищи единомышленники закричали:

— Къ лодкѣ!.. Къ лодкѣ!..

Эти несчастные сами хорошо не сознавали, что они говорятъ и что дѣлаютъ. Они лишились разсудка отъ ужаса, и съ громкими криками побѣжали къ тому мѣсту, гдѣ хранилась шлюпка, наша единственная пока надежда на спасеніе.

Капитанъ Ленъ Гай и Джимъ Вестъ бросились вслѣдъ за ними.

Я присоединился къ нимъ вмѣстѣ съ боцманомъ. Мы, на всякій случай, захватили съ собой оружіе и рѣшили пустить его въ дѣло въ случаѣ надобности. Мы должны были воспрепятствовать этимъ безумцамъ овладѣть лодкой... На нее никто не имѣлъ исключительнаго права... это было общее достояніе!..

— Назадъ... матросы!.. — крикнулъ капитанъ Ленъ Гай.

— Назадъ, — повторилъ Джимъ Вестъ, — или я убью перваго, кто сдѣлаетъ еще шагъ!

И при этомъ они подняли правыя руки, въ которыхъ держали заряженные пистолеты. Боцманъ въ это время угрожающе взялъ на прицѣлъ свое ружье... Я нервно сжималъ въ рукахъ карабинъ и былъ готовъ стрѣлять каждую минуту...

Все было напрасно!.. Эти безумцы ничего не слышали, ничего не хотѣли слышать, и одинъ изъ нихъ, въ то время, когда перескакивалъ черезъ послѣднюю глыбу, упалъ, сраженный лейтенантомъ. Падая, онъ безпомощно хватался руками за ледъ, но, конечно, не могъ удержаться, и черезъ минуту уже исчезъ въ безднѣ.

Неужели это было началомъ бунта?.. Какъ отнесутся къ этому мятежные товарищи убитаго?.. Не присоединятся ли къ нимъ и не заступятся ли за нихъ старые матросы „Гальбрана“?..

Оглянувшись, я сразу же замѣтилъ, что Гарди, Мартинъ Гольтъ, Фрэнсисъ, Герри и Стэрнъ колеблются, не зная, что лучше — перейти ли имъ на нашу сторону, или же открыто присоединиться къ бунтовщикамъ. Гирнъ молча стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ дальше и почему-то ничѣмъ не выказывалъ своего сочувствія бунтовщикамъ.

Наконецъ, въ ту минуту, когда, повинуясь только овладѣвшему ими чувству страха и не обращая вниманія на наши угрозы, они подбѣгали уже къ лодкѣ, второй выстрѣлъ, сдѣланный боцманомъ, попалъ въ одного изъ матросовъ, который упалъ замертво, — пуля угодила прямо въ сердце.

Однимъ американцемъ и однимъ уроженцемъ Огненной Земли стало меньше въ числѣ наиболѣе рѣшительныхъ сообщниковъ гарпунщика!

Въ эту минуту возлѣ лодки показался человѣкъ.

Это былъ Деркъ Питерсъ, взобравшійся по противоположному склону.

Метисъ положилъ одну изъ своихъ огромныхъ рукъ на форъ-штевень, а другой сдѣлалъ повелительный знакъ бунтовщикамъ, требуя, чтобы они отошли.

Разъ Деркъ Питерсъ былъ тутъ, намъ не зачѣмъ было уже употреблять въ дѣло оружіе: его одного достаточно для того, чтобы отстоять лодку.

И дѣйствительно, когда пять или шесть матросовъ стали подходить къ лодкѣ, онъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу, схватилъ ближайшаго за поясъ, поднялъ его на воздухъ и съ силой отбросилъ отъ себя на десять шаговъ. Бѣдняга такъ былъ ошеломленъ ударомъ, что, навѣрное, тоже не удержался бы на откосѣ и свалился бы въ море, но на выручку къ нему поспѣшилъ Гирнъ и перехватилъ его на дорогѣ.

Дѣло становилось слишкомъ серьезно: у насъ было уже двое убитыхъ!

Кто знаетъ, чѣмъ окончилась бы эта кровавая схватка, но неожиданное вмѣшательство метиса на нѣкоторое, по крайней мѣрѣ, время

укротило бунтовщиковъ. Кромѣ того, въ это время подошли къ лодкѣ и мы, а съ нами вмѣстѣ и тѣ изъ матросовъ, которые остались намъ вѣрны.

И несмотря на это, бунтовщиковъ, все-таки, было гораздо больше.

Капитанъ Ленъ Гай, съ сверкающими отъ гнѣва глазами, медленно приближался въ сопровожденіи Джима Веста, который, наоборотъ, казался совершенно спокойнымъ. Капитанъ былъ такъ взволнованъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не могъ произнести ни слова... Наконецъ, онъ заговорилъ громовымъ голосомъ:

— Я долженъ наказать васъ всѣхъ какъ тяжкихъ преступниковъ, но мнѣ это слишкомъ тяжело... довольно и безъ того уже пролито крови!.. Шлюпка эта ничья, и въ то же время она принадлежитъ всѣмъ!.. Это единственная наша надежда на спасеніе, а вы хотѣли ее украсть... да еще какъ украсть!.. Слушайте же хорошенько, что я вамъ скажу въ послѣдній разъ!.. Эта шлюпка съ „Гальбрана“, это — самъ „Гальбранъ“!.. Я ея капитанъ, и горе тому изъ васъ, кто вздумаетъ не повиноваться мнѣ!

Произнося послѣднія слова, капитанъ Ленъ Гай смотрѣлъ на Гирна... Хотя гарпунщикъ и не принималъ никакого участія въ послѣдней сценѣ,— по крайней мѣрѣ, открыто,— но что онъ сочувствовалъ попыткѣ своихъ возмутившихся товарищей захватить лодку, и что и теперь уже, можетъ-быть, составляетъ новый планъ для повторенія того же самаго,— въ этомъ положительно никто не сомнѣвался.

— Маршъ назадъ въ лагерь! — сказалъ капитанъ Ленъ Гай.— А ты, Деркъ Питерсъ, оставайся здѣсь!

Вмѣсто всякаго отвѣта, метисъ качнулъ своею громадною головой снизу вверхъ и занялъ свой постъ.

Матросы, не возражая ни однимъ словомъ, покорно возвратились въ лагерь; тамъ одни изъ нихъ повалились на койки, а остальные усѣлись въ кружокъ около нихъ.

Гирнъ не принималъ никакого участія въ совѣщаніи и даже не подходилъ къ Мартину Гольту.

Въ это время и у насъ устроился свой совѣтъ, въ которомъ приняли участіе — капитанъ Ленъ Гай, лейтенантъ, боцманъ и я.

Капитанъ Ленъ Гай открылъ совѣщаніе словами:

— Мы отстояли шлюпку и будемъ такъ же отстаивать ее и дальше...

— До самой смерти! — объявилъ Джимъ Вестъ.

— Кто знаетъ, — сказалъ я, — очень возможно, что намъ, можетъ-быть, и очень скоро придется переходить въ лодку и спасаться на ней?..

— Въ такомъ случаѣ, — продолжалъ капитанъ Ленъ Гай, — такъ какъ всѣмъ нельзя было бы помѣститься въ нашу шлюпку, туда сѣла бы только часть насъ. Жребій укажетъ счастливыхъ избранниковъ, которымъ можно будетъ уѣхать на шлюпкѣ... И я потребую, чтобы для меня не дѣлалось исключенія, и, какъ и всѣ, выну жребій!

— Мы до этого еще не дошли, чортъ возьми! — отвѣчалъ боцманъ. — Айсбергъ крѣпокъ и нечего бояться, что онъ растаетъ до зимы...

— Нѣтъ... — подтвердилъ Джимъ Вестъ, — этого пока бояться нечего... Но, все-таки, нужно охранять лодку, да и не одну лодку, намъ надо караулить также и складъ съѣстныхъ припасовъ...

— Хорошо еще, — добавилъ Герлигерли, — что мы во-время убрали нашъ грузъ въ вѣрное мѣсто!.. Бѣдняжка „Гальбранъ“!.. Онъ остался въ этихъ моряхъ, какъ „Джэнъ“... его старшая сестра!

„Да, это правда, хотя причины крушенія были и другія, — думалъ я.— „Джэнъ“ погибла во время битвы съ дикарями острова Тсалаль, другой — во время одной изъ тѣхъ катастрофъ, которой никакая человѣческая сила не можетъ ни остановить ни предупредить...“

— Ты правъ, Герлигерли, — продолжалъ капитанъ Ленъ Гай, — и мы даже обязаны не позволять никому изъ нашихъ людей предаваться грабежу. Запасовъ у насъ имѣется больше, чѣмъ на годъ, не считая того, что будетъ доставлять намъ рыбная ловля...

— А сторожить ихъ необходимо еще и потому, капитанъ, — отвѣчалъ боцманъ, — что я уже видѣлъ, какъ бродили вокругъ боченковъ виски и джину...

— Это было бы ужасно!.. Нечего и говорить, до какого состоянія могутъ дойти эти несчастные подъ вліяніемъ опьянѣнія! — вскричалъ я.

— Я беру на себя укротить ихъ въ любую минуту, — спокойно возразилъ лейтенантъ.

— Но, — спросилъ я тогда, — какъ вы думаете?.. Не придется развѣ намъ зимовать на этой ледяной горѣ?..

— Упаси Боже!.. Это было бы такое ужасное несчастье!.. — возразилъ капитанъ Ленъ Гай.

— Собственно говоря, если бы это понадобилось, — сказалъ боцманъ, — мы отлично могли бы выпутаться изъ этого положенія, мистеръ Джіорлингъ. Мы подѣлали бы себѣ въ родѣ землянокъ во льду, и я думаю, могли бы перенести въ такихъ землянкахъ и самую суровую полярную зиму, и до тѣхъ поръ, пока у насъ будетъ провизія и мы не будемъ голодать...

Въ эту минуту мнѣ ясно представились всѣ тѣ отвратительныя кровавыя сцены, которыя разыгрывались на „Грампусѣ“ и во время которыхъ Деркъ Питерсъ убилъ Неда Гольта, брата нашего паруснаго старшины... Неужели и мы дойдемъ когда-нибудь до такихъ крайностей?..

Между тѣмъ, прежде чѣмъ приступать къ устройству зимовника на семь или на восемь мѣсяцевъ, мнѣ кажется, слѣдовало бы попытаться покинуть айсбергъ, если это только возможно какъ-нибудь сдѣлать!..

И я сейчасъ же обратилъ на это вниманіе капитана Ленъ Гайя и Джима Веста. Отвѣтить на этотъ вопросъ было очень трудно, и собесѣдники мои призадумались.

Наконецъ, капитанъ Ленъ Гай сказалъ:

— Да!.. это было бы лучше всего, и, если бы мы могли всѣ помѣститься въ лодку и захватить съ собой съѣстныхъ припасовъ, необходимыхъ на все время плаванія, которое продолжится отъ трехъ до четырехъ недѣль, я не колеблясь сейчасъ же пустился бы въ море и постарался бы возвратиться на сѣверъ...

— Но, — замѣтилъ я, — намъ пришлось бы итти противъ вѣтра и теченія и плыть такимъ образомъ было бы трудно даже и нашему голету... тогда какъ, если продолжать плыть на югъ...

— На югъ?.. — повторилъ капитанъ Ленъ Гай, и при этомъ бросилъ на меня такой взглядъ, точно хотѣлъ прочитать самыя сокровенныя мои мысли.

— А почему бы нѣтъ?.. — отвѣчалъ я. — Если бы айсбергъ не застрялъ на подводной скалѣ, то очень возможно, что онъ и доплылъ бы до какой-нибудь земли... Но то, что было бы сравнительно легко сдѣлать айсбергу, — по-моему, положительно не по силамъ утлому суденышку...

Капитанъ Ленъ Гай молча покачалъ головой, ничего не отвѣтивъ. Джимъ Вестъ тоже не произносилъ ни слова.

— Снимется же нашъ айсбергъ когда-нибудь съ якоря! — вскричалъ Герлигерли. — Онъ вѣдь не приросъ ко дну, какъ Фальклянды или Кергуэлены!.. По-моему, всего вѣрнѣе было бы ждать, пока тронется айсбергъ, потому что лодка не можетъ поднять насъ всѣхъ... а насъ двадцать-три человѣка.

— Нѣтъ никакой надобности намъ отправляться всѣмъ, — настаивалъ я. — Достаточно было бы, чтобы пятеро или шестеро изъ насъ отправились на рекогносцировку въ открытое море... миль на двѣнадцать или на пятнадцать... направляясь на югъ...

— На югъ?.. — повторилъ капитанъ Ленъ Гай.

— Разумѣется, капитанъ, — продолжалъ я. — Вы вѣдь лучше, чѣмъ кто-нибудь другой, знаете, что географы допускаютъ, что антарктическія области состоятъ изъ континентальнаго свода...

— Географы ничего объ этомъ не знаютъ и не могутъ знать, — холодно возразилъ лейтенантъ.

— Поэтому, — сказалъ я, — очень жаль будетъ, если мы не попытаемся разрѣшить этотъ вопросъ о полярномъ континентѣ, находясь такъ близко...

Я не счелъ нужнымъ дальше настаивать, по крайней мѣрѣ, въ эту минуту.

Кромѣ того, отправка нашего единственнаго судна была очень рискована еще и въ томъ отношеніи, что его или увлечетъ теченіемъ слишкомъ далеко, или же оно не найдетъ насъ больше на этомъ мѣстѣ. И на самомъ дѣлѣ, если бы айсбергъ вдругъ отдѣлился отъ дна и продолжалъ бы свой прерванный бѣгъ, что сталось бы съ людьми, уплывшими въ лодкѣ?..

Все несчастье заключалось въ томъ, что судно было слишкомъ мало и не могло вмѣстить всѣхъ насъ и необходимое количество съѣстныхъ запасовъ. Отъ прежнихъ матросовъ оставалось всего десять человѣкъ, считая въ томъ числѣ Дерка Питерса; изъ новичковъ въ живыхъ оставалось еще тринадцать человѣкъ, всего же насъ было двадцать-три человѣка; а въ нашу лодку, самое большое, могло помѣститься одиннадцать человѣкъ. Значитъ, одиннадцать изъ насъ должны были бы остаться на этомъ ледяномъ островѣ...

По этому поводу, однако, Герлигерли высказалъ мысль, о которой стоило подумать:

— Собственно говоря, — сказалъ онъ, — я вовсе не знаю, почему тѣмъ, которые попадутъ въ лодку, будетъ лучше тѣхъ, которые останутся на льдинѣ... Я до такой степени въ этомъ сомнѣваюсь, что съ удовольствіемъ готовъ уступить свое мѣсто всякому, кто это пожелаетъ!

Кто знаетъ, и, въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, нашъ боцманъ правъ!.. Но я лично, предлагая отправить лодку на рекогносцировку, имѣлъ въ виду только одну комбинацію: лодка должна была плыть къ югу отъ

...Я испугался... и убѣжалъ... (Стр. 96.)

айсберга. Наконецъ, въ заключеніе, мы порѣшили на томъ, что будемъ готовиться къ зимовкѣ, хотя бы даже и были увѣрены, что наша ледяная гора и снимется непремѣнно съ якоря и поплыветъ дальше къ сѣверу.

— Вотъ что трудно будетъ заставить дѣлать нашихъ людей! — замѣтилъ Герлигерли.

— Разъ это нужно сдѣлать, оно будетъ сдѣлано, — возразилъ лейтенантъ, — и съ нынѣшняго же дня мы примемся за работу!

Грустно начался и прошелъ этотъ день, особенно же послѣ того, какъ приступили къ работамъ по устройству зимовника.

Изъ всѣхъ насъ, сказать правду, только одинъ поваръ Эндикотъ покорился своей участи безъ ропота. Онъ, какъ и всѣ негры, очень мало интересовался тѣмъ, что его ждетъ въ будущемъ, и вполнѣ довольный настоящимъ, которое легкомысленному чернокожему вовсе не казалось такимъ печальнымъ, онъ весело смотрѣлъ въ глаза будущему, — можетъ-быть, впрочемъ, въ этомъ и заключается истинная философія. Зато когда заходила рѣчь о кухнѣ, гдѣ бы она ни помѣщалась, онъ становился сразу серьезнымъ и съ дѣловымъ видомъ обсуждалъ вопросъ о постановкѣ плиты.

Онъ даже сказалъ, улыбаясь, своему другу боцману:

— Хорошо еще, что моя кухня не пошла ко дну вмѣстѣ съ голетомъ!.. Провизіи у насъ вволю и вы увидите, Герлигерли, какія я буду готовить вамъ вкусныя кушанья... Повѣрьте, не хуже, чѣмъ на „Галь бранѣ“... До тѣхъ поръ, понятно, пока не будетъ недостатка въ провизіи!..

— Э! чего другого, а этого намъ пока бояться нечего, мастеръ Эндикотъ! — возразилъ боцманъ. — Намъ если и нужно чего бояться, такъ не голода, а холода... такого холода, который обращаетъ васъ въ ледышку, какъ только вы хоть на минуту перестаете ходить... такой холодъ, отъ котораго кровь стынетъ въ жилахъ и черепъ трещитъ!.. Будь еще у насъ нѣсколько сотъ тоннъ угля... Но я провѣрилъ запасы угля и оказывается, что у насъ его ровно столько, сколько нужно на вашу плиту...

— А это прежде всего! — вскричалъ Эндикотъ. — Этого угля нельзя никому трогать!.. Кухня прежде всего!..

— А, такъ вотъ почему, чортовъ нигритенокъ, ты и не жалуешься на свою судьбу!.. Ты, черномазая бестія, отлично знаешь, что всегда сумѣешь отогрѣть свои лапы возлѣ печки?..

— Что подѣлаешь, боцманъ, на то вѣдь я и поваръ... Когда состоишь при этой должности, то и пользуешься ею, и, повѣрьте, для васъ у меня всегда найдется мѣстечко передъ печкой...

— Ладно... ладно... Эндикотъ!.. Каждому свое... Никакихъ привилегій, даже и боцману. Пользуйся ими ужъ одинъ ты, подъ тѣмъ предлогомъ, что ты надзираешь за приготовленіемъ супа... Ну, да ужъ хорошо и то, что намъ можно будетъ пока не бояться голода... Холодъ, это, братъ, такая, все-таки, штука, съ которой можно еще бороться и которую можно перенести... Нарóемъ ямъ въ айсбергѣ... Забьемся въ нихъ... Наконецъ, мы можемъ вырыть большую пещеру одну для всѣхъ... Мнѣ какъ-то говорили, что ледъ сохраняетъ тепло... Ну, такъ вотъ

пусть онъ и держитъ тепло въ нашемъ зимовникѣ... Больше я отъ него ничего и не потребую!

Незамѣтно подошелъ вечеръ, а съ нимъ вмѣстѣ и время возвращаться на бивакъ и размѣщаться по койкамъ.

Деркъ Питерсъ категорически отказался отъ замѣны его другимъ часовымъ и остался караулить лодку... Впрочемъ, никому и въ голову не приходило оспаривать у него эту честь!

Капитанъ Ленъ Гай и Джимъ Вестъ прошли въ свою палатку только послѣ того, какъ лично убѣдились, что Гирнъ и его товарищи заняли свои обычныя мѣста.

Я тоже отправился въ палатку и легъ спать.

Сколько времени я спалъ, — не знаю, какъ не знаю и того, который былъ часъ, когда вдругъ я полетѣлъ на полъ, вслѣдствіе сильнаго сотрясенія.

Что такое случилось? Неужели айсбергъ опять перевернулся?..

Мы всѣ были на ногахъ въ одну секунду и торопливо выбѣгали изъ палатокъ, при яркомъ свѣтѣ лѣтней полярной ночи...

Другая пловучая масса громадныхъ размѣровъ только что ударилась въ нашъ айсбергъ, который „поднялъ якорь“, какъ говорятъ моряки, и поплылъ къ югу.

ГЛАВА X.

Галлюцинаціи.

Совершенно неожиданно произошла перемѣна въ нашемъ положеніи! Какія будетъ имѣть послѣдствія это невольное снятіе съ якоря послѣ долгаго сидѣнія на мели?.. Мы совсѣмъ уже освоились съ мыслью, что должны, можетъ-быть, еще и очень долго неподвижно стоять на точкѣ пересѣченія тридцать-девятаго меридіана и восемьдесятъ-девятой параллели... И вдругъ ударъ льдины заставилъ насъ сняться съ якоря и теперь теченіе несетъ насъ къ полюсу... Поэтому чувство радости, которое мы испытывали въ первую минуту, скоро смѣнилось страхомъ предъ неизвѣстностью, — и какой еще неизвѣстностью!..

Изъ всѣхъ насъ, можетъ-быть, одинъ только Деркъ Питерсъ искренно радовался при мысли, что онъ снова поплылъ по той дорогѣ, гдѣ такъ упорно надѣялся отыскать слѣды бѣднаго Нима!.. Ну, а что думали въ это время его остальные товарищи!

Капитанъ Ленъ Гай, какъ я зналъ, давно уже отказался отъ всякой надежды найти своего брата и его матросовъ. Онъ, правда, зналъ, навѣрное, какъ и всѣ мы, что Уильямъ Гай и пятеро матросовъ съ „Джэнъ“ покинули островъ Тсалаль не больше восьми мѣсяцевъ тому назадъ... Но куда они оттуда переѣхали и гдѣ нашли себѣ пріютъ?.. За эти тридцать-пять дней мы прошли разстояніе около четырехсотъ миль и не нашли ровно ничего. Если даже предположить, что имъ и удалось достигнуть полярнаго континента, протяженіе котораго мой соотечественникъ Мори, въ своихъ остроумныхъ гипотезахъ, опредѣляетъ въ тысячу миль, гдѣ искать ихъ на этомъ континентѣ?.. Съ чего начать и чѣмъ кончить наши поиски?..

Поэтому, разъ у насъ не было, собственно говоря, никакой надежды разыскать ихъ, капитанъ Ленъ Гай обязанъ былъ принять всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы мы, пользуясь лѣтнимъ временемъ года, могли вернуться назадъ за антарктическій кругъ, а между тѣмъ, теченіемъ насъ уносило къ югу...

Чувство бѣшеной радости, охватившее насъ, было въ первую минуту, какъ я говорилъ уже, очень скоро смѣнилось полныхъ отчаяніемъ, когда узнали, что теченіе увлекаетъ насъ не къ сѣверу, куда желало бы большинство, а въ противоположную сторону, т. е. къ южному полюсу.

Положеніе наше было тѣмъ печальнѣе, что хотя мы и не стояли уже на мели, это, все-таки, не избавляло насъ отъ необходимости готовиться къ длинной зимовкѣ, отказаться отъ возможности встрѣтить какое-нибудь китоловное судно между Оркнейскими островами, Новой Георгіей и Сандвичевыми островами.

Ударъ, столкнувшій нашъ айсбергъ съ мѣста, былъ такъ силенъ, что масса различныхъ предметовъ свалилась въ море и, между прочимъ, тяжелыя мортиры „Гальбрана“, якоря, якорныя цѣпи и часть рангоута. Зато, къ счастью, благодаря тому, что мы успѣли перенести и сложить весь необходимый инвентарь въ углубленіе скалы, потери въ этомъ отношеніи, по провѣркѣ, оказались весьма незначительными. Страшно даже и подумать, что было бы съ нами, если бы все это погибло во время столкновенія!

Капитанъ Ленъ Гай произвелъ утромъ опредѣленіе широты и узналъ, что наша ледяная гора движется къ юго-востоку. Такимъ образомъ, оказывалось, что не произошло никакой перемѣны относительно направленія теченія. И на самомъ дѣлѣ, остальныя движущіяся массы слѣдовали въ томъ же направленіи, и одна-то изъ нихъ и толкнула такъ сильно нашъ айсбергъ, и теперь оба айсберга образовали одну общую массу, которая перемѣщалась со средней скоростью двѣ мили въ часъ.

Мы не могли не обратить вниманія, что это теченіе, начиная отъ границы сплошныхъ льдовъ, все время гнало воды этого свободнаго моря къ южному полюсу. Если, основываясь на гипотезѣ Мори, предположить, что и въ самомъ дѣлѣ существуетъ антарктическій континентъ, то тутъ невольно возникалъ вопросъ, какъ шло дальше это теченіе: огибало ли оно континентъ, или же онъ дѣлится на двѣ части широкимъ проливомъ, давая проходъ такому необъятному количеству воды, а вмѣстѣ съ водой и плывущимъ по ея поверхности громаднымъ айсбергамъ?..

Мнѣ казалось, что мы скоро узнаемъ все это навѣрняка. Мы идемъ, или, правильнѣе, нашъ голетъ уноситъ насъ къ юго-востоку со скоростью двухъ миль въ часъ, и не больше, какъ черезъ тридцать часовъ мы достигнемъ той математической точки, гдѣ скрещиваются всѣ меридіаны земного шара.

Когда я сообщилъ все это боцману, онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Ну, такъ что же, мистеръ Джіорлингъ?.. Если теченіе проходитъ черезъ полюсъ, значитъ, и мы пройдемъ черезъ него; а если оно не проходитъ черезъ полюсъ, значитъ, и мы не пройдемъ!.. Мы вѣдь, къ несчастью, не можемъ повернуть эту гору ни вправо ни влѣво!.. Льдина вѣдь не корабль; а такъ какъ на ней нѣтъ ни парусовъ ни руля, то мы и будемъ плыть туда, куда погонитъ ее теченіе!

— Съ этимъ я согласенъ, Герлигерли. Поэтому-то я и думалъ, что если нѣсколько человѣкъ изъ насъ сядутъ... въ лодку...

— Вѣчно все та же мысль!.. Однако, вы крѣпко уцѣпились за нашу лодку!..

— Разумѣется, потому что, если тутъ гдѣ-нибудь и, въ самомъ дѣлѣ, есть земля, очень возможно, что капитанъ и матросы съ „Джэнъ"...

— Къ ней пристали, мистеръ Джіорлингъ... и это въ четырехстахъ миляхъ отъ острова Тсалаль?..

— А почему бы и нѣтъ, боцманъ?..

— Хорошо, пусть такъ! Но только мнѣ сдается, что у васъ будетъ довольно времени на это и тогда, когда покажется земля, если только она когда-нибудь покажется. Повѣрьте, капитанъ и самъ сдѣлаетъ все, что можно будетъ сдѣлать, принимая во вниманіе, что намъ дорога каждая минута. Мы не можемъ долго оставаться безъ крайней надобности въ этихъ мѣстахъ; и если этотъ айсбергъ не можетъ насъ доставить ни къ Фалькландамъ ни къ Кергуэленамъ, не все ли равно будетъ намъ, куда онъ насъ привезетъ, лишь бы только не стоять намъ на одномъ мѣстѣ да не сворачивать въ сторону. Самое важное для насъ заключается въ томъ, чтобы пересѣчь полярный кругъ раньше, чѣмъ зима окружитъ его непреодолимой ледяною преградою!

Самъ здравый смыслъ диктовалъ эти слова Герлигерли — и я волей-неволей, а долженъ былъ съ нимъ въ душѣ согласиться.

Пока шли приготовленія къ зимовкѣ, по указаніямъ капитана Ленъ Гайя и подъ наблюденіемъ лейтенанта, мнѣ приходилось нѣсколько разъ подниматься на вершину айсберга. Тамъ я садился на одинъ изъ крайнихъ выступовъ и въ подзорную трубку осматривалъ весь горизонтъ. По временамъ въ поле моего зрѣнія попадали то одиночные айсберги, то цѣлыя флотиліи ихъ, или же горизонтъ какъ бы исчезалъ за дымкой тумана.

Съ занимаемаго мною мѣста, на высотѣ въ полтораста футовъ надъ поверхностью моря, передо мною открывался горизонтъ радіусомъ больше, чѣмъ въ двѣнадцать миль. Какъ ни старался я найти землю, но до сихъ поръ нигдѣ не было видно даже и признаковъ ея.

Два раза капитанъ Ленъ Гай взбирался вмѣстѣ со мной на вершину для того, чтобы брать высоты.

Послѣднее наблюденіе было имъ произведено 30 января и дало слѣдующіе результаты: 67° 19′ западной долготы, 89° 21′ южной широты.

На основаніи этихъ данныхъ можно было вывести двойное заключеніе.

Первое — теченіе отбросило насъ приблизительно на двадцать-четыре градуса къ юго-востоку.

Второе — айсбергъ находился всего въ сорока миляхъ отъ южнаго полюса.

Въ теченіе этого дня большая часть груза была перенесена во внутренность широкой извилины, открытой боцманомъ на восточной сторонѣ айсберга, гдѣ даже, въ случаѣ новаго столкновенія, ящики и боченки, навѣрное, останутся въ цѣлости. Что же касается кухонной печи, то матросы помогли Эндикоту установить ее прочно между двумя глыбами, и тутъ же рядомъ свалили нѣсколько тоннъ угля.

Матросы покорно исполняли всѣ эти работы, не выражая вслухъ ни малѣйшаго неудовольствія. Повидимому, экипажъ и самъ сознавалъ, что теперь не время заводить смуты. Впрочемъ, мнѣ думается, что они такъ повиновались капитану Ленъ Гайю и лейтенанту только потому, что имъ не приказывали дѣлать ничего такого, что не требовало бы безотлагательнаго исполненія. Но кто знаетъ, какъ долго продержится въ нихъ такое настроеніе, и можно ли поручиться, что въ самомъ непродолжительномъ времени они не вздумаютъ снова бунтоваться подъ вліяніемъ отчаянія?.. Покорные сегодня, развѣ не могутъ они возмутиться черезъ нѣсколько дней или даже завтра?.. Мы можемъ безусловно разсчитывать только на боцмана, на старшаго конопатчика Гарди и затѣмъ еще на двухъ или на трехъ матросовъ изъ прежняго состава, за исключеніемъ, впрочемъ, Мартина Гольта... Что же касается остальныхъ, а въ особенности же фальклендскихъ новобранцевъ, то тутъ нельзя было поручиться ни за кого, что онъ не приметъ участія въ бунтѣ, если заговорщики вздумаютъ опять попытаться овладѣть лодкой и бѣжать...

Мнѣ, впрочемъ, казалось, что этого пока бояться нечего до тѣхъ поръ, пока айсбергъ будетъ плыть, потому что лодка на веслахъ все равно не могла бы подвигаться быстрѣе нашего айсберга. Но если онъ еще разъ станетъ на мель, если онъ ударится о побережье континента или острова, кто знаетъ, на что не рискнутъ эти несчастные, лишь бы только избавиться отъ ужасовъ зимовки?..

Объ этомъ какъ разъ мы и разсуждали за обѣдомъ. Капитанъ Ленъ Гай и Джимъ Вестъ соглашались со мной, что гарпунщикъ и его товарищи не сдѣлаютъ ни одной попытки до тѣхъ поръ, пока айсбергъ будетъ находиться въ движеніи. Несмотря на это, мы, все-таки, считали необходимымъ имѣть строгій надзоръ за всѣми ими. Гирнъ внушалъ намъ слишкомъ большое недовѣріе, и насъ не могло обмануть кажущееся спокойствіе его партіи.

Послѣ обѣда, въ то время, когда экипажъ, по обыкновенію, отдыхалъ, мнѣ снова пришлось разговаривать съ Деркомъ Питерсомъ.

Я отправился на свое обычное мѣсто, на вершину айсберга, а капитанъ Ленъ Гай и лейтенантъ пошли къ основанію айсберга провѣрить зарубки на грузовой ватерлиніи. Осмотръ производился аккуратно два раза въ сутки, съ цѣлью опредѣлить — опускался или поднимался нашъ ледяной корабль, т. е. не грозило ли новое измѣненіе центра тяжести новой катастрофой.

Я сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ уже около получаса, когда замѣтилъ метиса, который торопливо взбирался на гору по крутому склону.

Можетъ-быть, онъ идетъ сюда съ той же цѣлью, зачѣмъ провожу здѣсь цѣлые часы и я?.. Или можетъ-быть, — что казалось мнѣ гораздо вѣроятнѣе, — онъ хотѣлъ сообщить мнѣ какой-нибудь новый проектъ, касающійся Артура Пима.

Мы съ нимъ почти и не говорили ни разу съ той поры, какъ айсбергъ „снялся съ якоря“.

Подойдя ко мнѣ, метисъ остановился, обвелъ взоромъ горизонтъ, поискалъ на немъ то, чего до сихъ поръ тщетно искалъ и я... и, конечно, ничего не нашелъ...

Простоявъ еще двѣ или три минуты, онъ обернулся ко мнѣ, и лицо его при этомъ имѣло такой озабоченный видъ, что я не могъ не обратить на это вниманія...

Наконецъ, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и прислонился плечомъ къ глыбѣ, какъ человѣкъ, который не собирается скоро уходить. Я былъ почти увѣренъ, что онъ заговоритъ со мной о томъ же, о чемъ говорилъ всегда и раньше; но оказалось, что я ошибся.

— Мистеръ Джіорлингъ,—началъ онъ,—помните... въ вашей каютѣ на „Гальбранѣ“... я разсказалъ вамъ про то дѣло... на „Грампусѣ“...

Онъ меня еще спрашиваетъ, помню ли я это!.. Я не забылъ ни одного слова изъ его разсказа объ этой кровавой сценѣ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой былъ онъ самъ!..

— Я вамъ говорилъ,—продолжалъ онъ,—что Паркера звали не Паркеромъ... Его звали Недомъ Гольтомъ... Это былъ братъ Мартина Гольта...

— Я это помню, Деркъ Питерсъ,—отвѣчалъ я.—Но ради чего пришло тебѣ въ голову заговорить опять объ этомъ?..

— Вы хотите знать, зачѣмъ я это говорю, мистеръ Джіорлингъ?.. Не правда ли... вы никогда никому ничего объ этомъ не говорили?..

— Никому! — подтвердилъ я. — Неужели ты меня считаешь такимъ легкомысленнымъ, что я стану кому-нибудь другому повѣрять твою тайну... тайну, которая никогда не должна быть извѣстна еще кому-нибудь... которая должна умереть между нами?..

— Умереть... Да... умереть!—прошепталъ метисъ.—А... между тѣмъ... поймите меня... мнѣ кажется... въ экипажѣ... знаютъ... должны знать кое-что...

Мнѣ почему-то сейчасъ же вспомнилась бесѣда моя съ боцманомъ, который сообщилъ мнѣ о странномъ разговорѣ Гирна, который совѣтовалъ Мартину Гольту разспросить метиса, какъ погибъ его братъ на „Грампусѣ“. Можетъ-быть, гарпунщику и въ самомъ дѣлѣ удалось узнать тайну или же этотъ страхъ существовалъ только въ воображеніи Дерка Питерса?...

— Я тебя не совсѣмъ понимаю, Деркъ Питерсъ. Разскажи толкомъ!

— Поймите меня, мистеръ Джіорлингъ... я совсѣмъ не умѣю объяснять... Да... вчера... я съ тѣхъ поръ все время думалъ объ этомъ... Вчера Мартинъ Гольтъ отвелъ меня въ сторону... подальше отъ другихъ... и сказалъ мнѣ, что хочетъ со мной говорить...

— О „Грампусѣ“?..

— О „Грампусѣ“... Да... и о своемъ братѣ Недѣ Гольтѣ!.. Въ первый разъ... онъ произнесъ это имя при мнѣ... имя того человѣка, котораго... а... между тѣмъ... скоро будетъ уже три мѣсяца, какъ мы плаваемъ вмѣстѣ...

Голосъ метиса такъ измѣнился, что я едва его слышалъ.

— Поймите меня...—продолжалъ онъ,—мнѣ показалось, что Мартинъ Гольтъ думаетъ... Нѣтъ!.. я не ошибся... Онъ подозрѣваетъ...

— Да говори же, Деркъ Питерсъ!..—вскричалъ я.—О чемъ спрашивалъ тебя Мартинъ Гольтъ?

Я теперь былъ положительно увѣренъ, что спросить объ этомъ Дерка Питерса подучилъ Мартина Гольта не кто иной, какъ Гирнъ. Но мнѣ казалось, что метису пока не зачѣмъ еще говорить объ участіи въ этомъ

дѣлѣ гарпунщика, и рѣшился не говорить ему ничего, хотя самого меня и очень заботило это странное вмѣшательство Гирна.

— Какъ вы думаете, о чемъ онъ спросилъ меня, мистеръ Джіорлингъ?..— продолжалъ метисъ.—Онъ спросилъ меня... не зналъ ли я Неда Гольта на „Грампусѣ“... и когда погибъ онъ... во время борьбы съ бунтовщиками или же во время кораблекрушенія... или же, можетъ-быть, онъ попалъ въ покинутую среди моря лодку... вмѣстѣ съ капитаномъ Барнардомъ... Наконецъ... не могу ли я разсказать ему, какъ умеръ его братъ.

Нужно было видѣть, съ какимъ выраженіемъ ужаса произнесъ метисъ эти слова, чтобы понять, какъ онъ казнился за совершенное имъ много лѣтъ тому назадъ преступленіе!

— Что же ты отвѣтилъ Мартину Гольту, Деркъ Питерсъ?..

— Ничего... ничего!..

— Надо было сказать ему, что Недъ Гольтъ погибъ во время крушенія брига.

— Я не могъ... Поймите меня... я не могъ... Оба брата такъ похожи другъ на друга!.. Когда я въ первый разъ увидѣлъ Мартина Гольта... мнѣ показалось, что я вижу Неда Гольта!.. Я испугался... и убѣжалъ...

Метисъ выпрямился рѣзкимъ движеніемъ, а я, взявшись руками за голову, сталъ размышлять... Эти запоздалые разспросы Мартина Гольта о его братѣ были сдѣланы — я въ томъ не сомнѣвался — по наущенію Гирна... Можетъ-быть, гарпунщикъ узналъ эту тайну какими-нибудь путями еще на Фальклandахъ и молчалъ до сихъ поръ только потому, что выжидалъ удобнаго случая?..

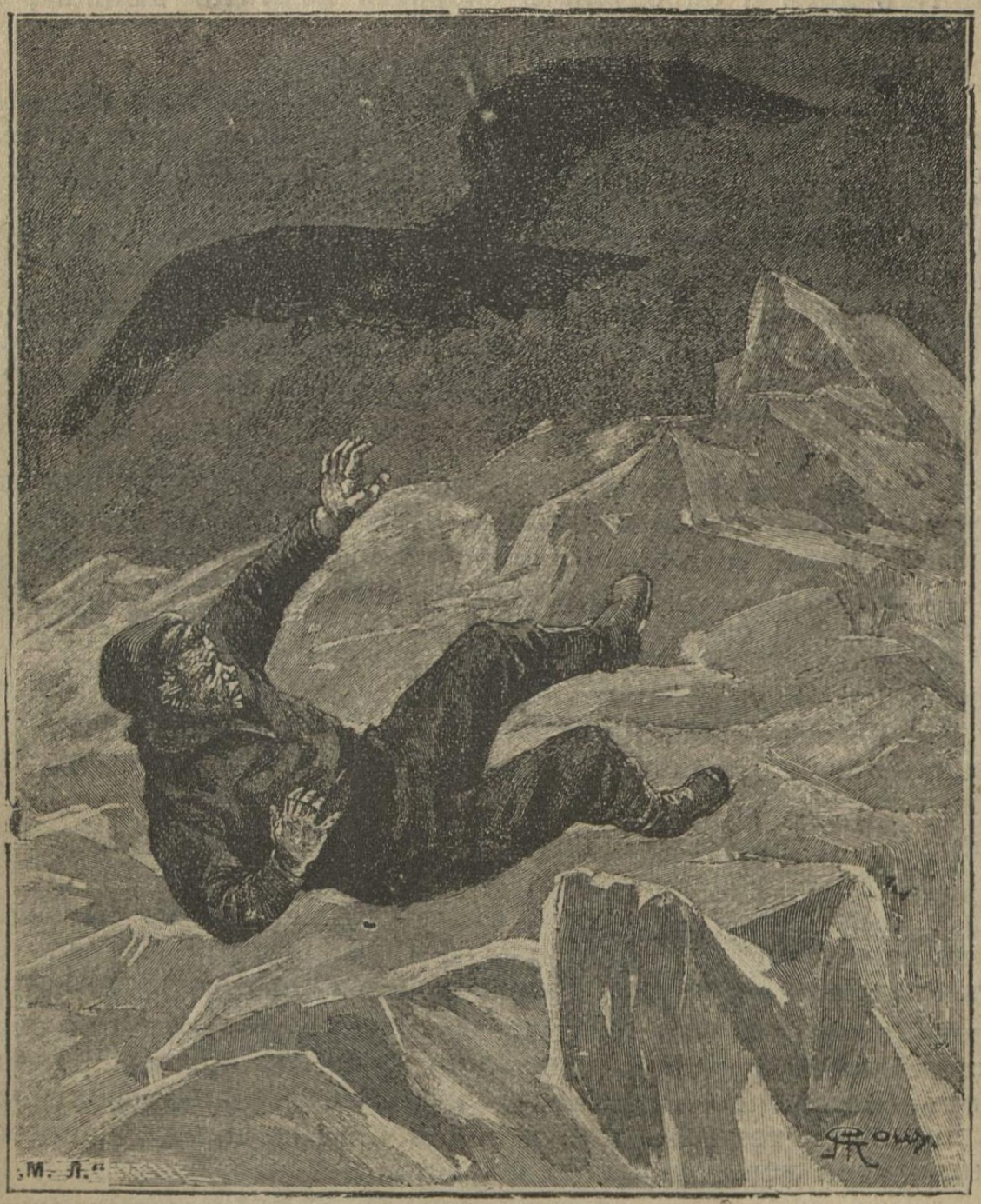
Но вотъ чего я понять не могу!... Ради чего заставлялъ онъ Мартина Гольта разспрашивать метиса?.. Какую цѣль имѣлъ онъ при этомъ въ виду?.. Можетъ-быть, онъ дѣлалъ это только изъ желанія удовлетворить своей ненависти противъ Деркa Питерса, который одинъ изъ всѣхъ фальклandскихъ матросовъ всегда примыкалъ къ партіи капитана Ленъ Гайя, не дававшей его друзьямъ и ему самому овладѣть лодкой?.. Мужетъ-быть, подстрекая Мартина Гольта, онъ разсчитывалъ, что емо удастся поссорить его съ метисомъ и затѣмъ, сдружившись съ парусным старшиной, заставить его присоединиться къ его сообщникамъ?.. Очень возможно, потому что, когда надо будетъ править судномъ, если имъ удастся овладѣть лодкой, развѣ не понадобится ему Мартинъ Гольтъ, одинъ изъ лучшихъ матросовъ „Гальбрапа“, который сумѣлъ бы провести лодку тамъ, гдѣ Гирнъ и его товарищи, предоставленные самимъ себѣ, навѣрное потерпѣли бы неудачу?..

Когда я поднялъ глаза, возлѣ меня не было уже Деркa Питерса. Онъ исчезъ такъ, что я даже не замѣтилъ его ухода, сказавши мнѣ все, что онъ хотѣлъ сказать, и въ то же время убѣдившись, что я не выдалъ его тайны. Становилось поздно, и я, бросивъ послѣдній взглядъ на горизонтъ, сошелъ внизъ, глубоко взволнованный и, какъ и всегда, снѣдаемый нетерпѣніемъ въ ожиданіи слѣдующаго дня.

Передъ тѣмъ, какъ расходиться по палаткамъ, приняты были обычныя мѣры предосторожности; при чемъ всѣмъ приказано было строго-настрого не уходить изъ лагеря, за исключеніемъ метиса, оставшагося охранять лодку.

Я такъ былъ утомленъ нравственно и физически, что повалился сейчасъ же на койку возлѣ капитана Ленъ Гайя и спалъ какъ убитый, а въ это время сначала сторожилъ лагерь лейтенантъ, а потомъ его смѣнилъ капитанъ.

На слѣдующій день, 31 января, рано утромъ я открылъ парусину нашей палатки...



... Боцманъ чуть-чуть не слетѣлъ кубаремъ въ море!.. (Стр. 103.)

Какое разочарованіе!

Вездѣ туманъ,—не тотъ туманъ, который разсѣиваютъ первые лучи восходящаго солнца и который исчезаетъ подъ вліяніемъ атмосферическихъ теченій... Нѣтъ! Этотъ туманъ былъ какой-то желтоватый, отдающій плѣсенью, точно этотъ антарктическій январь былъ брюмеромъ*)

*) Второй мѣсяцъ республиканскаго года.

сѣвернаго полушарія. Кромѣ того, и температура еще сильно понизилась, какъ бы предвѣщая скорое наступленіе южной зимы...

— Скверная исторія,— сказалъ мнѣ боцманъ,— мы можемъ пройти теперь мимо самой земли и не замѣтить ея!

— А какъ мы идемъ?..— спросилъ я.

— Гораздо лучше вчерашняго, мистеръ Джіорлингъ. Капитанъ приказалъ кинуть лотъ и опредѣлилъ скорость хода не меньше, какъ въ три или четыре мили въ часъ.

— Ну, какое же ваше мнѣніе, Герлигерли?...

— Я думаю, что теченіе такъ сильно здѣсь потому, что вся масса воды какъ бы сдавлена въ узкомъ пространствѣ... и я ни капельки не удивился бы, если бы вдругъ показалась земля справа и слѣва въ какихъ-нибудь десяти или пятнадцати миляхъ...

— Тогда, значитъ, мы вошли въ широкій проливъ, перерѣзающій антарктическій континентъ?..

— Да... такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ и нашъ капитанъ.

— А какъ вы думаете, Герлигерли, не придетъ имъ въ голову попытаться пристать къ тому или другому берегу этого пролива?

— Какимъ образомъ?...

— А на лодкѣ...

— Рисковать лодкой въ такой туманъ!— вскричалъ боцманъ, скрещивая руки.—Какъ только это могло прійти вамъ въ голову, мистеръ Джіорлингъ?... Развѣ мы можемъ бросить якорь, чтобы ждать ея возвращенія?... Нѣтъ, конечно, и можно сказать навѣрное, что лодки этой больше уже никогда бы не увидали!.. Эхъ!.. будь у насъ „Гальбранъ“...

Увы! „Гальбрана“, къ несчастью, у насъ уже не было!..

Несмотря на туманъ, низко висѣвшій надъ моремъ, я, все-таки, отправился, по обыкновенію, на вершину айсберга, въ надеждѣ, что, авось, туманъ этотъ разсѣется хоть на минуту и я первымъ увижу землю на востокѣ или на западѣ?..

Добравшись до своего обычнаго мѣста, я тщетно старался пронизать взоромъ непроницаемую сѣроватую завѣсу, покрывавшую всю эту область.

Я долго такъ стоялъ и чувствовалъ, что меня какъ бы качаетъ изъ стороны въ сторону сѣверовосточный вѣтеръ, который замѣтно свѣжѣлъ и, можетъ-быть, въ концѣ концовъ, разорветъ таки густую завѣсу тумана...

Но, повидимому, моимъ надеждамъ не суждено сбыться скоро, — и туманъ сталъ какъ будто бы даже еще гуще, несмотря на очень сильный вѣтеръ. Нашъ айсбергъ, подъ двойнымъ вліяніемъ атмосферическихъ и морскихъ теченій, плылъ очень быстро, и мнѣ казалось даже что ледяная гора вся точно вздрагиваетъ...

Наконецъ, я дошелъ до того, что сталъ положительно бредить наяву... Меня преслѣдовали тѣ же галлюцинаціи, которыя должны были тревожить и больной духъ Артура Пима... Мнѣ казалось, что я какъ бы сливаюсь съ его личностью!.. Мнѣ, наконецъ, стало казаться, что и я вижу все то, что онъ видѣлъ!.. Нависшій надъ айсбергомъ густой туманъ мнѣ казался уже тою самою полупрозрачною завѣсой, которую онъ видѣлъ какъ бы протянутой черезъ весь горизонтъ!

Наконецъ, разсудокъ взялъ верхъ. Затменіе постепенно разсѣялось; я спустился съ горы и возвратился въ лагерь.

Состояніе атмосферы такъ и не измѣнялось въ теченіе всего дня. Туманъ все также висѣлъ надъ океаномъ, застилая горизонтъ; и хотя за послѣднія сутки нашъ айсбергъ, двигавшійся очень скоро, и прошелъ не меньше сорока миль и даже, можетъ, пересѣкъ и полюсъ, но мы узнать это не имѣли возможности, да, навѣрное, никогда и не узнаемъ *).

ГЛАВА XI.

Туманъ.

— Ну, мистеръ Джіорлингъ, — сказалъ мнѣ боцманъ, когда мы на другой день столкнулись съ нимъ лицомъ къ лицу,—придется, видно, намъ облачиться въ трауръ!

— Въ трауръ, Герлигерли? По комъ же мы его надѣнемъ?..

— А южный полюсъ!.. Намъ не удалось даже издали посмотрѣть на него!

— Да... теперь онъ долженъ быть миляхъ въ двадцати назади...

— Что подѣлаешь! Вѣтеръ слишкомъ сильно дулъ на эту южную лампу, и она погасла какъ разъ въ ту минуту, когда мы проходили мимо...

— Мы упустили рѣдкій случай, который, я думаю, въ нашей жизни уже больше не повторится...

— Такъ точно, мистеръ Джіорлингъ, намъ ужъ, вѣрно, придется отказаться отъ удовольствія повертѣть въ рукахъ эту самую спицу, на которой вертится волчкомъ наша земля!

— Вы иногда дѣлаете очень удачныя сравненія, боцманъ.

---

*) Черезъ двадцать-восемь лѣтъ, 21 марта 1868 года, чего мистеръ Джіорлингъ, конечно, не могъ даже и предвидѣть, другой человѣкъ видѣлъ южный полюсъ и даже стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ скрещиваются всѣ меридіаны земного шара. По времени года онъ проникъ туда на семь недѣль позже насъ, и въ воздухѣ чувствовалось уже приближеніе южной зимы, одновременно съ которой должна была наступить и шестимѣсячная полярная ночь, смѣняющая такой же полугодовой день. Но это нисколько не пугало того необыкновеннаго мореплавателя, о которомъ мы говоримъ. Владѣя такимъ сокровищемъ, какъ его необыкновенное подводное судно, онъ могъ не бояться ни холодовъ ни бурь. Опустившись въ глубины антарктическаго океана, онъ проплылъ за границу сплошныхъ льдовъ и затѣмъ смѣло проникъ до девяностаго градуса. Здѣсь на лодкѣ подплылъ онъ къ берегу вулканическаго происхожденія, усѣянному обломками базальта, покрытому шлакомъ, пепломъ и потоками застывшей лавы. Все побережье сплошь было занято тюленями и моржами, а надъ ними въ воздухѣ носились неисчислимыя стаи голенастыхъ птицъ, *les chionis*, зимородковъ и гигантскихъ буревѣстниковъ, и только одни пингвины, какъ солдаты на ученьи, шеренгами стояли по всему побережью. И въ ту миниту, когда солнечный дискъ проходилъ черезъ горизонтъ на сѣверѣ, дѣля его на двѣ равныя части, онъ развернулъ знамя, на флагдукѣ котораго было вышито золотое N... Недалеко отъ берега, въ открытомъ морѣ, держалось на поверхности океана подводное судно „Наутилусъ“, а стоявшій на берегу съ развернутымъ знаменемъ человѣкъ былъ командиръ „Наутилуса“, капитанъ Немо.

— А теперь я могу еще сказать вамъ въ заключеніе, что наша ледяная повозка везетъ насъ прямо-таки къ чертямъ на кулички, и никогда мы не попадемъ съ ней на дорогу, которая выходитъ къ „Зеленому Баклану“!.. Да... да... скверное вышло дѣло... Кампанія неудалась... и я думаю, что теперь нескоро уже соберутся повторять эту штуку... Ну, да теперь поздно уже жалѣть объ этомъ!.. Надо какъ можно скорѣе кончать эту кампанію, потому что еще немного, и красавица зима покажетъ свой красный носъ, потрескавшіяся губы и обмороженныя руки!.. Капитану Ленъ Гайю такъ и не удалось найти своего брата; мы не отыскали нашихъ земляковъ, а Деркъ Питерсъ не нашелъ своего бѣднаго Пима!..

Все это была правда и, такъ сказать, составляло краткій перечень нашихъ неудачъ и нашихъ разочарованій! Не говоря уже о погибшемъ въ волнахъ океана „Гальбранѣ“, эта экспедиція стоила жизни девяти человѣкамъ. Изъ тридцати-двухъ человѣкъ, находившихся на голетѣ при отплытіи, осталось всего двадцать-три, и, кто знаетъ, до какой еще цифры дойдетъ оно дальше...

Отъ южнаго полюса до антарктическаго круга насчитываютъ около двадцати градусовъ, иначе сказать, тысячу-двѣсти морскихъ миль, и мы должны были пройти ихъ въ мѣсяцъ или, самое большее, въ шесть недѣль, иначе сплошные льды окажутся закрытыми!.. Что же касается зимовки въ этой части Антарктиды, то я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ насъ могъ вынести ее.

Къ тому же мы потеряли всякую надежду найти капитана и матросовъ съ „Джэнъ“, и у нашего экипажа было теперь одно только желаніе: пройти какъ можно скорѣе эти ужасныя водяныя пустыни. Теченіе, которое несло насъ къ полюсу, изъ южнаго превратилось въ сѣверное; и, если оно не измѣнится, можетъ-быть, намъ и удастся еще благополучно выбраться изъ бѣды, въ которую мы такъ несчастливо попали!.. Можетъ-быть, фортуна и возьметъ насъ опять подъ свое покровительство!.. Но что бы тамъ ни было, а мы пока ничего не могли предпринять и волей-неволей должны были покориться судьбѣ и плыть туда, куда теченіемъ несетъ нашу льдину!

Не все ли намъ равно, куда ни пристанетъ нашъ ледяной корабль... Мы перешли изъ Атлантическаго океана въ Тихій, и прекрасно!.. Теперь ближайшими клочками твердой обитаемой земли, вмѣсто южныхъ Оркадъ, Сандвичевыхъ, Фалькландскихъ острововъ, мыса Горна и Кергуэленовъ, будетъ Австралія или Новая Зеландія! Поэтому Герлигерли имѣлъ полное право говорить, что ему не придется уже попасть къ своему куму Аткинсу въ „Зеленый Бакланъ“!

— Впрочемъ, особенно и горевать-то не о чемъ, мистеръ Джіорлингъ,— сказалъ онъ по этому поводу какъ-то мнѣ:— хорошія гостиницы есть и въ Мельбурнѣ, и въ Гобартсъ-Таунѣ, и въ Денэдинѣ.. Самое главное — добраться бы только туда!

Такъ какъ туманъ не поднимался ни 2-го, ни 3-го, ни 4-го февраля, то мы не имѣли, конечно, возможности опредѣлить, какое разстояніе прошелъ айсбергъ съ того времени, какъ пересѣкъ полюсъ. Впрочемъ, капитанъ Ленъ Гай и Джимъ Вестъ увѣряли меня, что мы прошли, приблизительно, разстояніе въ двѣсти-пятьдесятъ миль.

И я былъ почти согласенъ съ ними, потому что теченіе, повидимому, было все такъ же сильно и несло насъ въ томъ же направленіи. По моему мнѣнію, мы имѣли полное основаніе предполагать, что попали въ морской рукавъ между двумя половинами континента, одной на востокѣ, а другой на западѣ, образовывавшими обширную область Антарктиды. Я очень жалѣлъ, что намъ нельзя пристать ни къ той ни къ другой изъ сторонъ этого широкаго пролива, который съ наступленіемъ зимы покроется толстою ледяною корой!

Когда я заговорилъ объ этомъ съ капитаномъ Ленъ Гайемъ, онъ совершенно резонно отвѣтилъ мнѣ:

— Мы безсильны, мистеръ Джіорлингъ, и не можемъ заставить айсбергъ уклониться въ сторону хотя бы только на одинъ футъ съ того пути, по которому влечетъ насъ теченіе... Насъ положительно преслѣдуетъ судьба, а тутъ еще этотъ туманъ, который, повидимому, такъ и не разсѣется никогда... Я даже не знаю, гдѣ мы... Сколько дней я не могу никакъ поймать удобную минуту и произвести наблюденіе, и это какъ разъ въ то время, когда солнце собирается исчезнуть надолго...

— Я все думаю о нашей лодкѣ, — сказалъ я въ послѣдній разъ.— Неужели нельзя было бы снарядить лодку?

— Что вы?.. Какъ это можно!.. Это было бы слишкомъ рисковано... и я ни за что не рѣшусь на это... Да, кромѣ того, и матросы, навѣрное, воспротивились бы!

Я хотѣлъ было сказать ему въ отвѣтъ: „А если вашъ братъ Уилльямъ Гай, если ваши земляки пристали именно въ этомъ мѣстѣ къ землѣ?..“

Но я во-время сдержался. Зачѣмъ безъ особенной надобности растравлять рану въ сердцѣ капитана? Онъ, навѣрное, и самъ не разъ уже думалъ объ этомъ, и если онъ все-таки рѣшилъ не продолжать больше поиски, значитъ, онъ считаетъ ихъ безполезными, и спорить съ нимъ ровно ни къ чему бы не повело.

А можетъ быть, — я по какому-то инстинктивному побужденію питалъ еще эту смутную надежду, — онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ еще и на основаніи слѣдующаго соображенія, которое приходило въ голову также и мнѣ и которое заслуживало серьезнаго вниманія.

Уилльямъ Гай и его матросы должны были покинуть островъ Тсалаль въ началѣ лѣта. Передъ ними было свободное море, пересѣкаемое тѣми же самыми юго-восточными теченіями, силу которыхъ мы испытали, плывя сначала на „Гальбранѣ“, а потомъ на айсбергѣ. Кромѣ теченій, имъ должны были помогать такъ же, какъ и намъ, постоянные сѣверо-восточные вѣтры. Все это, вмѣстѣ взятое, давало ему полное основаніе предполагать, что лодка ихъ, если только дорогой съ ними не случилось никакого несчастья, должна была итти тѣмъ же путемъ, которымъ идемъ теперь и мы, и такъ же точно прошла по этому широкому морскому проливу. А если это такъ, то почему не предположить, что лодка ихъ, опередившая насъ на нѣсколько мѣсяцевъ, давнымъ-давно пересѣкла южный полюсъ и затѣмъ, поднимаясь къ сѣверу, прошла всю эту часть свободнаго моря, проникла за линію сплошныхъ льдовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и за южный полярный кругъ, и, кто знаетъ, можетъ-быть, Уилльямъ Гай и его товарищи встрѣтили тамъ какой-нибудь корабль, который и доставилъ, наконецъ, ихъ на родину?..

Но если я не ошибаюсь, если капитанъ и въ самомъ дѣлѣ считалъ за несомнѣнное эту смѣлую гипотезу, для осуществленія которой необходимо нужно было стеченіе всѣхъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, — онъ, во всякомъ случаѣ, ни съ кѣмъ не подѣлился своими мыслями и даже не сказалъ мнѣ ни слова. Можетъ-быть, въ этомъ виноватъ былъ отчасти его вообще мало общительный характеръ, а можетъ-быть, онъ не говорилъ ничего потому, что боялся критики, такъ какъ гипотеза эта, и въ самомъ дѣлѣ, построена на весьма шаткихъ основаніяхъ.

Однажды я попробовалъ заговорить объ этомъ съ лейтенантомъ Джимомъ Вестомъ.

Лейтенантъ, по самому складу своего ума, своего характера, не допускалъ никакихъ гипотезъ и поэтому категорически заявилъ мнѣ, что онъ не согласенъ съ моимъ мнѣніемъ. Онъ и мысли не допускалъ, что мы не разыскали капитана и матросовъ съ „Джэнъ“ только потому, что они покинули эти мѣста еще до нашего появленія и уже успѣли проникнуть въ области Тихаго океана.

Что же касается боцмана, то на мой вопросъ по этому поводу онъ тоже отвѣтилъ сомнѣніемъ.

— Какъ вамъ сказать, мистеръ Джіорлингъ, невозможнаго нѣтъ ничего... т. е. собственно такъ говорятъ, когда хотятъ утѣшиться... А между тѣмъ, нельзя же думать всерьезъ, чтобы капитанъ Уилльямъ Гай и его матросы находятся теперь въ Тихомъ океанѣ и, можетъ-быть, даже собираются выпить стаканчикъ джину или виски въ одномъ изъ кабаковъ Стараго или Новаго Свѣта... Нѣтъ!.. нѣтъ!.. Это все равно, какъ если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ: завтра мы съ вами вдвоемъ будемъ сидѣть за столомъ въ большой залѣ „Зеленаго Баклана“!

Въ продолженіе послѣднихъ трехъ туманныхъ дней я совсѣмъ не видѣлъ Дерка Питерса, или, лучше сказать, онъ самъ не хотѣлъ подходить ко мнѣ и упрямо оставался на своемъ посту возлѣ лодки. Разспросы Мартина Гольта о своемъ братѣ Недѣ давали основаніе предполагать, что тайна смерти послѣдняго извѣстна, — по крайней мѣрѣ, отчасти. Мнѣ кажется, что метисъ вслѣдствіе этого и старался держаться какъ можно дальше отъ насъ; спалъ въ то время, когда всѣ были на работѣ, и бодрствовалъ въ то время, когда всѣ спали. Мнѣ начало даже казаться, что онъ какъ будто бы жалѣетъ о томъ, что открылъ мнѣ свою тайну; а можетъ-быть, онъ думалъ, что, вмѣсто сочувствія, я сталъ ненавидѣть его... Ничего подобнаго, конечно, и быть не могло, и я, если такъ можно выразиться, сталъ только еще больше жалѣть несчастнаго метиса!..

Нечего, конечно, и говорить, какъ безконечно долго тянулось это скучное и однообразное плаваніе во время тумана, который висѣлъ такой густою пеленою, что ее не могъ разорвать никакой вѣтеръ. Солнца не было видно даже среди дня, и, благодаря этому, мы не могли опредѣлить положеніе айсберга даже приблизительно. Плыветъ ли онъ все еще къ юго-востоку,— или, правильнѣе было бы сказать, къ сѣверо-западу, такъ какъ мы пересѣкали уже южный полюсъ,— этого мы не знали, хотя въ то же время это было очень возможно. Мало того, капитанъ Ленъ Гай не могъ даже опредѣлить, насколько уменьшился за это время нашъ айсбергъ, потому что туманъ лишалъ его возможности дѣлать

какія бы то ни было наблюденія. Но если бы айсбергъ стоялъ и неподвижно, это тоже не дѣлало для насъ никакой существенной разницы, потому что вѣтеръ стихъ или такъ, по крайней мѣрѣ, намъ казалось. Пламя фонаря, выставленнаго на воздухъ, не колебалось. И только крики птицъ нарушали царствовавшую кругомъ тишину. Буревѣстники и альбатросы, кружась надъ айсбергомъ, только что не касались крыльями вершины горы, гдѣ я занимался наблюденіями. Куда летѣли эти представители пернатаго міра, которыхъ приближающаяся зима должна была заставить стремиться къ границамъ Антарктиды?..

Однажды боцманъ, въ надеждѣ, что ему, можетъ-быть, удастся разсмотрѣть что-нибудь на горизонтѣ, взобрался, хотя и съ большимъ трудомъ, на самую вершину айсберга, и въ ту же минуту получилъ такой сильный ударъ въ грудь и въ шею, что упалъ навзничь; оказалось, что такой могучій ударъ нанесъ ему силачъ *quebrantahuesos*, изъ породы буревѣстниковъ, только гигантскаго роста, размахъ крыльевъ котораго достигаетъ двѣнадцати футовъ.

— Проклятая тварь! — ворчалъ боцманъ, осторожно сползая съ горы.—Хорошо еще, что я живымъ ушелъ отъ нея!.. Всего одинъ ударъ... и я свалился какъ мѣшокъ... со всѣхъ четырехъ ногъ, точно лошадь... И испугался же, чортъ возьми!...—разсказывалъ онъ уже затѣмъ внизу матросамъ. — Хватался руками за что попало... а льдины-то, вы вѣдь и сами знаете, какія скользкія... Просто бѣда!.. чуть, чуть не слетѣлъ кубаремъ въ море!.. Да и птица какая-то шалая... не видитъ, что летитъ прямо на человѣка... и даже не извинилась предо мной, проклятая бестія!..

Хоть боцманъ и старался казаться веселымъ и даже какъ будто шутилъ, а на самомъ же дѣлѣ, онъ, видимо, сильно перетрусилъ во время этого неожиданнаго приключенія.

Въ этотъ день, послѣ обѣда, мы услышали отчаянный ослиный ревъ, доносившійся снизу. Герлигерли сейчасъ же совершенно резонно замѣтилъ, что такъ какъ ословъ здѣсь быть не можетъ, то, значитъ, орутъ такимъ образомъ гдѣ-то вблизи пингвины. До сихъ поръ эти многочисленные обитатели полярныхъ странъ почему-то не считали нужнымъ сопровождать насъ на нашемъ плавучемъ островѣ, и мы такъ и не видѣли нигдѣ ни одного изъ нихъ, — ни на нашемъ айсбергѣ ни на проносившихся мимо насъ льдинахъ. Теперь же не было никакого сомнѣнія въ томъ, что цѣлыя сотни и даже тысячи ихъ сидѣли гдѣ-то близко, потому что ревъ слышался все громче и громче, а это служило неоспоримымъ доказательствомъ, что въ концертѣ принимаетъ участіе очень большое число хористовъ.

Надо, между прочимъ, принять къ свѣдѣнію, что эти птицы охотнѣе всего устраиваютъ свои гнѣзда или на побережьѣ континентовъ и острововъ этихъ высокихъ широтъ, или же на ближайшихъ ледяныхъ поляхъ. Можетъ-быть, появленіе пингвиновъ могло служить указаніемъ близости земли?..

Всѣ мы находились въ такомъ расположеніи духа, что готовы были ухватиться за малѣйшій лучъ надежды, какъ утопающій хватается за соломинку!..

Я спросилъ капитана Ленъ Гайя, что, по его мнѣнію, должны означать крики пингвиновъ.

— Мое мнѣніе, навѣрное, будетъ совершенно согласно съ вашимъ, мистеръ Джіорлингъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ. — Съ тѣхъ поръ, какъ мы несемся по волнамъ на льдинѣ, мы не видѣли еще ни одной изъ этихъ птицъ на нашей ледяной горѣ; а теперь, судя по этому оглушительному реву, ихъ появились вдругъ цѣлыя тысячи. Гдѣ эти птицы и откуда несутся крики?.. Разумѣется, съ земли, отъ которой мы находимся, по всей вѣроятности, очень недалеко...

— А что думаетъ лейтенантъ? — спросилъ я.

— То же самое, мистеръ Джіорлингъ, а вы знаете, какъ этотъ человѣкъ не любитъ обольщать себя несбыточными надеждами!

— Да, это правда!

— Кромѣ того, тутъ есть еще одно обстоятельство, одинаково поразившее какъ его, такъ и меня, и на которое, повидимому, вы вовсе не обратили вниманія...

— О чемъ вы говорите, капитанъ?..

— О томъ мычаньи, которое слышится вмѣстѣ съ ревомъ пингвиновъ... Послушайте хорошенько, и вы сами убѣдитесь, что я говорю правду.

Я прислушался; и на самомъ дѣлѣ, въ хорѣ принимали участіе не одни только пингвины.

— Да, правда... — сказалъ я. — Я теперь тоже ясно слышу это жалобное мычанье... Значитъ, тамъ должны быть также и тюлени или моржи...

— Это вѣрный признакъ, мистеръ Джіорлингъ... Вспомните, какъ мало видѣли мы этихъ птицъ и животныхъ за послѣднее время, а теперь я могу съ увѣренностью вамъ сказать, что они попали сюда не случайно, а навѣрное, тутъ гдѣ-нибудь близко есть земля, и вотъ одни изъ нихъ, пингвины, заняли побережье, а другіе, тюлени или моржи, бухты и заливы... Я говорю это такъ увѣренно и думаю, что меня нельзя будетъ упрекнуть за это въ фантазерствѣ...

— Отнюдь нѣтъ, капитанъ, и я самъ думаю и даже почти увѣренъ, что тутъ гдѣ-нибудь близко непремѣнно должна быть земля. Да! Какъ жаль, однакоже, что мы до сихъ поръ окутаны этимъ непроницаемымъ туманомъ и не видимъ ничего, что дѣлается даже въ четверти мили отъ насъ...

— Мало того, мы не смѣемъ даже рискнуть спуститься къ основанію айсберга! — добавилъ капитанъ Ленъ Гай. — Тамъ мы узнали бы, не прибило ли теченіемъ къ айсбергу какихъ-либо водяныхъ растеній, водорослей, наконецъ, и это дало бы намъ новое указаніе... Вы правду сказали... это большое несчастье!..

— Отчего бы не попробовать, капитанъ?..

— Нѣтъ, мистеръ Джіорлингъ, это было бы слишкомъ опасно, и я никому, безъ особенной надобности, рисковать своею жизней не позволю. Если земля и въ самомъ дѣлѣ недалеко, я думаю, что, въ концѣ концовъ, нашъ айсбергъ непремѣнно пристанетъ къ ней...

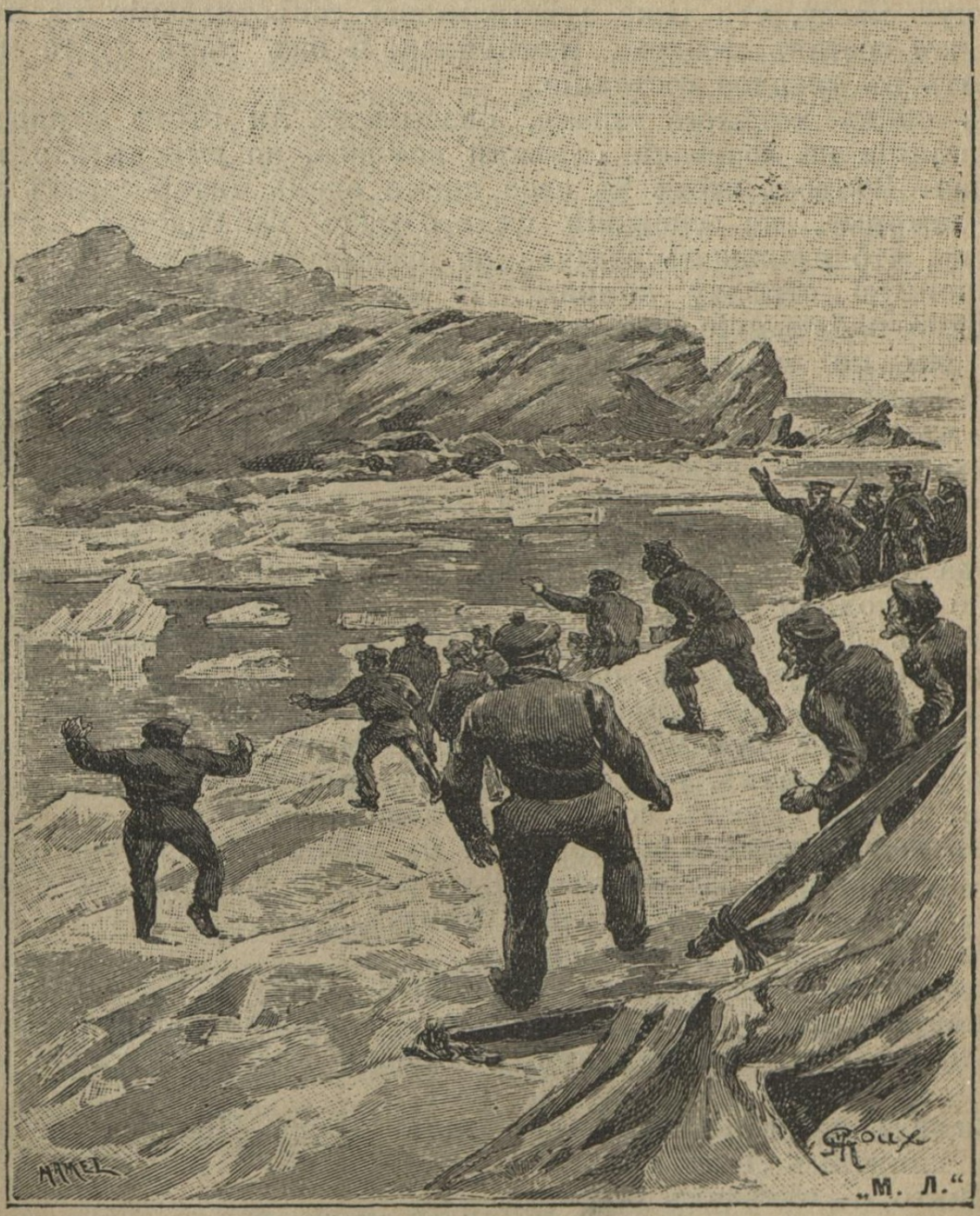
— А если онъ не захочетъ этого сдѣлать?.. — возразилъ я.

— Если онъ не захочетъ этого сдѣлать, мы не имѣемъ никакой возможности заставить его...

„А лодка-то на что?...—подумалъ я.—Надо же будетъ когда-нибудь рѣшиться попытать на ней счастья...“ Но капитанъ Ленъ Гай предпо-

читалъ лучше ждать; и, кто знаетъ, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, можетъ-быть, это было самымъ разумнымъ...

Что же касается того, чтобы спуститься къ основанію айсберга, то это, и въ самомъ дѣлѣ, было бы очень опасно: пришлось бы итти по скользкимъ льдинамъ ощупью, какъ ходятъ слѣпые. Самый ловкій изъ матросовъ, самый сильный, даже самъ Деркъ Питерсъ, и тотъ не могъ



На землю!.. на землю!.. (Стр. 111.)

бы, пожалуй, пробраться туда благополучно. Эта роковая кампанія и такъ стоила уже слишкомъ много жертвъ, и, конечно, мы не имѣли ни малѣйшаго права увеличивать это число.

Густые клубы тумана, висѣвшіе надъ самымъ моремъ, къ вечеру какъ будто бы еще больше уплотнились. Начиная съ пяти часовъ пополудни, нельзя было ничего различить даже въ нѣсколькихъ шагахъ

отъ плато, гдѣ стояли наши палатки. Мы чуть не ощупью отыскивали одинъ другого. Крикъ, и тотъ какъ-то особенно глухо звучалъ въ этой пропитанной, какъ губка, водяными парами атмосферѣ. Фонарь горѣлъ тускло, и самый огонь казался какимъ-то желтоватымъ пятномъ. И только оглушительный ревъ пингвиновъ, оравшихъ во всю глотку, ясно слышался въ этомъ мертвенномъ безмолвіи.

Часовъ около восьми вечера, водяные пары сгустились въ такую компактную массу, что даже чувствовалось сопротивленіе на ходу. Казалось, что составъ воздуха измѣнился, и онъ какъ будто начиналъ переходить въ твердое состояніе.

Намъ очень хотѣлось узнать, оказываетъ ли этотъ туманъ какое-нибудь вліяніе на колебаніе стрѣлки компаса, но выяснить это такъ и не удалось. Вопросъ этотъ въ свое время очень интересовалъ метеорологовъ, которые, на основаніи цѣлаго ряда наблюденій, авторитетно заявляютъ, что влажность воздуха не оказываетъ никакого вліянія на намагниченную стрѣлку компаса. Я же, съ своей стороны, сдѣлалъ только одно наблюденіе, что съ той поры, какъ мы пересѣкли южный полюсъ, мы не могли уже руководствоваться указаніями компаса; стрѣлка вертѣлась какъ безумная, при приближеніи къ магнитному полюсу, къ которому мы, по всей вѣроятности, подвигались. Итакъ, у насъ пока не было никакой возможности опредѣлить ни положенія ни направленія, котораго держался нашъ айсбергъ.

Въ девять часовъ вечера, вся окружающая насъ мѣстность была погружена точно въ глубокій мракъ, хотя солнце, въ это время года, еще и не заходило за горизонтъ.

Капитанъ Ленъ Гай, желая убѣдится, что всѣ матросы возвратились въ лагерь, и предупредить, на всякій случай, какой-нибудь неосторожный поступокъ съ ихъ стороны, приказалъ сдѣлать повѣрку.

На перекличкѣ каждый матросъ, отвѣтивъ на свое имя, занималъ свое мѣсто въ палаткѣ, гдѣ окутанные туманомъ фонари давали очень мало или, лучше сказать, совсѣмъ не давали свѣта.

Одинъ только метисъ не отозвался на перекличкѣ, когда произнесли его имя, повторенное затѣмъ нѣсколько разъ во весь голосъ боцманомъ.

Герлигерли выждалъ нѣсколько минутъ...

Деркъ Питерсъ не появлялся.

Можетъ-быть, онъ остался караулить лодку?.. Въ этомъ не было ничего невѣроятнаго, хотя это и было совершенно лишнее, потому что никому и въ голову не придетъ похищать лодку въ такой сильный туманъ.

— Видѣлъ ли кто-нибудь изъ васъ Дерка Питерса сегодня?.. — спросилъ капитанъ Ленъ Гай.

— Никто, — отвѣчалъ боцманъ.

— Даже за обѣдомъ?..

— Даже за обѣдомъ, капитанъ; а между тѣмъ, у него, должно-быть, вышла вся провизія.

— Ужъ не случилось ли съ нимъ какого-нибудь несчастья?..

— Не бойтесь за него! — отвѣчалъ боцманъ. — Деркъ Питерсъ здѣсь въ своей стихіи, и ему этотъ туманъ такъ же страшенъ, какъ и бѣлому медвѣдю! Онъ вѣдь сумѣлъ уже выпутаться изъ бѣды одинъ разъ — выпутается и во второй!

Я не перебивалъ Герлигерли, такъ какъ хорошо зналъ, почему именно метисъ держится особнякомъ.

Несмотря на то, что Деркъ Питерсъ ни однимъ словомъ не отозвался на крики боцмана, а не слышать онъ ихъ не могъ,— Герлигерли на этотъ разъ не пожалѣлъ своихъ легкихъ,— мы, все-таки, не смѣли и думать отправиться на розыски его.

Я увѣренъ, что въ эту ночь никто изъ насъ не спалъ, за исключеніемъ, можетъ-быть, только одного Эндикота. Всѣ мы въ своихъ палаткахъ положительно задыхались отъ недостатка кислорода. И потомъ у всѣхъ нервы были какъ-то особенно сильно возбуждены, какъ бы въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго, — мы точно предчувствовали, что положеніе наше должно скоро измѣниться, можетъ-быть, къ лучшему, а можетъ-быть, и къ худшему, если только оно могло вообще быть хуже.

Ночь прошла, все-таки, спокойно, и въ шесть часовъ утра всѣ вышли уже изъ палатокъ подышать свѣжимъ, а слѣдовательно, и болѣе здоровымъ наружнымъ воздухомъ.

Въ атмосферѣ не произошло никакихъ видимыхъ измѣненій, и туманъ висѣлъ все такою же плотною массой, какъ и наканунѣ. Впрочемъ, нѣтъ, была и нѣкоторая разница, — барометръ поднялся, хотя и слишкомъ быстро для того, чтобы придать этому особенно серьезное значеніе. Ртутный столбецъ показывалъ тридцать дюймовъ двѣ десятыхъ (767 миллиметровъ), максимумъ, котораго онъ достигалъ послѣ того, какъ „Гальбранъ“ перешелъ за антарктическій кругъ.

Затѣмъ появились и другіе признаки, которые заслуживали того, чтобы обратить на нихъ вниманіе.

Легкій вѣтерокъ — съ той поры, какъ мы пересѣкли южный полюсъ, онъ дулъ все время съ юга — перешелъ въ очень свѣжій вѣтеръ — „въ два рифа“, какъ говорятъ моряки. Колебаніе воздушныхъ слоевъ не замедлило поколебать и даже разрѣдить сгустившіеся водяные пары, и, наконецъ, часовъ около девяти, айсбергъ вдругъ сбросилъ съ себя свой туманный чепчикъ.

Никакому волшебнику не удалось бы своимъ магическимъ жезломъ такъ быстро и такъ хорошо измѣнить декорацію, какъ это происходило теперь предъ нашими глазами.

Въ нѣсколько минутъ все небо было очищено до крайнихъ предѣловъ горизонта, и снова показалось море, освѣщенное косыми лучами солнца, которое стояло надъ нимъ подъ угломъ всего въ нѣсколько градусовъ. Шумный прибой омывалъ бѣлою пѣной подножіе нашего айсберга, который плылъ на нордъ-нордъ-остъ, вмѣстѣ съ множествомъ пловучихъ горъ, подгоняемый двойнымъ дѣйствіемъ вѣтра и теченія.

— Земля!

Крикъ этотъ раздался съ вершины айсберга, и передъ нашими глазами появился Деркъ Питерсъ, стоявшій на самомъ краю съ вытянутою къ сѣверу рукой.

Метисъ не ошибся. На этотъ разъ онъ видѣлъ землю... Да!.. это была земля, виднѣвшаяся не больше, какъ въ разстояніи трехъ или четырехъ миль.

Затѣмъ, въ десять часовъ, произведено было первое наблюденіе, а въ полдень второе, и оба эти наблюденія вмѣстѣ дали слѣдующіе результаты: 86° 12′ южной широты, 114° 17′ восточной долготы.

Айсбергъ, такимъ образомъ, находился почти въ четырехъ градусахъ отъ антарктическаго полюса, и при этомъ западная долгота, которой мы слѣдовали, когда шли по слѣдамъ „Джэнъ“, замѣнилась восточною.

ГЛАВА XII.

Устройство зимовника.

Вскорѣ послѣ полудня земля была отъ насъ уже не больше, какъ въ одной милѣ. Весь вопросъ теперь заключался въ томъ, чтобы теченіе не унесло насъ дальше...

Тутъ я считаю долгомъ замѣтить, что если бы отъ насъ однихъ зависѣло пристать или не пристать къ этому неизвѣстному побережью,— очень возможно, что мы затруднились бы выборомъ и, во всякомъ случаѣ, отвѣтили бы не сразу.

Когда я заговорилъ объ этомъ съ капитаномъ Ленъ Гайемъ и лейтенантомъ, Джимъ Вестъ перебилъ меня словами:

— Позвольте васъ спросить, мистеръ Джіорлингъ, о чемъ мы тутъ станемъ разсуждать, разъ это не отъ насъ зависитъ?..

— И правда, о чемъ толковать, разъ мы тутъ не при чемъ,— согласился и капитанъ Ленъ Гай.— Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что айсбергъ пристанетъ къ этому берегу; какъ нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что онъ пройдетъ мимо него, если его не прибьетъ къ берегу теченіемъ.

— Совершенно вѣрно,— продолжалъ я,— но это, по-моему, все-таки, не мѣшаетъ отвѣтить на мой вопросъ. Что выгоднѣе для насъ: пристать къ берегу или же остаться на айсбергѣ?..

— Остаться,— отвѣчалъ Джимъ Вестъ.

И на самомъ дѣлѣ, будь наша лодка такихъ размѣровъ, что въ нее мы могли бы помѣститься всѣ вмѣстѣ, съ запасомъ провизіи на пять или на шесть недѣль, тогда мы могли бы попытаться еще, пользуясь южнымъ вѣтромъ, проплыть въ ней хотя бы только до сплошныхъ льдовъ, по свободному морю. Но такъ какъ въ лодку могло помѣститься самое большее одиннадцать-двѣнадцать человѣкъ,— намъ пришлось бы бросить жребій для выбора счастливцевъ. И тогда тѣ изъ насъ, кому не посчастливилось бы при жеребьевкѣ, оказались бы обреченными на вѣрную смерть отъ холода, если не отъ голода, на этой неизвѣстной землѣ, гдѣ скоро начнется царство зимы съ ея лютыми морозами и бурями!..

Если же айсбергъ будетъ продолжать плыть все въ томъ же направленіи, то мы имѣли основаніе надѣяться, что намъ удастся совершить большую часть предстоящаго намъ пути при довольно-таки благопріятныхъ условіяхъ. Наша ледяная повозка, правда, могла бы обмануть наши надежды — стать на мель и даже опрокинуться, или же попасть во встрѣчное теченіе, которое далеко отбросило бы ее въ сторону съ намѣченнаго пути; тогда какъ въ лодкѣ, даже и при перемѣнѣ направленія вѣтра, мы, все-таки, могли бы, при извѣстныхъ условіяхъ, добраться до желаемой цѣли, если только не разразятся бури, и если намъ удастся найти проходъ въ сплошныхъ льдахъ...

Но, какъ совершенно резонно замѣтилъ Джимъ Вестъ, зачѣмъ намъ заниматься обсужденіемъ всѣхъ этихъ вопросовъ, если рѣшеніе ихъ зависитъ не отъ насъ?..

Послѣ обѣда матросы взобрались на самую вершину айсберга, гдѣ уже раньше находился Деркъ Питерсъ. Завидѣвъ подходящихъ матросовъ, метисъ повернулся къ нимъ спиной и быстро сталъ спускаться по противоположному склону, такъ что когда я вслѣдъ за матросами добрался до вершины, метиса нигдѣ уже не было видно.

Всѣ до послѣдняго матроса собрались на вершинѣ горы, — всѣ, за исключеніемъ Эндикота, которому, какъ видно, жаль было даже и не надолго покинуть свою плиту.

Земля виднѣлась на сѣверной сторонѣ горизонта; передъ нами было на первомъ планѣ плоское песчаное побережье, изрѣзанное многочисленными бухтами; а дальше, на заднемъ планѣ, вырисовывался невдалекѣ профиль не очень высокихъ горъ, похожихъ скорѣй на холмы. Предъ нами былъ или континентъ, или же, по крайней мѣрѣ, очень большой островъ.

На востокѣ береговая линія скрывалась за горизонтомъ, а на западѣ она оканчивалась довольно острымъ мысомъ, увѣнчаннымъ небольшою горой, силуэтъ которой напоминалъ собою огромную голову тюленя. Дальше виднѣлось опять свободное море, которое широко раскинулось по эту сторону.

Нечего, конечно, и говорить, что всѣ мы отлично понимали свое положеніе. Мы могли пристать къ этой землѣ только въ томъ случаѣ, если теченіемъ снесетъ айсбергъ немного въ сторону, тогда его, конечно, прибьетъ и къ берегу; въ противномъ же случаѣ, онъ будетъ продолжать свой прежній путь къ сѣверу.

Какое изъ этихъ предположеній имѣетъ больше шансовъ на осуществленіе?..

Капитанъ Ленъ Гай, лейтенантъ, боцманъ и я снова завели разговоръ объ этомъ; а въ это время команда, разбившись на группы, тоже по-своему обсуждала интересовавшій всѣхъ насъ вопросъ. Насколько я могъ замѣтить, теченіе, повидимому, сносило насъ къ сѣверо-востоку, т. е. прямо къ землѣ.

— Осматривая это побережье, — сказалъ капитанъ Ленъ Гай, — я прихожу къ слѣдующему выводу: если на этой землѣ и можно жить лѣтомъ, я, все-таки, не думаю, чтобы она была обитаема, потому что мы до сихъ поръ не видимъ ни одного человѣческаго существа на побережьѣ.

— Считаю долгомъ замѣтить, капитанъ, — отвѣчалъ я, — что нашъ айсбергъ не могъ обратить на себя такое же вниманіе жителей, какъ это сдѣлалъ бы голетъ.

— Это правда, мистеръ Джіорлингъ, и „Гальбранъ“, навѣрное, обратилъ бы на себя вниманіе туземцевъ, если только они тамъ существуютъ!

— Изъ того, что мы не видимъ ихъ до сихъ поръ, капитанъ, мнѣ кажется, нельзя дѣлать общій выводъ...

— Разумѣется, мистеръ Джіорлингъ, — возразилъ капитанъ Ленъ Гай. — Надѣюсь, вы согласитесь, однако, со мной, что земля эта, по внѣшнему виду, совсѣмъ не похожа на описаніе острова Тсалаль въ то

время, когда къ нему подходила „Джэнъ“. Тогда путешественники видѣли зеленѣющіе холмы, густые лѣса, деревья въ полномъ цвѣту, громадныя пастбища; а здѣсь, съ перваго же взгляда видно, что ничего подобнаго нѣтъ... Это какая-то безплодная пустыня!..

— Хорошо! Пусть даже вся эта земля будетъ безплодной пустыней!.. Я не стану спорить съ вами по этому поводу; а вмѣсто того, лучше спрошу, не имѣете ли вы намѣренія высадиться на берегъ, капитанъ?..

— Употребивъ въ дѣло лодку?..

— Да, лодку, въ томъ случаѣ, если теченіе станетъ относить нашъ айсбергъ въ сторону.

— Мы должны дорожить временемъ и не можемъ терять ни одной минуты, мистеръ Джіорлингъ, а остановка на нѣсколько дней, которые намъ пришлось бы провести на островѣ, могла бы имѣть очень печальныя послѣдствія; и, кто знаетъ, можетъ-быть, изъ-за этого намъ придется провести здѣсь зиму, потому что мы, пожалуй, не успѣемъ выбраться за сплошные льды...

— А такъ какъ до нихъ еще очень и очень далеко, то мы не можемъ разсчитывать, что у насъ хватитъ на это времени, — замѣтилъ Джимъ Вестъ.

— Все это такъ, — отвѣчалъ я. — Но имѣемъ ли мы нравственное право удаляться отъ этой земли, не побывавъ на ней, не осмотрѣвъ хотя бы побережье и не убѣдившись окончательно въ томъ, что на ней нѣтъ никакихъ слѣдовъ пребыванія вашего брата, капитанъ... и его матросовъ...

Слушая меня, капитанъ Ленъ Гай молча покачивалъ головой. Онъ, видимо, вовсе не разсчитывалъ найти своего брата на этомъ безплодномъ и пустынномъ берегу, на этихъ безконечныхъ равнинахъ, на этихъ оголенныхъ холмахъ... Если имъ даже и удалось проникнуть за эти широты,— они никоимъ образомъ не могли прельститься этой печальною землей и пристать къ ней...

Впрочемъ, на всякій случай, мы водрузили на вершинѣ айсберга британскій флагъ, который горделиво развѣвался по вѣтру. Будь Уильямъ Гай на берегу,— онъ, навѣрное, узналъ бы его и такъ или иначе, а сумѣлъ бы отвѣтить на нашъ сигналъ.

Никого... никого!

Въ эту минуту Джимъ Вестъ, только что успѣвшій осмотрѣть нѣкоторыя изъ зарубокъ, сказалъ:

— Не спѣшите отдавать какія-нибудь приказанія на этотъ счетъ. Меньше чѣмъ черезъ часъ мы будемъ и такъ знать все, что намъ нужно. Мнѣ кажется, что нашъ айсбергъ начинаетъ итти какъ будто тише и, очень возможно, что водоворотъ несетъ насъ наискось къ берегу...

— То же самое думаю и я,— объявилъ боцманъ. — Наша пловучая машина только что не стоитъ на якорѣ... Можно подумать, что она вертится на одномъ мѣстѣ...

Джимъ Вестъ и Герлигерли не ошибались. По той ли, по другой ли причинѣ, но только айсбергъ, повидимому, началъ уклоняться немного въ сторону съ дороги, по которой ѣхалъ до сихъ поръ. Затѣмъ онъ попалъ въ водоворотъ и, покружившись довольно долгое время, сталъ постепенно подвигаться къ берегу.

Кромѣ того, впереди насъ нѣсколько ледяныхъ горъ только что стали на мель невдалекѣ отъ побережья.

Поэтому теперь, и въ самомъ дѣлѣ, нечего было спорить о томъ, нужно или не нужно спускать лодку на воду.

По мѣрѣ того, какъ айсбергъ подходилъ къ берегу, намъ становилась видна все большая и большая площадь этой пустынной земли, и перспектива провести здѣсь шесть зимнихъ мѣсяцевъ не только не имѣла въ себѣ ничего особенно пріятнаго, но даже способна была привести въ ужасъ и самое мужественное сердце.

Часовъ около пяти пополудни айсбергъ проникъ въ глубокій заливъ, оканчивавшійся справа длинною стрѣлкой, около которой онъ и остановился неподвижно.

— На землю!.. На землю!..

Крикъ этотъ единодушно повторяли какъ всѣ мы, такъ и окружавшіе насъ матросы.

Болѣе нетерпѣливые изъ нихъ бросились было уже бѣжать къ краямъ откоса айсберга, но Джимъ Вестъ остановилъ ихъ, крикнувъ:

— Назадъ! Капитанъ еще не далъ разрѣшенія!..

Приказаніе, видимо, не понравилось матросамъ, въ особенности же Гирну и кой-кому изъ его товарищей. Но дисциплина, въ концѣ концовъ, восторжествовала, и матросы, остановившись, сгруппировались вокругъ капитана Ленъ Гайя.

Обстоятельства сложились такъ, что не пришлось даже нужнымъ спускать лодки на воду, потому что айсбергъ подошелъ вплотную къ стрѣлкѣ.

Капитанъ Ленъ Гай, боцманъ и я впереди остальныхъ матросовъ первыми ступили на эту новую землю, на которую, по всей вѣроятности, не ступала еще нога человѣческая...

Вулканическая почва была усѣяна каменистыми обломками, кусками лавы, обсидіана, пемзы и шлаками. Далѣе она шла постепенно поднимаясь къ основанію высокихъ и суровыхъ холмовъ, виднѣвшихся на заднемъ планѣ, въ полумилѣ отъ побережья.

Намъ казалось достаточнымъ добраться до одного изъ этихъ холмовъ, высотой около тысячи двухсотъ футовъ. Съ его вершины можно было бы окинуть взоромъ широкое пространство земли или моря по всѣмъ направленіямъ.

Мы шли въ продолженіе двадцати минутъ по твердой, какъ бы изрытой почвѣ, лишенной всякой растительности. Ничто не напоминало здѣсь плодородныхъ луговъ острова Тсалаля, о которыхъ говоритъ въ своемъ дневникѣ Артуръ Пимъ, видѣвшій островъ еще до землетрясенія; не видѣли мы также ни лѣсовъ, ни ручьевъ со странными водами, ни холмовъ изъ пористой земли, ни глыбъ жировика, по которымъ проходилъ гіероглифическій лабиринтъ. Вездѣ одни утесы вулканическаго происхожденія, затвердѣлая лава, шлаки и сѣроватый пепелъ, а рыхлой земли не было даже столько, сколько нужно для произрастанія наименѣе требовательныхъ дикихъ растеній.

Съ большимъ трудомъ капитанъ Ленъ Гай, боцманъ и я взобрались на холмъ, и это заняло у насъ цѣлый часъ. По нашимъ часамъ, время подходило къ вечеру, но здѣсь это собственно не имѣло никакого существеннаго значенія, потому что солнце освѣщало еще круглыя

сутки эту часть Антарктиды. Съ вершины холма взоръ обнималъ пространство радіусомъ въ тридцать или въ тридцать-пять миль, и вотъ что представилось нашимъ глазамъ.

Назади разстилалось свободное море, по которому въ это время плыло множество такихъ же, какъ нашъ, айсберговъ; нѣкоторые изъ нихъ слѣдомъ за нами подошли къ берегу и окружили его почти непроходимою грядой.

На западѣ шла очень волнистая земля, конца которой не было видно и которую на востокѣ омывало безбрежное море.

Куда попали мы, — на большой островъ или же на антарктическій континентъ, — этого мы, конечно, пока не знали.

Впрочемъ, капитану, осматривавшему въ подзорную трубу восточную сторону горизонта, показалось, что онъ видитъ какъ бы какіе-то контуры, неопредѣленно вырисовывавшіеся надъ линіей воды.

— Смотрите, — сказалъ онъ.

Мы съ боцманомъ поочередно брали у него подзорную трубку и смотрѣли въ указанномъ направленіи.

— Мнѣ тоже кажется, — сказалъ Герлигерли, — что тамъ какъ будто тянется берегъ...

— И мнѣ тоже кажется, — отвѣчалъ я.

— Значитъ, мы и въ самомъ дѣлѣ плыли въ послѣднее время по проливу, по которому такъ быстро гнали насъ теченіе и вѣтеръ, — сказалъ капитанъ Ленъ Гай въ заключеніе.

— Это проливъ, — добавилъ боцманъ, — по которому теченіе проходитъ сначала съ сѣвера на югъ, а потомъ съ юга на сѣверъ...

— Этотъ проливъ, въ такомъ случаѣ, разрѣзаетъ пополамъ полярный континентъ? — спросилъ я.

— Въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакого сомнѣнія, — отвѣчалъ капитанъ Ленъ Гай.

— Ахъ! Если бы не погибъ нашъ „Гальбранъ“! — вскричалъ Герлигерли.

Да... на голетѣ, — да, даже и на этомъ айсбергѣ, который стоитъ теперь у берега, точно судно съ перебитымъ рангоутомъ, — мы могли бы проплыть еще нѣсколько сотъ миль... Добраться до сплошныхъ льдовъ... можетъ-быть, и до антарктическаго круга... а можетъ-быть, даже и до ближайшихъ къ нему земель!.. Но у насъ, вмѣсто всего этого, была одна только хрупкая лодка, въ которую съ трудомъ могло помѣститься двѣнадцать человѣкъ, а насъ было двадцать-три!..

Намъ не оставалось ничего другого, какъ спуститься съ горы, добраться до нашего лагеря, перенести палатки на побережье и заняться устройствомъ зимовника, такъ какъ, судя по всему, намъ придется, навѣрное, провести здѣсь зиму.

Несмотря на всѣ наши поиски, намъ пока не удалось открыть никакихъ признаковъ пребыванія людей, не только никакого селенія, но даже и слѣдовъ хотя бы временнаго лагеря. Мы могли съ увѣренностью сказать, что капитанъ и матросы съ „Джэнъ“ не приставали къ этой землѣ, къ этой „неизслѣдованной области“, какъ называютъ ее географы на новѣйшихъ картахъ. Къ этому я могу еще прибавить, что здѣсь нечего было искать не только ихъ, но и вообще людей, т. е. человѣче-

...Всѣ дружно принялись за работу... (Стр. 115.)

скихъ существъ, какъ не найти здѣсь и Дерку Питерсу своего бѣднаго Артура Пима!

Къ этому выводу можно было отчасти прійти еще и потому, какъ спокойно относились къ намъ единственные обитатели этой страны, представители животнаго царства, не выражавшіе ни малѣйшихъ признаковъ испуга при нашемъ приближеніи. Ни тюлени ни моржи не спѣшили искать спасенія въ водѣ, буревѣстники и бакланы не улетали отъ насъ, пингвины преспокойно продолжали стоять, выстроившись правильными рядами, и принимали насъ, по всей вѣроятности, за такихъ же пернатыхъ, только особенной породы. Да!.. Я увѣренъ, что всѣ эти птицы и животныя въ первый разъ видѣли такъ близко человѣка; а это, въ свою очередь, ясное доказательство, что ни животныя ни птицы никогда не покидали этой земли съ цѣлью проникнуть въ болѣе низкія широты.

Когда мы сошли къ берегу, боцманъ открылъ — и это доставило ему большое удовольствіе — нѣсколько довольно большихъ пещеръ въ гранитныхъ утесахъ, часть которыхъ мы рѣшили занять сами, а въ остальныя сложить грузъ съ „Гальбрана“. Какъ бы ни сложились обстоятельства впослѣдствіи, теперь мы не можемъ придумать ничего лучшаго, какъ сложить въ пещеры наше добро и заняться устройствомъ помѣщенія.

Взобравшись вверхъ по склонамъ айсберга до того мѣста, гдѣ стояли палатки, капитанъ Ленъ Гай приказалъ собраться къ нему всѣмъ безъ исключенія матросамъ. Всѣ оказались налицо, за исключеніемъ Дерка Питерса, который окончательно порвалъ всякія сношенія съ экипажемъ. Такое отчужденіе его не должно было, впрочемъ, особенно безпокоить насъ, собственно по отношенію къ тому, на чью сторону станетъ метисъ, въ случаѣ возмущенія. Онъ будетъ съ вѣрными противъ возмутившихся, и какъ бы ни сложились обстоятельства, мы смѣло могли разсчитывать на него.

Когда матросы собрались въ кружокъ, капитанъ Ленъ Гай просто и правдиво объяснилъ имъ наше положеніе, не выказывая при этомъ никакихъ признаковъ отчаянія или разочарованія. Говоря съ матросами, онъ подробно, шагъ за шагомъ разобралъ всѣ шансы за и противъ. Онъ объяснилъ имъ, почему именно необходимо, прежде всего, перенести грузъ на землю и приспособить подъ складъ одну изъ пещеръ на побережьи. А такъ какъ ихъ могъ и долженъ былъ непремѣнно интересовать вопросъ о пищѣ, онъ увѣрялъ ихъ, что жизненныхъ припасовъ, муки, мяса въ консервахъ, сушеной зелени — смѣло хватитъ на всю зиму, какъ бы долго ни тянулась она и какая бы ни была суровая. Затѣмъ вопросъ о топливѣ, по словамъ капитана, тоже разрѣшался удовлетворительно, и имъ нечего будетъ бояться, что угля не хватитъ, если расходовать его, конечно, экономно, потому что подъ снѣжнымъ ковромъ и ледянымъ покровомъ зимующіе могутъ не бояться большихъ холодовъ полярнаго пояса.

На оба эти очень важные вопросы капитанъ Ленъ Гай далъ такіе отвѣты, которые должны были разогнать всякое безпокойство. Можетъ-быть, онъ говорилъ слишкомъ самоувѣренно?.. Я, по крайней мѣрѣ, былъ совершенно противоположнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе, что Джимъ Вестъ подтвердилъ его слова.

Оставался еще третій вопросъ, — вопросъ очень важный, отвѣтить на который было очень затруднительно, и этотъ вопросъ, какъ бы нарочно, съ цѣлью вызвать извѣстное раздраженіе въ матросахъ, предложилъ не кто иной, какъ гарпунщикъ.

Капитану предстояло рѣшить, какъ поступить съ нашею единственною лодкой. Хранить ли ее въ пещерѣ, на всякій случай, или же воспользоваться ею для того, чтобы попытаться достигнуть сплошныхъ льдовъ?..

Капитанъ Ленъ Гай, видимо, не хотѣлъ давать окончательнаго отвѣта. Онъ ограничился тѣмъ, что попросилъ отложить рѣшеніе этого вопроса на сутки и самое большее на двое сутокъ. Приступая къ рѣшенію этого вопроса, мы непремѣнно должны были имѣть въ виду, что лодка, кромѣ необходимыхъ запасовъ провизіи на все время довольно продолжительнаго переѣзда, могла вмѣстить отъ одиннадцати до двѣнадцати человѣкъ. Поэтому мы должны прежде всего заняться устройствомъ помѣщенія для тѣхъ, которые останутся на этомъ побережьи, и затѣмъ уже, если признаютъ нужнымъ отправить лодку, выборъ пассажировъ для нея долженъ быть произведенъ по жребію.

При этомъ капитанъ Ленъ Гай объявилъ, что ни Джимъ Вестъ, ни боцманъ, ни я и ни онъ самъ не требуемъ для себя никакихъ исключеній и охотно подчинимся приговору судьбы. Старшіе матросы „Гальбрана“, Мартинъ Гольтъ и Гарди, оба вмѣстѣ и каждый порознь, могли провести лодку до ближайшихъ мѣстъ рыбной ловли, которыхъ китоловы, можетъ-быть, еще и не покидали.

Само собою разумѣется, что избранные жребіемъ счастливцы, конечно, не забудутъ своихъ товарищей, остающихся зимовать на этомъ побережьи подъ восемьдесятъ-шестой параллелью, и какъ только наступитъ лѣтній сезонъ — пришлютъ корабль за своими товарищами...

Все это было сказано, повторяю, голосомъ совершенно спокойнымъ и твердымъ. Я долженъ былъ отдать капитану Ленъ Гайю полную справедливость — онъ въ моихъ глазахъ какъ бы выросталъ, по мѣрѣ того, какъ дѣло становилось все серьезнѣе.

Когда онъ кончилъ говорить, — его не рискнулъ перебить даже Гирнъ, — никто не сдѣлалъ ни малѣйшаго замѣчанія. Да и что собственно можно было бы сказать ему, — если и придется намъ это рѣшать, то рѣшитъ за насъ судьба, роль которой сыграетъ жребій... А теперь, по-моему, намъ не о чемъ пока и говорить.

По окончаніи дневныхъ работъ всѣ возвратились въ лагерь, гдѣ каждый получилъ свою долю ужина, приготовленнаго Эндикотомъ, и затѣмъ въ послѣдній разъ легъ спать въ палаткѣ, разбитой на льду.

Деркъ Питерсъ такъ и не показывался, и я, при всемъ моемъ желаніи, не могъ даже найти его.

На слѣдующій день, 7-го февраля, всѣ дружно принялись за работу.

Погода стояла хорошая; вѣтеръ слабый; небо слегка туманное; температура очень сносная,— сорокъ-шесть градусовъ (7, 78° С. выше нуля).

Прежде всего осторожно спустили съ горы лодку къ основанію айсберга, а затѣмъ матросы на рукахъ перетащили ее на песчаный берегъ подальше отъ волнъ прибоя. Лодка была въ полномъ порядкѣ, и поэтому можно было надѣяться, что она еще сослужитъ намъ, при случаѣ, хорошую службу.

Затѣмъ боцманъ занялся переноской груза и различныхъ предметовъ, снятыхъ нами, на всякій случай, съ „Гальбрана“: мебель, койки, паруса, затѣмъ одежда, инструменты и всевозможныя корабельныя принадлежности. Въ пещерѣ намъ нечего уже будетъ бояться за цѣлость всего этого, — пещера не айсбергъ — не опрокинется, и наше добро не свалится въ воду. Ящики съ консервами, мѣшки съ мукой и овощами, боченки съ виномъ, виски, джиномъ и пивомъ тоже спустили съ горы и затѣмъ перетащили на побережье.

Я тоже помогалъ при этой работѣ, точно такъ же, какъ капитанъ Ленъ Гай и лейтенантъ, потому что это было такое дѣло, которое нельзя было откладывать ни на одну минуту.

Въ этотъ день, наконецъ-то, появился и Деркъ Питерсъ и дѣятельно сталъ помогать намъ; но онъ не сказалъ за весь день никому ни слова.

Отказался онъ, наконецъ, или нѣтъ отъ надежды разыскать своего бѣднаго Артура Пима?.. Я просто не зналъ, что и думать.

Дни 8, 9 и 10-го февраля всѣ были заняты устройствомъ новаго помѣщенія, и покончили съ этимъ только послѣ обѣда, на третій день. Грузъ мы сложили весь въ большую пещеру; эта пещера примыкала къ той пещерѣ, гдѣ мы должны были жить сами и въ которой, по совѣту боцмана, Эндикотъ установилъ свою плиту. Благодаря этому, печка во время топки, когда готовится кушанье, будетъ согрѣвать и всю нашу пещеру, въ продолженіе долгихъ дней, или скорѣе, долгой ночи южной зимы.

Уже 8-го февраля вечеромъ мы заняли эту пещеру съ сухими стѣнами, съ поломъ изъ мелкого песку, и въ которую притомъ проникало совершенно достаточно свѣта чрезъ входное отверстіе.

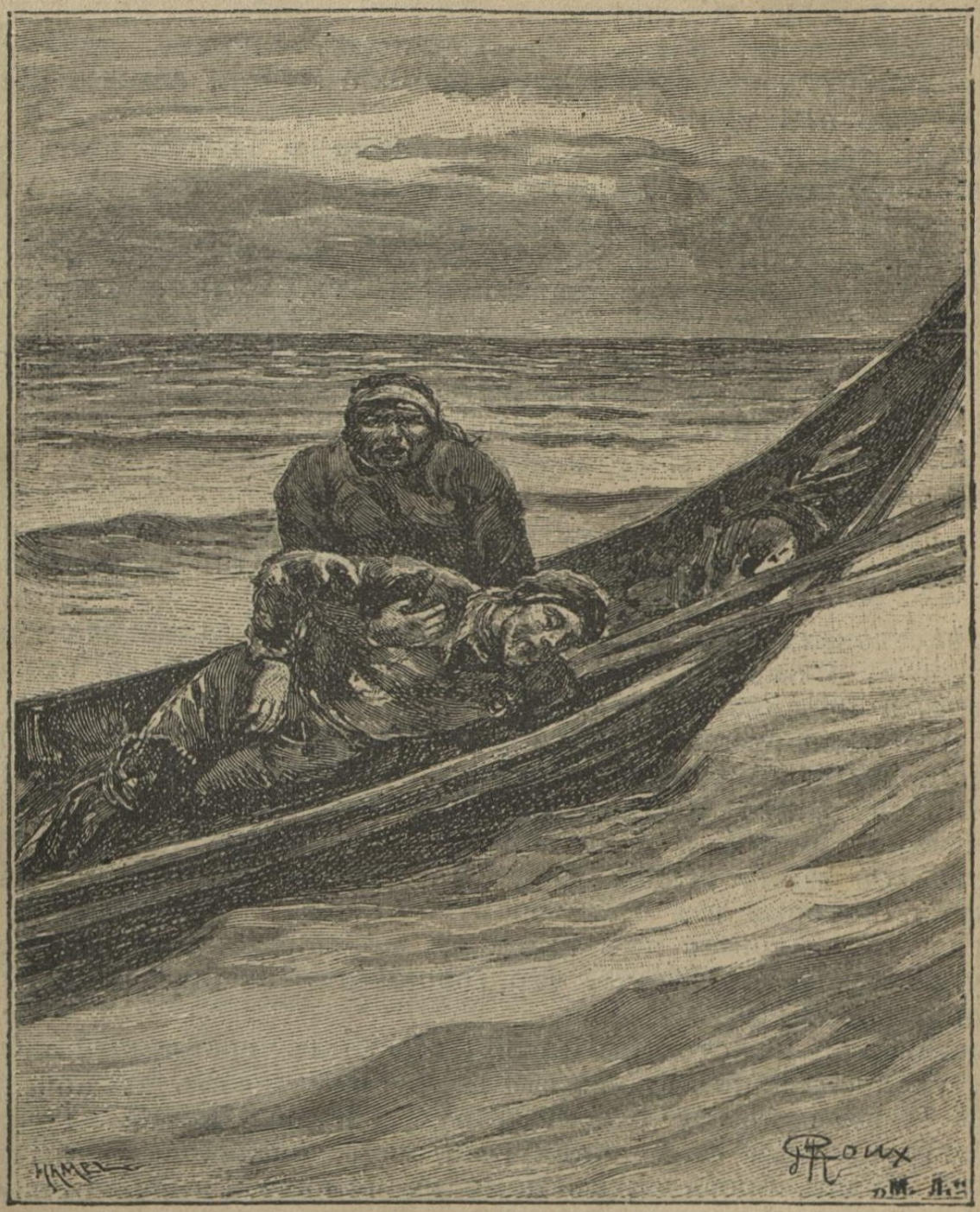
Хотя я и назвалъ нашу пещеру маленькой, но она, все-таки, была гораздо больше, чѣмъ такъ называемыя жилыя помѣщенія голета, и поэтому въ нее свободно помѣстились койки, мебель, столы, шкапы и стулья, словомъ — все, что удалось намъ спасти по этой части съ „Гальбрана“; но и этого было съ избыткомъ довольно для того, чтобы сносно устроиться на зиму.

Пока всѣ мы работали надъ устройствомъ пещеры, превращая ее въ помѣщеніе для зимовника, я не замѣтилъ ничего подозрительнаго въ манерахъ со стороны Гирна и его друзей фальклапдцевъ. Повинуясь дисциплинѣ, они всѣ безпрекословно исполняли приказанія старшихъ и даже проявляли при этомъ заслуживающее полной похвалы усердіе. Несмотря на это, метису, все-таки, поручено было караулить лежавшую на берегу лодку, овладѣть которой теперь было бы даже и очень легко.

Герлигерли, взявшій на себя спеціальную обязанность слѣдить за гарпунщикомъ, казался мнѣ тоже очень довольнымъ ихъ миролюбивымъ настроеніемъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а только мы не имѣли права на долго откладывать рѣшеніе вопроса о времени отправленія лодки — если только это признается всѣми нами необходимымъ — и поспѣшить выборомъ счастливцевъ, которыхъ должна была указать намъ судьба. Время бѣжитъ очень быстро, и теперь уже 10-е февраля. Еще мѣсяцъ или самое большее шесть недѣль, и рыболовная кампанія будетъ окончена въ прилегающихъ къ антарктическому кругу областяхъ. Иначе же, если

лодкѣ даже и удастся благополучно пробраться за сплошные льды и полярный кругъ къ тому времени, когда китоловы уйдутъ домой, мы или тѣ, которые попадутъ на нее, не могутъ разсчитывать сами добраться до береговъ Австраліи или Новой Зеландіи.



„Живъ! живъ! — крикнулъ Деркъ Питерсъ. . (Стр. 128.)

Вечеромъ капитанъ Ленъ Гай опять созвалъ матросовъ и объявилъ имъ, что вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ не позже, какъ на слѣдующій день, и при этомъ прибавилъ, что, если рѣшеніе состсится въ утвердительномъ смыслѣ, сейчасъ же приступятъ къ выбору счастливцевъ посредствомъ жребія.

Матросы выслушали капитана, не возразивъ ему ни однимъ словомъ, и, по моему мнѣнію, всѣ споры и возраженія, если только най-

дутся охотники спорить, начнутся завтра, когда будетъ рѣшаться вопросъ о томъ, отправлять лодку или нѣтъ.

Было уже очень поздно. Внутри пещеры было совсѣмъ темно, а снаружи царствовала полутьма, въ родѣ сумерекъ, потому что солнце на ночь опускалось уже къ самому горизонту, за которымъ оно должно было скоро и совсѣмъ исчезнуть.

Я бросился совсѣмъ одѣтый на свое ложе, и спалъ уже нѣсколько часовъ, какъ вдругъ меня разбудили громкіе крики, слышавшіеся гдѣ-то очень близко отъ меня.

Однимъ прыжкомъ вскочилъ я съ койки и затѣмъ выбѣжалъ изъ пещеры въ одно время съ лейтенантомъ и капитаномъ Ленъ Гайемъ, которыхъ также разбудили эти крики.

— Лодка... лодка!.. — закричалъ вдругъ Джимъ Вестъ.

Лодки не оказалось уже на томъ мѣстѣ, гдѣ ее стерегъ Деркъ Питерсъ.

Она была спущена на воду и въ ней сидѣли три человѣка, а цѣлый десятокъ другихъ боролся въ это время съ метисомъ.

Гирнъ, конечно, былъ здѣсь, а съ нимъ вмѣстѣ и Мартинъ Гольтъ который, какъ мнѣ, впрочемъ, казалось, не принималъ пока активнаго участія въ борьбѣ.

Итакъ, значитъ, эти несчастные рѣшились-таки овладѣть лодкой и уйти, не дожидаясь того, что скажетъ жребій!.. Они хотѣли насъ покинуть!..

Они дѣйствовали такъ ловко, что имъ удалось захватить врасплохъ Дерка Питерса, и они, навѣрное, убили бы сторожа, будь это кто-нибудь другой, а не силачъ метисъ.

Видя, что дѣло приняло оборотъ очень серьезный, и зная, что насъ гораздо меньше, чѣмъ бунтовщиковъ, а главное, не будучи вполнѣ увѣреннымъ въ томъ, кто именно изъ старыхъ матросовъ остался ему вѣренъ, капитанъ Ленъ Гай и лейтенантъ поспѣшили назадъ въ пещеру за оружіемъ, съ тѣмъ, чтобы вступить въ борьбу съ Гирномъ и его сообщниками, которые всѣ были вооружены.

Я хотѣлъ послѣдовать ихъ примѣру, но остался какъ прикованный къ своему мѣсту, услышавъ то, что говорилось въ эту минуту однимъ изъ бунтовщиковъ.

Мятежникамъ, на сторонѣ которыхъ былъ громадный численный перевѣсъ, удалось, наконецъ, справиться съ метисомъ и повалить его на землю. И вотъ въ ту самую минуту, когда Мартинъ Гольтъ, изъ чувства благодарности къ человѣку, которому онъ обязанъ былъ спасеніемъ своей жизни, бросился къ нему на помощь, Гирнъ крикнулъ ему:

— Оставь его... ѣдемъ съ нами!

Парусный старшина, видимо, колебался.

— Да... оставь его, — продолжалъ Гирнъ, — оставь Дерка Питерса... убійцу твоего брата Неда!..

— Убійцу моего брата!.. — вскричалъ Мартинъ Гольтъ.

— Да, твоего брата, убитаго на „Грампусѣ“...

— Убитаго... Деркомъ Питерсомъ!..

— Да!.. онъ убилъ его... и даже съѣлъ... съѣлъ... съѣлъ!.. — оралъ Гирнъ, какъ мнѣ кажется, нарочно старавшійся какъ можно громче произносить эти ужасныя слова.

Затѣмъ, по его знаку, двое матросовъ схватили Мартина Гольта и перенесли его въ лодку, которая стояла совсѣмъ готовая къ отплытію.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Гирнъ и самъ поспѣшилъ къ лодкѣ, гдѣ уже сидѣли всѣ тѣ, которыхъ ему удалось завербовать въ свою шайку.

Въ эту минуту Деркъ Питерсъ поднялся на ноги, прыжкомъ кинулся на одного изъ фальклендцевъ, уже шагавшаго черезъ планширъ лодки, поднялъ его на воздухъ одною рукой и, повертѣвъ надъ головой, разбилъ ему голову объ утесъ.

Въ то же мгновеніе раздался пистолетный выстрѣлъ... Метисъ, раненый въ плечо пулей Гирна, упалъ на землю; затѣмъ бѣглецы оттолкнули лодку отъ берега и направились въ открытое море.

Капитанъ Ленъ Гай и Джимъ Вестъ выходили въ это время изъ пещеры,— вся эта сцена продолжалась не дольше сорока секундъ,— и прибѣжали на оконечность стрѣлки одновременно съ боцманомъ, старшимъ конопатчикомъ Гарди и матросами Фрэнсисомъ и Стэрномъ.

Лодка, увлекаемая теченіемъ, находилась уже въ одномъ кабельтовѣ отъ берега, потому что отливъ быстро сбѣгалъ назадъ.

Джимъ Вестъ поднялъ ружье, прицѣлился и выстрѣлилъ: пуля угодила въ одного изъ матросовъ, который свалился на дно лодки. Второй выстрѣлъ, сдѣланный капитаномъ Ленъ Гайемъ, контузилъ въ грудь гарпунщика Гирна, а самая пуля ударилась въ береговые утесы. Бѣглецы въ это время усиленно работали веслами, и лодка очень скоро скрылась за айсбергомъ.

Намъ можно было еще перебраться на другую сторону оконечности стрѣлки, къ которой прибой долженъ былъ прибить безумцевъ раньше, чѣмъ имъ удастся выбраться въ открытое море и, пользуясь силой теченія, безпрепятственно плыть къ сѣверу. Если они пройдутъ близко отъ берега и кому-нибудь изъ насъ удастся вторымъ выстрѣломъ задѣть гарпунщика... если онъ при этомъ будетъ убитъ или даже только тяжело раненъ, очень возможно, что товарищи его измѣнятъ свое намѣреніе и рѣшатъ вернуться?..

Прошло четверть часа.

Когда лодка показалась по другую сторону оконечности стрѣлки, она находилась на такомъ разстояніи отъ берега, что выстрѣлы изъ нашихъ ружей не могли уже достать бѣглецовъ.

Гирнъ велѣлъ даже поднять парусъ и, подгоняемая одновременно и теченіемъ и вѣтромъ, лодка скоро стала казаться уже бѣлымъ пятномъ, а вслѣдъ за тѣмъ и совсѣмъ исчезла въ туманной дали.

ГЛАВА XIII.

Деркъ Питерсъ въ морѣ.

Вопросъ о зимовкѣ, такимъ образомъ, рѣшился самъ собой. Изъ тридцати-трехъ человѣкъ, отправившихся на „Гальбранѣ“ съ Фальклендовъ, двадцать-три благополучно добрались до этой земли, откуда тринадцать человѣкъ только что бѣжали, въ надеждѣ добраться до областей, посѣщаемыхъ китоловами, по ту сторону сплошныхъ льдовъ... Но они попали въ лодку не по жребію!.. Нѣтъ!.. Изъ страха, что счастье

будетъ противъ нихъ, они бѣжали, покинувъ своихъ товарищей на произволъ судьбы!

Мы больше всего жалѣли о томъ, что Гирну удалось привлечь на свою сторону не однихъ только фальклендцевъ. Двое изъ нашихъ, матросъ Берри и парусный старшина Мартинъ Гольтъ, присоединились къ нему. Мартинъ Гольтъ поступилъ такимъ образомъ, можетъ-быть, даже не совсѣмъ ясно отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ, потому что его должно было страшно поразить открытіе, сдѣланное въ послѣднюю минуту гарпунщикомъ!..

Въ общемъ же, бѣгство тринадцати человѣкъ нисколько не измѣняло положенія тѣхъ, которымъ судьбой было предназначено остаться здѣсь на зимовку. Насъ оставалось на берегу всего только девять человѣкъ: капитанъ Ленъ Гай, лейтенантъ Джимъ Вестъ, боцманъ Герли-герли, старшій конопатчикъ Гарди, поваръ Эндикотъ, двое матросовъ, Фрэнсисъ и Стэрнъ, Деркъ Питерсъ и я. Что ожидало насъ въ будущемъ? Какіе сюрпризы готовила намъ недалекая уже полярная зима!.. Какіе ужасные холода придется намъ переносить,— болѣе жестокіе, чѣмъ на какомъ бы то ни было другомъ пунктѣ земного шара!.. и при этомъ бороться еще со всѣми ужасами шестимѣсячной безпросвѣтной ночи!.. Теперь намъ, по-моему, нельзя себѣ даже и представить, сколько понадобится нравственной и физической энергіи для того, чтобы перенести, не предавшись отчаянью, все, что насъ ждало въ недалекомъ будущемъ!..

А между тѣмъ, если разобрать хорошенько, не въ лучшихъ условіяхъ, по-моему, должны находиться и покинувшіе насъ бѣглецы... Можно ли съ увѣренностью сказать, что море свободно до самой границы сплошныхъ льдовъ?.. Удастся ли имъ достигнуть антарктическаго круга?.. Затѣмъ, посчастливится ли имъ встрѣтить какого-нибудь изъ запоздалыхъ китолововъ?.. Хватитъ ли у нихъ, наконецъ, провизіи на все время этого продолжительнаго путешествія?.. Имъ предстоитъ совершить переѣздъ въ тысячу миль, а это вѣдь не шутка!.. Что могли захватить они съ собой въ лодку, въ которой, кромѣ того, должно было помѣститься еще тринадцать человѣкъ? Да... это еще вопросъ, кому грозитъ большая опасность — имъ или намъ?.. И отвѣтить на это можетъ только одно будущее!

Когда лодка скрылась вдали, капитанъ Ленъ Гай, а слѣдомъ за нимъ и мы всѣ направились обратно къ пещерѣ. Въ этой пещерѣ намъ придется провести если не всю, то большую часть зимы, когда никому изъ насъ, по всей вѣроятности, нельзя будетъ и носа показать наружу!

Я сейчасъ же вспомнилъ о Деркѣ Питерсѣ, который остался на противоположной сторонѣ стрѣлки, потому что его ранилъ выстрѣломъ изъ ружья Гирнъ.

Войдя въ пещеру, я, къ удивленію своему, не нашелъ тамъ метиса. Можетъ-быть, онъ опять раненъ?.. Неужели намъ придется оплакивать смерть этого человѣка, который былъ такъ же преданъ намъ, какъ и своему бѣдному Пиму?..

Я надѣялся, — мы всѣ надѣялись,— что его рана не представляла ничего серьезнаго. Но это, конечно, не исключало необходимости промыть ее хорошенько и перевязать, а тутъ вдругъ оказывается, что **Деркъ Питерсъ исчезъ.**

— Пойдемте искать его, мистеръ Джіорлингъ!.. — крикнулъ мнѣ боцманъ.

— Идемъ... — отвѣчалъ я.

— Пойдемте всѣ вмѣстѣ, — сказалъ капитанъ Ленъ Гай. — Деркъ Питерсъ изъ нашихъ... Онъ ни въ какомъ случаѣ не покинулъ бы насъ, не покинемъ его теперь и мы!

...Это была электрическая буря со снѣгомъ... (Стр. 143.)

— Согласится ли еще бѣдняга итти съ нами въ пещеру, — замѣтилъ я, послѣ того, какъ всѣ узнали эту тайну, которая, какъ я думалъ, извѣстна только ему да мнѣ?..

Дорогой я разсказалъ своимъ спутникамъ, почему въ разсказѣ Артура Пима имя Неда Гольта было измѣнено въ Паркера, а также и какимъ образомъ узналъ я эту тайну отъ самого метиса. При этомъ я, конечно,

не скупился на похвалы метису и защищалъ его, какъ только было возможно.

— Гирнъ, — объяснялъ я, — сказалъ, что Деркъ Питерсъ убилъ Неда Гольта!.. Да!.. Это правда!.. Недъ Гольтъ служилъ на „Грампусѣ“, и его братъ, Мартинъ Гольтъ, могъ предполагать, что онъ погибъ или во время возмущенія матросовъ, или во время кораблекрушенія. И оказалось, что онъ ошибается!.. Недъ Гольтъ не погибъ и уцѣлѣлъ вмѣстѣ съ Августомъ Барнардомъ, Артуромъ Пимомъ и метисомъ Деркомъ Питерсомъ, и вскорѣ послѣ этого имъ пришлось переживать страшныя муки голода... Наконецъ, дѣло дошло до того, что пришлось принести въ жертву одного изъ нихъ... того, кого изберетъ жребій... Неду Гольту не повезло... и онъ палъ отъ руки Дерка Питерса... Но, если бы жребій указалъ на метиса, нѣтъ сомнѣнія, что тогда уже не Гольтъ, а онъ былъ бы принесенъ въ жертву для утоленія голода остальныхъ!

Выслушавъ мой разсказъ, капитанъ Ленъ Гай сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе:

— Деркъ Питерсъ открылъ эту тайну только вамъ одному, мистеръ Джіорлингъ?..

— Да, одному мнѣ, капитанъ.

— И вы не говорили никому?..

— Никому.

— Тогда я представить себѣ не могу, какимъ образомъ могла эта тайна дойти до ушей Гирна...

— Сначала мнѣ приходило въ голову, — отвѣчалъ я, — что Деркъ Питерсъ могъ проговориться во снѣ и что гарпунщикъ только случайно узналъ эту тайну. Но затѣмъ я припомнилъ слѣдующее обстоятельство: когда метисъ описывалъ мнѣ кровавую драму, разыгравшуюся на „Грампусѣ“ и при этомъ сообщилъ мнѣ, что Паркеръ былъ не кто иной, какъ Недъ Гольтъ, онъ находился въ моей каютѣ, боковая рама которой была открыта... И вотъ я имѣю основаніе подозрѣвать, что нашъ разговоръ подслушалъ человѣкъ, стоявшій у руля... а человѣкъ этотъ былъ не кто иной, какъ Гирнъ, который для того, чтобы лучше слышать, отошелъ отъ штурвала, отчего и „Гальбранъ“ чуть-чуть не перевернулся...

— Я это помню, — сказалъ Джимъ Вестъ. — Я пробралъ тогда негодяя и засадилъ его въ трюмъ.

— Ну, такъ вотъ, капитанъ, — продолжалъ я, — съ этого дня Гирнъ еще больше сошелся съ Мартиномъ Гольтомъ; мнѣ говорилъ объ этомъ Герлигерли...

— Совершенно вѣрно, — перебилъ меня боцманъ, — потому что Гирнъ, хотя и мечталъ завладѣть лодкой, но не умѣлъ ею управлять, и поэтому постарался заручиться такимъ хорошимъ учителемъ, какъ Мартинъ Гольтъ...

— Да, и поэтому-то, — продолжалъ я, — онъ и совѣтовалъ такъ настойчиво Мартину Гольту разспросить метиса о судьбѣ брата; а затѣмъ вы уже и сами знаете, гдѣ и когда сообщилъ онъ ему эту ужасную тайну... Мартинъ Гольтъ точно обезумѣлъ, когда узналъ эту тайну... Тѣ воспользовались этимъ, и увлекли его... и теперь онъ съ ними!

Всѣ соглашались со мной, что все именно такъ и должно было произойти. Кромѣ того, теперь мы имѣли полное основаніе бояться

что Деркъ Питерсъ послѣ того, какъ его тайна стала извѣстна, долженъ былъ находиться въ такомъ мрачномъ настроеніи духа, что не нашелъ другого выхода, какъ скрыться отъ нашихъ глазъ?.. Согласится ли онъ, если мы его найдемъ, вернуться опять къ намъ?..

Мы всѣ вмѣстѣ вышли изъ пещеры, и не больше какъ черезъ часъ догнали метиса.

Какъ только онъ насъ увидѣлъ, первымъ его движеніемъ было бѣжать. Наконецъ, Герлигерли и Фрэнсису удалось нагнать его, и онъ какъ-то сразу смирился и покорно отдался намъ въ руки. Я первый заговорилъ съ нимъ, остальные послѣдовали моему примѣру; капитанъ Ленъ Гай протянулъ ему руку. Метисъ нѣкоторое время колебался ее взять. Затѣмъ, не произнося ни одного слова, онъ направился къ побережью. Съ этого дня никто изъ насъ уже ни разу не говорилъ съ нимъ о томъ, что произошло на „Грампусѣ".

Что касается раны Дерка Питерса, то объ ней нечего было особенно безпокоиться. Пуля задѣла только мускулы въ верхней части лѣвой руки, и онъ извлекъ ее изъ раны самъ, безъ посторонней помощи. На всякія случай, мы, все-таки, промыли ему рану и завязали кускомъ чистаго полотна; затѣмъ онъ надѣлъ свою голландку и со слѣдующаго же дня принялся за свои обычныя занятія, не чувствуя, повидимому, никакой боли въ рукѣ.

Устраиваясь въ пещерѣ, мы имѣли въ виду предстоящую зимовку, а зима уже приближалась и послѣдніе нѣсколько дней солнце едва просвѣчивало сквозь туманъ. Температура упала до тридцати-шести градусовъ (2, 22° С. выше нуля) и, какъ мы знали, должна была скоро еще понизиться. Солнечные лучи уже не грѣли, какъ прежде, а только освѣщали землю своими косыми лучами. Капитанъ Ленъ Гай велѣлъ намъ всѣмъ надѣть теплую шерстяную одежду, не дожидаясь, пока холодъ станетъ еще болѣе чувствительнымъ.

А въ это время айсберги, *packs*, *streams* продолжали плыть съ юга на сѣверъ все въ большемъ и большемъ количествѣ. Хотя нѣкоторые изъ нихъ еще и приставали къ берегу, уже и безъ того сильно загроможденному льдинами, но большая часть ихъ проносилась мимо въ сѣверо-восточномъ направленіи.

— Всѣ эти льдины, — сказалъ мнѣ боцманъ, — все это матеріалъ для сформированія сплошныхъ льдовъ. Если только лодка этого бездѣльника Гирна ихъ не опередитъ, я думаю, что и самъ онъ и его пріятели найдутъ дверь затворенной, а такъ какъ у нихъ не будетъ ключа, чтобы отворить ее...

— Значитъ, Герлигерли, — спросилъ я, — вы думаете, что мы подвергаемся меньшей опасности, оставаясь зимовать на этомъ берегу, чѣмъ если бы попали по жребію въ лодку?..

— Я это думалъ и раньше, мистеръ Джіорлингъ! — отвѣчалъ боцманъ. — А затѣмъ, знаете что?.. — добавилъ онъ, употребляя свою обычную формулу.

— Говорите, Герлигерли.

— Ну, такъ вотъ я думаю, что счастливцамъ, которые попали въ лодку, придется вынести гораздо больше, чѣмъ намъ, не попавшимъ въ нее, и хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, а только я, если бы жребій выпалъ на меня, я уступилъ бы свое право другому!.. Видите ли, по-мо-

ему, куда какъ лучше чувствовать твердую землю подъ ногами!.. И, хотя они и поступили съ нами предательски, какъ самые послѣдніе негодяи, я не желаю никому изъ нихъ смерти... Но, если только Гирну и его пріятелямъ не удастся пройти за сплошные льды, если имъ, чего Боже сохрани, придется зимовать среди льдовъ, не имѣя другихъ запасовъ, кромѣ тѣхъ, которые имъ удалось захватить, т. е. всего на нѣсколько недѣль, тогда вы и сами знаете, какая ждетъ ихъ участь!

— Да, хуже нашей! — отвѣчалъ я.

— Я прибавлю еще, — сказалъ боцманъ, — что имъ мало добраться только до антарктическаго пояса, и если китоловы уже покинули охотничьи области, то ихъ лодка, нагруженная и перегруженная до невозможности, не выдержитъ плаванія по океану до тѣхъ поръ, пока они не очутятся вблизи австралійскихъ земель!

То же самое думали и мы трое: я, капитанъ Ленъ Гай и Джимъ Вестъ. Лодка, можетъ-быть, и могла бы выдержать такое продолжительное путешествіе, если бы обстоятельства сложились особенно благопріятно, если бы въ ней сидѣло не тринадцать человѣкъ, а гораздо меньше, и если бы у нихъ имѣлось запасовъ провизіи и воды на нѣсколько мѣсяцевъ... Такъ ли оно обстояло у бѣглецовъ?.. Конечно, нѣтъ!

Въ продолженіе слѣдующихъ дней, 14, 15, 16 и 17-го февраля, мы доканчивали устройство помѣщеній, какъ для насъ самихъ, такъ и для храненія припасовъ.

Въ это же время мы успѣли сдѣлать нѣсколько экскурсій внутрь страны. Почва вездѣ была такая же сухая и каменистая, и на ней не росло ничего, кромѣ колючей индѣйской смоквы, которая покрывала почти все побережье.

Въ одну изъ нашихъ экскурсій, мы удалились мили за четыре отъ пещеры и подошли къ подошвѣ довольно отлогой горы, высота которой достигала отъ шести до семи сотъ туазовъ.

Въ этой экскурсіи принимали участіе капитанъ Ленъ Гай, лейтенантъ, матросъ Фрэнсисъ и я. Взойдя на верхушку горы, мы могли окинуть взоромъ еще болѣе широкій горизонтъ. Къ сѣверу и западу предъ нами развертывался тотъ же послѣдовательный рядъ оголенныхъ холмовъ съ усѣченными вершинами, а когда горы эти, покрытыя снѣгомъ, и всѣ неровности исчезнутъ подъ бѣлымъ пушистымъ ковромъ, тогда ихъ трудно будетъ даже и отличить отъ айсберговъ, застывшихъ на поверхности моря.

При этомъ, между прочимъ, оказалось, что мы не ошибались, предполагая, что берегъ тянется довольно далеко къ востоку: съ своего обсерваціоннаго пункта мы ясно видѣли въ подзорныя трубки даже самые отдаленные холмы и горы, озаренные косыми лучами солнца, клонившагося къ закату.

Континентъ это или островъ, — вотъ что хотѣлось намъ выяснить и узнать навѣрное?.. Но что бы это ни было, мы, во всякомъ случаѣ, съ увѣренностью могли сказать, что эта земля безплодная и не только необитаемая, но даже и непригодная для жизни человѣческихъ существъ.

А когда я мысленно вспоминалъ при этомъ островъ Тсалаль, черноземная почва котораго обладала столь необычайною силой растительности, когда я припоминалъ описаніе острова, сдѣланное Артуромъ Пи-

момъ, я не зналъ, что и думать. Это была такая печальная мѣстность, которую себѣ и представить нельзя было, не видѣвъ ея собственными глазами. А между тѣмъ, Тсалалійскій архипелагъ, расположенный почти подъ одною и тою же широтой, былъ плодороденъ и населенъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока землетрясеніе не уничтожило его почти совершенно.

Капитанъ Ленъ Гай въ этотъ день предложилъ намъ дать какое-нибудь географическое названіе этой странѣ, куда насъ принесъ айсбергъ. Мы, съ общаго согласія, назвали ее „Гальбранъ-Лэндъ", въ память нашего голета. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для того, чтобы лучше запомнить отдѣльные пункты, мы дали имя „Джэнъ-Зундъ" проливу, раздѣлявшему обѣ части полярнаго континента.

Покончивъ съ осмотромъ окрестностей и устройствомъ зимовника, мы занялись охотой на пингвиновъ, кишмя кишѣвшихъ на утесахъ, и, кромѣ того, охотились также и на земноводныхъ, выходившихъ изъ воды отдыхать на берегъ. Потребность въ свѣжемъ мясѣ давала-таки себя чувствовать. Приготовленное Эндикотомъ мясо тюленя и моржа показалось намъ вполнѣ сноснымъ. Кромѣ того, моржовый и тюленій жиръ могъ, въ крайнемъ случаѣ, замѣнить собою каменный уголь, такъ какъ это, въ сущности, прекрасный горючій матеріалъ. Дѣлая приготовленія къ зимѣ, мы должны прежде всего помнить, что самымъ страшнымъ врагомъ нашимъ будетъ холодъ, и для борьбы съ нимъ мы должны употребить всѣ средства, какія только окажутся въ нашемъ распоряженіи. Поэтому намъ необходимо также какъ-нибудь выяснить себѣ, не уйдутъ ли эти земноводныя животныя при наступленіи зимы въ области съ менѣе суровымъ климатомъ подъ болѣе низкими широтами...

Къ счастью для насъ, тутъ водились еще цѣлыя сотни другихъ животныхъ, которыя сами по себѣ могли бы доставить не только запасъ необходимой пищи, но даже и воду, если бы въ ней почему-нибудь оказался недостатокъ. По побережью ползало множество большихъ черепахъ — *galapagos*. По всей вѣроятности, эти черепахи были одного и того же вида съ тѣми, о которыхъ говоритъ въ своемъ дневникѣ Артуръ Пимъ.

Артуръ Пимъ довольно остроумно сравнилъ черепахъ антарктическаго пояса съ одногорбыми верблюдами, основываясь на томъ, что черепахи эти, подобно верблюдамъ, имѣютъ у зачатка шеи мѣшокъ, вмѣстимостью отъ двухъ до трехъ галлоновъ, наполненный свѣжею, прѣсною водой. По его словамъ, передъ тѣмъ, какъ вынимать жребій соломинками, онъ и его товарищъ съ „Грампуса" были обязаны одному изъ этихъ животныхъ тѣмъ, что не умерли отъ жажды и голода. Затѣмъ онъ увѣряетъ еще, что будто бы существуютъ такія черепахи, которыя вѣсятъ отъ тысячи двухсотъ до тысячи пятисотъ фунтовъ. Хотя черепахи Гальбранъ-Лэнда въ среднемъ вѣсили не больше семисотъ-восьмисотъ фунтовъ, этотъ недостатокъ не оказывалъ никакого вліянія на ихъ мясо, которое было и очень питательно и очень вкусно.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что зима была уже недалеко и что мы должны были провести ее меньше, чѣмъ въ пяти градусахъ отъ полюса, наше положеніе, какъ бы сурова ни была эта зима, не казалось намъ вовсе такимъ печальнымъ, чтобы повергнуть въ отчаяніе

мужественныхъ людей. Единственный вопросъ, который насъ занималъ — надо сказать правду, очень серьезный, — это вопросъ о томъ, какъ намъ выбраться изъ этихъ мѣстъ при наступленіи лѣта. Чтобы удовлетворительно рѣшить этотъ вопросъ, нужно было, во-первыхъ, чтобы нашимъ товарищамъ, бѣжавшимъ отъ насъ въ лодкѣ, удалось вернуться на родину; во-вторыхъ, чтобы они приняли мѣры снарядить судно на поиски за нами. Что касается послѣдняго, то мы могли надѣяться, что Мартинъ Гольтъ насъ не забудетъ. Но удастся ли его товарищамъ и ему самому встрѣтить какого-нибудь китолова и съ его помощью добраться до ближайшихъ земель Тихаго океана?.. И потомъ, кто знаетъ, какое еще будетъ лѣто и можно ли будетъ судну, которое отправится насъ разыскивать, проникнуть такъ далеко по морямъ Антарктиды?..

Мы довольно часто обсуждали эти вопросы, собираясь вмѣстѣ въ часы досуга. Изъ всѣхъ насъ одинъ только боцманъ все такъ же смѣло и весело продолжалъ смотрѣть въ глаза будущему, которое казалось ему въ самомъ радужномъ цвѣтѣ. Чернокожій поваръ Эндикотъ подражалъ своему другу и, поглощенный своими кулинарными заботами, такъ же спокойно стряпалъ, какъ если бы стоялъ предъ очагомъ „Зеленаго Баклана“. Матросы Стэрнъ и Фрэнсисъ слушали только наши бесѣды, не вмѣшиваясь ни однимъ словомъ, и кто знаетъ, можетъ-быть, въ душѣ они жалѣли о томъ, что не отправились вмѣстѣ съ Гирномъ и его единомышленниками!.. Что же касается нашего старшаго конопатчика Гарди, то онъ безропотно покорился своей участи и терпѣливо ждалъ, чѣмъ подаритъ его судьба, не предрѣшая самъ, что можетъ произойти черезъ пять или шесть мѣсяцевъ.

Капитанъ Ленъ Гай и лейтенантъ, какъ это, впрочемъ, бывало и всегда, сходились во мнѣніяхъ и строили одни и тѣ же планы. Они рѣшили, что сдѣлаютъ все, что только будетъ возможно, для спасенія въ минуту опасности и примутъ всѣ необходимыя мѣры предосторожности. Они мало надѣялись на то, что лодкѣ бѣглецовъ удастся достигнуть желаемой цѣли, и, очень возможно, подумывали даже попытаться инымъ способомъ проникнуть къ сѣверу, пѣшкомъ по ледянымъ полямъ, и я увѣренъ, что если бы они спросили, не имѣемъ ли мы чего-нибудь противъ этого проекта, мы всѣ, не колеблясь, послѣдовали бы за ними. Но теперь, конечно, еще рано не только говорить, но и серьезно думать объ этомъ, и у насъ будетъ еще на это время, когда океанъ покроется льдомъ до предѣловъ антарктическаго круга.

Такъ незамѣтно и въ то же время однообразно тянулся день за днемъ, и, повидимому, не было основаній ожидать, чтобы скоро произошли какія-нибудь перемѣны, какъ вдругъ 17-го февраля произошло событіе, не предвидѣнное нами, но предусмотрѣнное Провидѣніемъ, сказалъ бы я, а такъ же и тѣ, кто вѣритъ, что Провидѣніе неустанно печется о насъ.

Случилось это въ восемь часовъ утра. Погода стояла тихая, небо чистое, термометръ показывалъ тридцать-два градуса по Фаренгейту (нуль по Цельзію).

Мы всѣ, за исключеніемъ боцмана, находились въ пещерѣ и, собираясь приняться за завтракъ, который только что снялъ съ плиты Эндикотъ, уже садились за столъ, какъ вдругъ услышали призывный крикъ снаружи.

Звать насъ могъ одинъ только Герлигерли, а такъ какъ призывный крикъ повторился, мы бѣгомъ выскочили изъ пещеры.

— Идите... идите скорѣй!.. — крикнулъ боцманъ, завидѣвъ насъ.

Самъ онъ въ это время стоялъ на утесѣ у подошвы небольшой горы на Гальбранъ-Лэндѣ и указывалъ рукой на море.

— Что тамъ такое? — спросилъ капитанъ Ленъ Гай.

— Лодка.

— Лодка?.. — вскрикнулъ я.

— Уже не наша ли эта лодка возвращается назадъ? — спросилъ капитанъ Ленъ Гай.

— Нѣтъ... это не она! — отвѣчалъ Джимъ Вестъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какое-то гребное судно, по конструкціи и размѣрамъ совсѣмъ не похожее на похищенную лодку съ нашего голета, медленно плыло по вѣтру безъ веселъ и гребковъ.

Можно было подумать, что оно было покинуто на произволъ судьбы...

У насъ мелькнула одна и та же мысль — овладѣть во что бы то ни стало этою лодкой, на которой впослѣдствіи намъ, можетъ-быть, и удастся выбраться отсюда... Но какъ добраться до этой лодки, какъ затѣмъ пригнать ее къ стрѣлкѣ Гальбранъ-Лэнда?.

Лодка была всего въ одной милѣ отъ берега и меньше, чѣмъ черезъ двадцать минутъ, она будетъ уже на траверсѣ небольшой горы, затѣмъ минуетъ ее, потому что въ этомъ мѣстѣ не было водоворота, который могъ бы задержать ее, а еще черезъ двадцать минутъ она и совсѣмъ скроется изъ глазъ...

И вотъ мы стояли, смотря на лодку, продолжавшую плыть по теченію, не приближаясь къ берегу, и, повидимому, теченіе ее какъ будто бы даже относило дальше и дальше отъ насъ.

Вдругъ послышался всплескъ воды, точно въ море упало какое-то тѣло.

Это былъ Деркъ Питерсъ. Онъ снялъ съ себя одежду и кинулся въ воду съ вершины утеса, а когда мы его увидѣли, онъ былъ уже въ разстояніи десяти брасовъ отъ берега и плылъ по направленію къ лодкѣ.

Мы привѣтствовали его громкимъ „ура“.

Метисъ оглянулся назадъ и затѣмъ прыжками, съ поразительною быстротой, устремился впередъ. Я никогда въ своей жизни не видалъ ничего подобнаго: это былъ не человѣкъ, а рыба, попавшая съ суши въ свою родную стихію.

Удастся ли Дерку Питерсу достигнуть лодки раньше, чѣмъ теченіе отнесетъ ее къ сѣверо-востоку?..

А затѣмъ, если онъ даже и догонитъ лодку, удастся ли ему, безъ руля и веселъ, пригнать ее къ берегу, отъ котораго она все удалялась, слѣдуя тѣмъ же путемъ, какимъ проносилось мимо и большинство айсберговъ?..

Прокричавъ свое „ура“, мы неподвижно стояли на берегу и слѣдили глазами за каждымъ движеніемъ метиса... Нечего, конечно, и говорить, какъ мы всѣ были взволнованы, какъ трепетно билось у каждаго изъ насъ сердце въ груди. Одинъ только боцманъ остался вѣренъ себѣ и по временамъ кричалъ метису:

— Смѣлѣй... Деркъ... работай!

Въ нѣсколько минутъ метисъ проплылъ нѣсколько кабельтововъ, подвигаясь наперерѣзъ къ лодкѣ. Голова его виднѣлась только какъ черная точка на поверхности длинныхъ валовъ. Пока въ немъ не замѣтно было никакихъ признаковъ усталости. Его руки и ноги методически разсѣкали воду, и онъ продолжалъ плыть все такъ же быстро, работая всѣми четырьмя своими могучими двигателями.

Да!.. Теперь мы уже не сомнѣвались въ томъ, что Деркъ Питерсъ догонитъ лодку... Насъ пугало только, какъ бы теченіе не унесло его вмѣстѣ съ лодкой, если только у него не хватитъ силы — а это былъ геркулесъ въ полномъ смыслѣ этого слова — на то, чтобы, плывя обратно, тащить за собой и лодку на буксирѣ?..

— Но кто намъ сказалъ, что въ этой лодкѣ нѣтъ ни одного весла?— замѣтилъ боцманъ.

Это мы узнаемъ, когда Деркъ Питерсъ догонитъ лодку, а ему необходимо сдѣлать это не позже, какъ черезъ нѣсколько минутъ, потому что иначе лодка пройдетъ мимо него.

— На всякій случай, — предложилъ Джимъ Вестъ, — сойдемте пониже... Если лодка и пристанетъ сама къ берегу, то, во всякомъ случаѣ, значительно ниже горы.

— Поймалъ... поймалъ!.. Ура... Деркъ... ура!.. — закричалъ боцманъ, не въ силахъ будучи сдержать чувство охватившей его радости; Эндикотъ, конечно, не замедлилъ присоединить и свой голосъ.

Метисъ подплылъ къ лодкѣ и, схватившись рукой за бортъ, наклонивъ ее при этомъ сильно на свою сторону, перелѣзъ черезъ планширъ и сѣлъ на лавочку перевести духъ.

Почти тотчасъ же до насъ донесся пронзительный крикъ, который издалъ Деркъ Питерсъ...

Что такое онъ нашелъ на днѣ этой лодки?.. Онъ нашелъ гребки, и мы увидѣли съ берега, какъ онъ усѣлся на носу и, работая изо всей силы, старался выбиться изъ теченія, направляясь къ берегу.

— Идемъ! — сказалъ капитанъ Ленъ Гай.

Мы всѣ молча послѣдовали за капитаномъ, а затѣмъ, обогнувъ подошву горы, пустились бѣжать къ берегу, прыгая между черноватыми камнями, которыми оно все было усѣяно.

Въ трехъ или четырехъ стахъ туазахъ отъ берега, лейтенантъ крикнулъ намъ остановиться. Дѣло въ томъ, что лодка подходила къ маленькой стрѣлкѣ, далеко выдававшейся въ море въ этомъ мѣстѣ, и сейчасъ сама должна была пристать къ берегу.

Она была уже не больше, какъ въ пяти или шести кабельтовахъ, и прибоемъ быстро гнало ее впередъ; въ это время Деркъ Питерсъ, бросивъ гребки, нагнулся къ кормѣ и затѣмъ выпрямился, держа въ рукахъ неподвижное тѣло.

Какой отчаянный вопль раздался въ ту же минуту!..

— Мой братъ!.. Мой братъ!..

Ленъ Гай узналъ своего брата Уилльяма Гайя въ этомъ безжизненномъ тѣлѣ, которое показывалъ намъ метисъ.

— Живъ... живъ!.. — крикнулъ Деркъ Питерсъ.

Минуту спустя, лодка подошла къ берегу, и капитанъ Ленъ Гай сжималъ въ объятіяхъ своего брата...

...дяной сфинксъ... (Стр. 146.)

Трое остальныхъ его спутниковъ лежали какъ мертвые на днѣ лодки...

Эти четверо людей было все, что осталось отъ экипажа „Джэнъ“!

ГЛАВА XIV.

Исторія жизни за одиннадцать лѣтъ, разсказанная на нѣсколькихъ страницахъ.

Самое названіе этой главы указываетъ на то, что въ ней въ короткихъ словахъ будутъ описаны приключенія Уилльяма Гайя и его товарищей, начиная съ того дня, какъ сами они попали въ западню, устроенную туземцами на островѣ Тсалаль, а ихъ голетъ, подожженный дикарями, взлетѣлъ на воздухъ, уничтоживъ при этомъ цѣлыя тысячи атакующихъ.

Какъ только прошла первая минута оцѣпенѣнія, мы перенесли въ пещеру Уилльяма Гайя и бывшихъ съ нимъ въ лодкѣ троихъ матросовъ — Тринкля, Робертса и Ковэна, гдѣ очень скоро намъ удалось привести ихъ въ сознаніе. Какъ мы и думали, эти несчастные дошли до такого ужаснаго состоянія только вслѣдствіе полнаго истощенія силъ: голодъ и только одинъ голодъ былъ виновникомъ того, что они лежали въ лодкѣ какъ мертвые.

Нѣсколько чашекъ горячаго чаю съ прибавленіемъ виски и сравнительно очень небольшое количество пищи, спеціально для этого приготовленной Эндикотомъ, лучше всякихъ лѣкарствъ возстановили ихъ упавшія силы.

Я не стану долго останавливаться на описаніи трогательной сцены, потрясшей насъ до глубины души, когда Уилльямъ узналъ своего брата Ленъ Гайя. Слезы застилали глаза, какъ туманомъ, а губы шептали въ то же время благодарственную молитву Провидѣнію. Въ эти торжественныя минуты мы точно забыли, что находимся въ пещерѣ на берегу какой-то отдаленной антарктической земли; мы не думали о томъ, что насъ ждетъ впереди, и всецѣло отдались настоящему... Впрочемъ, кто знаетъ, можетъ-быть, участь наша еще и измѣнится къ лучшему, благодаря прибытію этой лодки къ берегамъ Гальбранъ-Лэнда?..

Прежде чѣмъ Уилльямъ Гай приступилъ къ описанію своихъ приключеній за эти одиннадцать лѣтъ, мы въ короткихъ словахъ разсказали ему, какимъ образомъ сами мы попали на это побережье. Онъ узналъ отъ насъ все, что его могло интересовать и что ему такъ хотѣлось узнать, — встрѣчу съ трупомъ Паттерсона, плаваніе нашего голета до острова Тсалаль, отъѣздъ оттуда къ южному полюсу, гибель голета, свалившагося съ айсберга, и, наконецъ, измѣну части экипажа, покинувшей насъ на этой землѣ.

Разсказали мы ему также и то, что было извѣстно Дерку Питерсу относительно Артура Пима, а также сообщили ему, на чемъ именно основывалъ метисъ надежду разыскать своего товарища, котораго Уилльямъ Гай, какъ и большинство изъ насъ, считалъ давнымъ-давно умершимъ. Выслушавъ нашъ разсказъ, Уилльямъ Гай отвѣтилъ намъ краткимъ очеркомъ жизни въ теченіе одиннадцати лѣтъ, проведенныхъ имъ на островѣ Тсалаль.

Передъ отъѣздомъ съ острова Тсалаль, экипажъ „Джэнъ“ 8-го февраля 1828 года, не имѣя никакихъ основаній подозрѣвать въ дурныхъ умыслахъ населеніе острова Тсалаль и начальника Ту-Уита, сошелъ на берегъ, съ намѣреніемъ посѣтить еще разъ деревушку Клокъ-Клокъ; при этомъ, на всякій случай, капитанъ принялъ мѣры, которыя считалъ необходимыми для защиты голета отъ нападенія, и оставилъ охранять его шесть человѣкъ.

Остальной экипажъ—въ томъ числѣ—капитанъ Уилльямъ, лейтенантъ Паттерсонъ, Артуръ Пимъ и Деркъ Питерсъ, составилъ отрядъ въ тридцать-два человѣка, вооруженныхъ ружьями, пистолетами и ножами. Съ ними же отправилась и собака Артура Пима, Тигръ.

Дойдя до узкаго ущелья передъ входомъ въ деревню, Артуръ Пимъ, Деркъ Питерсъ и матросъ Алленъ случайно отдѣлились отъ нихъ. Съ этой минуты имъ не пришлось уже видѣться ни съ кѣмъ изъ остальныхъ своихъ товарищей.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого произошло страшное сотрясеніе почвы. При этомъ холмъ сразу рухнулъ и похоронилъ подъ собой Уилльяма Гайя и бывшихъ съ нимъ двадцать восемь человѣкъ.

Изъ этихъ несчастныхъ четверо оказались раздавленными на смерть, и товарищамъ не удалось послѣ даже найти ихъ трупы подъ массой обрушившейся на нихъ земли.

Въ концѣ концовъ, оказалось, что спастись отъ смерти удалось только всего семи человѣкамъ, какимъ-то чудомъ не засыпаннымъ обваломъ. Эти счастливцы были — Уилльямъ Гай, Паттерсонъ, Робертсъ, Ковэнъ, Тринкль и затѣмъ еще Форбсъ и Лекстонъ, впослѣдствіи умершіе. Что же касается Тигра, то его не оказалось нигдѣ поблизости, и они не знали — погибъ онъ или нѣтъ.

Уилльямъ Гай и шестеро спасшихся вмѣстѣ съ нимъ людей не могли, конечно, долго оставаться въ своемъ убѣжищѣ, гдѣ прежде всего началъ ощущаться недостатокъ воздуха. Какъ и Артуръ Пимъ, они думали сначала, что катастрофа произошла вслѣдствіе землетрясенія. Но, конечно, скоро и они должны были узнать, что ущелье было засыпано болѣе, чѣмъ милліонами тоннъ земли и камня только потому, что обвалъ холмовъ былъ искусственно подготовленъ Ту-Уитомъ и обитателями острова Тсалаль. Какъ и Артуру Пиму, имъ тоже надо было какъ можно скорѣе выбраться изъ своего убѣжища, гдѣ они буквально задыхались отъ недостатка воздуха и отъ испареній сырой земли.

Но какъ въ лѣвомъ холмѣ, такъ и въ правомъ существовали лабиринты, и вотъ, пробираясь ползкомъ по этимъ узкимъ и темнымъ проходамъ, Уилльямъ Гай, Паттерсонъ и матросы достигли, наконецъ, такого мѣста, куда проникали и свѣтъ и воздухъ...

Изъ этого новаго убѣжища они видѣли нападеніе на „Джэнъ“ около шестидесяти пирогъ, отчаянную защиту оставшихся на голетѣ матросовъ; видѣли, какъ мортиры изрыгали ядра и картечь, какъ затѣмъ дикари взобрались на палубу и подожгли голетъ, который взлетѣлъ на воздухъ вслѣдствіе взрыва крюйтъ-камеры...

Ту-Уитъ и тсалалійцы были сначала очень испуганы страшнымъ дѣйствіемъ взрыва, а затѣмъ, когда первыя минуты испуга прошли, наступило разочарованіе обманутыхъ надеждъ. Ихъ грабительскіе инстинкты не могли быть удовлетворены, потому что отъ голета и нахо-

дившагося на немъ груза ничего не осталось, и только однѣ щепки плавали тамъ и сямъ по водѣ. А такъ какъ они были убѣждены, что весь остальной экипажъ погибъ во время обвала холмовъ, имъ даже и въ голову не пришло осмотрѣть мѣсто катастрофы. Благодаря этому обстоятельству, Артуръ Пимъ и Деркъ Питерсъ, съ одной стороны, и Уилльямъ Гай и бывшіе съ нимъ матросы, съ другой, могли, не боясь преслѣдованія, какъ хотѣли долго жить на днѣ лабиринтовъ Клокъ-Клока, гдѣ они питались мясомъ вышей, которыхъ нетрудно было ловить просто руками, и орѣхами, росшими по склонамъ холма. Что же касается огня, то они добывали его треніемъ одного куска дерева о другой.

Наконецъ, послѣ семидневнаго заключенія Артуру Пиму и метису удалось, какъ извѣстно, выбраться изъ тайника, спуститься къ берегу, овладѣть лодкой и затѣмъ бѣжать съ острова Тсалаль... Зато Уилльяму Гайю и его товарищамъ такой случай представился только много лѣтъ спустя.

Черезъ три недѣли послѣ этого капитанъ „Джэнъ“ и его товарищи, все еще скрывавшіеся въ лабиринтѣ, съ ужасомъ стали замѣчать, что не далека уже та минута, когда скоро не останется почти ни одной изъ тѣхъ птицъ, мясомъ которыхъ они, главнымъ образомъ, и питались. Имъ нечего было бояться мученій жажды, потому что въ ущельѣ, гдѣ они скрывались, былъ небольшой ключъ, доставлявшій свѣжую прозрачную воду; зато они рисковали умереть отъ голода, если положеніе ихъ не измѣнится къ лучшему.

Однажды, — это было 22-го февраля, — раннимъ утромъ Уилльямъ Гай и Паттерсонъ, стоя у отверстія пещеры, выходившей въ поле, обсуждали свое безысходное положеніе и тщетно искали какой-нибудь выходъ изъ него. Они придумать не могли, гдѣ и какъ раздобыться имъ пищей для семи человѣкъ, которые дошли до того, что должны питаться исключительно одними только орѣхами, а эта неудобоваримая и малопитательная пища вызывала жестокія желудочныя страданія. Изъ своего убѣжища они, правда, видѣли толстыхъ черепахъ, ползавшихъ по берегу, но, конечно, и думать не могли попытаться поймать хотя бы одну изъ нихъ, потому что туземцы цѣлыми сотнями бродили по берегу, испуская во время работы свой всегдашній крикъ: *текели-ли*.

Вдругъ вся эта толпа дикарей пришла въ необычайное волненіе. Мужчины, женщины и дѣти разсыпались во всѣ стороны. Нѣсколько дикарей даже бросились въ свои лодки, точно имъ грозила ужасная опасность...

Что же такое случилось?..

Уилльямъ Гай и его товарищи скоро узнали причину, вызвавшую такую суматоху на побережьѣ. На берегу неожиданно появилось какое-то четвероногое животное и, бросившись въ толпу островитянъ, съ остервенѣніемъ принялось ихъ кусать; при этомъ животное съ хриплымъ лаемъ, похожимъ скорѣй на вой, яростно бросалось на свою жертву и старалось схватить ее за горло.

А между тѣмъ, это страшное животное было не велико и его легко можно было бы убить не только стрѣлами, но даже и камнями... Почему же, въ такомъ случаѣ, обращались въ бѣгство цѣлыя сотни дикарей съ громкими криками ужаса? Почему — такъ казалось англича-

намъ — не хотѣли и не смѣли они защищаться отъ нападеній этого свирѣпаго животнаго?..

Животное это было покрыто шерстью бѣлаго цвѣта, и, какъ думали англичане, этотъ-то цвѣтъ и пугалъ именно дикарей, которые метались по берегу, какъ стадо испуганыхъ барановъ... Трудно представить себѣ, какъ были испуганы дикари и съ какимъ выраженіемъ ужаса на лицахъ испускали они вмѣстѣ съ обычнымъ *текели-ли*, крики *анамоо-моо* и *лама-лама*.

Какъ же удивились Уилльямъ Гай и его спутники, когда они разсмотрѣли, что наводившее такой страхъ на туземцевъ животное былъ Тигръ, собака Артура Пима...

Да! Тигръ, который тоже не погибъ во время обвала холма и бѣжалъ внутрь острова... Пробродивъ въ окрестностяхъ Клокъ-Клока нѣсколько дней, онъ, наконецъ, случайно попалъ на побережье и бросился на дикарей, которые въ страхѣ искали спасенія отъ него въ бѣгствѣ...

Бѣдный Тигръ, вслѣдствіе мученій жажды, испыталъ уже разъ приступы водобоязни въ трюмѣ „Грампуса“... А теперь, можетъ-быть, по той же причинѣ, онъ и совсѣмъ взбѣсился... Да! взбѣсился и бросался на всѣхъ, кто ни попадался ему на пути...

Большинство тсалалійцевъ искали спасенія съ бѣгствѣ, слѣдуя, впрочемъ, только примѣру своего начальника Ту-Уита и вампосовъ или старшинъ селенія Клокъ-Клока!.. Въ припадкѣ безумнаго страха всѣ они бѣжали съ острова съ тѣмъ, чтобы никогда больше не возвращаться!..

Несмотря на то, что у берега стояло вполнѣ достаточное число лодокъ для того, чтобы могло переѣхать на нихъ даже и все населеніе на сосѣдніе острова, многія сотни туземцевъ не попали въ суматохѣ въ лодки и должны были остаться на островѣ Тсалаль. А такъ какъ Тигръ успѣлъ, все-таки, перекусать очень многихъ, то вскорѣ среди оставшагося населенія появились случаи заболѣванія бѣшенствомъ... И вотъ тогда-то — никакими словами нельзя описать весь ужасъ этого зрѣлища — заболѣвшіе бѣшенствомъ дикари набросились на своихъ еще незараженныхъ смертельнымъ ядомъ товарищей и принялись ихъ грызть зубами, распространяя заразу, а съ ней вмѣстѣ и смерть... Кости, которыя нашли мы вблизи Клокъ-Клока, были костями дикарей, умершихъ отъ водобоязни, и цѣлыя одиннадцать лѣтъ лежали уже на этомъ мѣстѣ!..

Что же касается несчастнаго Тигра, то, чувствуя приближеніе смерти, онъ удалился въ тотъ уголокъ на побережьи, гдѣ Деркъ Питерсъ нашелъ его кости и ошейникъ, на которомъ было вырѣзано имя Артура Пима...

Вотъ настоящая причина, почему населеніе Клокъ-Клока покинуло одиннадцать лѣтъ тому назадъ островъ Тсалаль, и бѣжало искать счастья на сосѣдніе юго-западные острова архипелага!..

Затѣмъ уже, послѣ того, какъ погибли до послѣдняго отъ бѣшенства туземцы, которымъ не удалось бѣжать съ острова, Уилльямъ Гай, Паттерсонъ, Тринкль, Ковэнъ, Робертсъ, Форбсъ и Лекстонъ рискнули выйти изъ лабиринта, гдѣ положительно умирали отъ голода.

Какъ же жили послѣ того всѣ эти долгіе годы семь человѣкъ, уцѣлѣвшіе изъ всего отряда, отправившагося въ экспедицію?..

Въ общемъ имъ жилось гораздо легче, чѣмъ это можно было бы думать. Имъ нечего было бояться умереть голодной смертью, благодаря тому, что, кромѣ оставленныхъ дикарями домашнихъ животныхъ, островъ богатъ былъ еще и естественными произведеніями очень плодородной почвы. Они не имѣли только никакой возможности покинуть островъ Тсалаль и, направившись къ сплошнымъ льдамъ, перейти за антарктическій кругъ, за который „Джэнъ“ пробралась съ такимъ трудомъ, подвергаясь страшнымъ опасностямъ и рискуя каждую минуту погибнуть при столкновеніи съ плавучими льдинами!..

Они, конечно, могли бы построить лодку и, какъ ни рискованно было бы это, предпринять на ней длинное и опасное путешествіе къ границамъ антарктическаго круга... Но вся бѣда заключалась въ томъ, что у нихъ не было необходимыхъ для этого инструментовъ, а только одно оружіе: ружья, пистолеты и ножи...

Прежде всего, по совѣту капитана и лейтенанта, рѣшено было устроить постоянный лагерь на сѣверозападномъ берегу. Изъ деревни Клокъ-Клокъ не видно было открытаго моря. А имъ необходимо было находиться постоянно вблизи моря на случай,—на это было слишкомъ мало надежды, увы!—если бы какое-нибудь судно показалось на траверсѣ острова Тсалаль...

Капитанъ Уилльямъ Гай, Паттерсонъ и пять ихъ товарищей матросовъ спустились къ берегу по оврагу, почти засыпанному землей обрушившагося холма, и шли, пробираясь между глыбами чернаго гранита и раздробленнаго мергеля, въ которомъ блестѣли металлическія точки. Такъ же точно описываетъ эту мрачную мѣстность въ своемъ дневникѣ и Артуръ Пимъ, который въ заключеніе говоритъ, что она была похожа на развалины разрушеннаго нѣкогда Вавилона!

Выбравшись, наконецъ, изъ лабиринта, маленькій отрядъ быстрыми шагами двинулся къ сѣверо-западу.

Тамъ на побережьѣ, миляхъ въ трехъ отъ Клокъ-Клока, они устроили для себя убѣжище въ глубинѣ пещеры, очень похожей на ту, которую мы занимали въ настоящее время на берегу Гальбранъ-Лэнда.

И вотъ въ этой-то пещерѣ и прожили столько долгихъ лѣтъ семь человѣкъ экипажа съ погибшей „Джэнъ“... Эта же участь ждала и насъ, хотя съ увѣренностью можно сказать, что они находились въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ мы, потому что уже одна только плодородность почвы острова Тсалаль имѣла громадныя преимущества передъ безплодною почвой Гальбранъ-Лэнда. Намъ грозила почти вѣрная смерть отъ голода, когда истощатся хранящіеся въ особой пещерѣ запасы провизіи, взятой съ „Гальбрана“; а имъ бояться этого было нечего, и они могли ждать до безконечности... и ждали...

При этомъ, какъ я говорилъ уже, и капитанъ Уилльямъ Гай и всѣ его товарищи по несчастью были увѣрены, что Артуръ Пимъ, Деркъ Питерсъ и Алленъ погибли во время обвала. Имъ, конечно, и въ голову не могло прійти, что Артуръ Пимъ и Деркъ Питерсъ не только не погибли во время катастрофы, но даже похитили у дикарей лодку и бѣжали въ ней съ острова, захвативъ съ собой еще и плѣнника...

Затѣмъ, по словамъ капитана Уилльяма Гайя, ничто уже не нарушало однообразнаго теченія жизни на островѣ въ теченіе цѣлыхъ одиннадцати лѣтъ, даже ни разу не появлялись пироги дикарей, которые

изъ страха не смѣли приблизиться къ острову Тсалаль. Никакая опасность не угрожала имъ въ продолженіе всего этого періода. Зато съ каждымъ днемъ — а они проходили такъ однообразно и такъ медленно — они все болѣе и болѣе теряли надежду выбраться отсюда когда-нибудь. Въ первое время, впрочемъ, съ наступленіемъ лѣтняго сезона, когда море опять становилось свободнымъ, они еще питали надежду, что на поиски „Джэнъ“ отправятъ какой-нибудь корабль. Но когда прошло, такимъ образомъ, четыре или пять лѣтъ, они потеряли и эту надежду...

Нѣтъ надобности подробно описывать, какъ они прожили всѣ эти годы, съ 1828 до 1839 года. Суровыя зимы смѣнялись теплымъ лѣтомъ, когда оживала вся природа подъ благодѣтельными лучами антарктическаго солнца, а затѣмъ солнце скрывалось за горизонтомъ и опять наступалъ періодъ снѣга, дождя, шкваловъ и бурь. Жестокіе холода царили въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ надъ всей областью антарктическихъ земель. Море, покрытое пловучими льдами, замерзало на цѣлые шесть и даже семь мѣсяцевъ. И англичане съ нетерпѣніемъ ожидали появленія солнца, которое своими лучами согрѣвало землю. Наступало лѣто, ледъ таялъ, и они опять видѣли свободное море такимъ, какимъ его видѣлъ Артуръ Пимъ и какимъ увидѣли его и мы за границей сплошныхъ льдовъ.

Въ общемъ же имъ жилось на островѣ Тсалаль сравнительно легко. Такъ ли сложится жизнь для насъ на этомъ побережьѣ Гальбранъ-Лэнда? Какъ ни велики были наши запасы, но, въ концѣ концовъ, они, все-таки, истощатся; а съ наступленіемъ зимы, по всей вѣроятности, и черепахи уйдутъ въ болѣе низкія широты.

Затѣмъ, изъ разсказа капитана, мы узнали, что семь мѣсяцевъ тому назадъ были живы еще всѣ тѣ, которымъ посчастливилось цѣлыми и невредимыми вырваться изъ западни Клокъ-Клока; они вынесли все это только благодаря своему могучему сложенію, замѣчательной выносливости и великой силѣ характера... Но — увы! — вскорѣ послѣ этого на нихъ обрушились несчастія одно за другимъ.

Въ началѣ мая, соотвѣтствующаго въ этихъ широтахъ ноябрю сѣвернаго полушарія, начали уже пробѣгать мимо острова Тсалаль льдины, которыя теченіемъ увлекало къ сѣверу.

Однажды одинъ изъ семерыхъ людей не возвратился въ обычное время въ пещеру. Встревоженные товарищи отправились его разыскивать... Все напрасно. По всей вѣроятности, съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе, а, можетъ-быть, онъ даже и утонулъ... Словомъ, онъ не возвратился... и не могъ вернуться!

Это былъ Паттерсонъ, лейтенантъ голета „Джэнъ“, вѣрный товарищъ Уилльяма Гайя. Нечего, конечно, и говорить, какъ были огорчены всѣ внезапнымъ исчезновеніемъ одного изъ своихъ товарищей, одного изъ самыхъ лучшихъ!..

Уилльямъ Гай, конечно, не зналъ ничего о дальнѣйшей судьбѣ своего несчастнаго лейтенанта, и уже мы сообщили ему, что Паттерсонъ какими-то судьбами попалъ на льдину — настоящей причины ни мы, да и никто не зналъ и не могъ знать — и теченіемъ унесло его въ открытое море, гдѣ онъ и умеръ съ голоду. И вотъ на этой-то льдинѣ, доплывшей до острова Принца Эдуарда, боцманъ и нашелъ трупъ лейтенанта съ „Джэнъ“.

Когда капитанъ Ленъ Гай разсказалъ, какимъ образомъ, благодаря записной книжкѣ, найденной въ карманѣ несчастнаго Паттерсона, „Гальбранъ“ рѣшилъ направиться къ антарктическимъ морямъ, братъ его не могъ сдержать слезъ, струившихся изъ его глазъ...

Вслѣдъ за этимъ первымъ несчастьемъ скоро явились и другія.

Изъ семи человѣкъ, пережившихъ гибель „Джэнъ“, оставалось только шестеро, а вскорѣ послѣ этого ихъ осталось уже только четверо.

Послѣ исчезновенія Паттерсона прошло всего только пять мѣсяцевъ, какъ вдругъ, въ срединѣ октября, землетрясеніе перевернуло все вверхъ дномъ на островѣ Тсалаль и въ то же время почти окончательно уничтожило юго-западную группу.

Нельзя даже и представить себѣ, какъ быстро и какъ ужасно совершился этотъ переворотъ. Мы могли до нѣкоторой степени судить объ этомъ, когда лодка съ голета приставала къ крутому утесистому берегу одного изъ острововъ, о которомъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ Артуръ Пимъ. Уилльямъ Гай и пятеро его товарищей тоже, навѣрное, погибли бы, если бы имъ не представился случай бѣжать съ острова, гдѣ иначе имъ пришлось бы умереть съ голоду.

Черезъ два дня къ берегу, въ нѣсколькихъ стахъ туазахъ отъ пещеры, теченіемъ прибило лодку, которая была увлечена въ открытое море отъ юго-западнаго архипелага.

Нагрузить эту лодку такимъ количествомъ провизіи, какое она могла только вмѣстить, и сѣсть затѣмъ въ нее самимъ съ тѣмъ, чтобы покинуть островъ, ставшій необитаемымъ,— вотъ что рѣшились сейчасъ же сдѣлать немедленно Уилльямъ Гай, Робертсъ, Ковэнъ, Тринкль, Форбсъ и Лекстонъ.

Къ несчастью, въ это время дулъ очень сильный вѣтеръ, такъ что лодка не могла, конечно, справиться съ нимъ, и ее отнесло далеко въ сторону, а затѣмъ ее подхватило теченіе, которое увлекало и нашъ айсбергъ, когда онъ плылъ къ побережью Гальбранъ-Лэнда.

Въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ плыли такимъ образомъ несчастные по свободному морю, не имѣя возможности измѣнить курсъ. И только уже 2-го января текущаго 1840 г. увидѣли они землю, ту самую, которую омывалъ на востокѣ Джэнъ-Зундъ.

Мы знали уже въ это время, что эта земля находилась отъ Гальбранъ-Лэнда меньше, чѣмъ въ пятидесяти миляхъ. Да! Подумать только, что такъ близко были отъ насъ тѣ, которыхъ мы искали такъ далеко по антарктическимъ областямъ и найти которыхъ мы потеряли уже всякую надежду!

Лодка Уилльяма Гайя пристала къ берегу гораздо юго-восточнѣе того пункта, куда устремился нашъ айсбергъ. Какая разница съ островомъ Тсалаль, или, лучше, какое разительное сходство съ Гальбранъ-Лэндомъ! Почва негодная для обработки, ничего, кромѣ песку и утесовъ, ни деревьевъ, ни кустовъ, ни какихъ бы то ни было растеній! Поэтому, когда запасы провизіи стали истощаться, Уилльямъ Гай и его товарищи дошли до крайняго изнуренія, и двое изъ нихъ, Форбсъ и Лекстонъ погибли...

Остальные четверо—Уилльямъ Гай, Робертсъ, Ковэнъ и Тринкль—не захотѣли оставаться больше ни одного дня на этомъ берегу, гдѣ они были обречены на голодную смерть. Съ очень небольшимъ, оставшимся

еще у нихъ запасомъ провизіи усѣлись они въ лодку и вторично отдались теченію, даже не имѣя возможности, за недостаткомъ необходимыхъ астрономическихъ инструментовъ, опредѣлить географическое положеніе земли, которую они покидали.

Такъ плавали они еще двадцать-пять дней; провизія вся вышла, и они голодали уже цѣлыхъ двое сутокъ, когда лодка, на днѣ которой они лежали безъ движенія, показалась въ виду Гальбранъ-Лэнда.

Въ эту-то минуту и замѣтилъ ее боцманъ, и Дерку Питерсу, отважно бросившемуся въ море, удалось ее догнать и подвести къ берегу.

Въ ту минуту, когда метисъ влѣзалъ въ лодку, онъ увидѣлъ на днѣ ея капитана „Джэнъ“ и матросовъ Робертса, Тринкля и Ковэна. Убѣдившись въ томъ, что они дышатъ, онъ взялъ гребки, поплылъ къ землѣ и, когда находился всего въ одномъ кабельтовѣ отъ берега, показалъ намъ голову Уилльяма Гайя.

— Живъ... живъ!..—крикнулъ онъ при этомъ такъ громко, что мы не могли его не услышать.

И теперь оба брата, наконецъ, были вмѣстѣ въ пещерѣ, на этомъ затерявшемся среди океана уголкѣ Гальбранъ-Лэнда.

ГЛАВА XV

Ледяной сфинксъ.

Два дня спустя, на этомъ пунктѣ антарктическаго побережья не оставалось уже ни одного человѣка.

21 февраля, въ шесть часовъ утра, лодка, въ которой сидѣло тринадцать человѣкъ, покинула маленькую гавань и обогнула оконечность Гальбранъ-Лэнда.

Еще наканунѣ мы окончательно обсудили вопросъ объ отъѣздѣ. Если мы не хотимъ оставаться здѣсь на зиму, то отъѣзда нельзя откладывать ни на одинъ день. Пройдетъ еще немного времени, самое большее мѣсяцъ, и на лодкѣ нельзя уже будетъ плыть по этой части антарктическаго океана, заключающейся между восемьдесятъ-шестой и семидесятой параллелями, т. е. до тѣхъ широтъ, гдѣ начинается граница сплошныхъ льдовъ. Затѣмъ дальше, если только намъ удастся пробраться за границу сплошныхъ льдовъ, можетъ-быть, мы и встрѣтимъ какого-нибудь запоздалаго китолова или — кто знаетъ? — можетъ-быть даже какое-нибудь англійское, французское или американское судно, возвращающееся изъ экспедиціи въ антарктическій океанъ?.. Во второй же половинѣ марта въ этой мѣстности уже нельзя будетъ встрѣтить ни одного судна, и мы должны были бы отказаться отъ всякой надежды на счастливую случайность.

Сначала мы обсудили вопросъ, не выгоднѣе ли намъ остаться зимовать здѣсь, какъ это мы поневолѣ должны были бы сдѣлать до прибытія Уилльяма Гайя, и тогда, въ виду увеличенія числа людей, намъ слѣдовало теперь же озаботиться приспособленіемъ нашей пещеры и для вновь прибывшихъ на все время зимы, когда мракъ и холода царствуютъ въ продолженіе шести или семи мѣсяцевъ. Затѣмъ въ началѣ будущаго года, когда море опять станетъ свободнымъ, лодка гораздо легче могла бы уже пробраться къ Тихому океану, и у насъ было бы больше

времени на то, чтобы пройти тысячу миль, отдѣлявшую насъ отъ нихъ. Такъ, повидимому, должны были бы поступить люди осторожные и предусмотрительные?..

А между тѣмъ, несмотря на всю нашу покорность судьбѣ, у насъ невольно сжималось сердце при мысли о зимовкѣ на этомъ берегу, хотя пещера представляла собою и вполнѣ надежное убѣжище, хотя намъ и нечего было бояться недостатка въ провизіи, а слѣдовательно, и голодной смерти?.. Да! покорны... Человѣкъ покоряется до тѣхъ поръ, пока этого требуютъ отъ него обстоятельства... Но разъ намъ представлялся случай уѣхать, мыслимо ли было отказаться добровольно отъ послѣдней попытки вернуться на родину?.. Почему намъ не сдѣлать того же самаго, на что рискнули Гирнъ и его единомышленники, но только при гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ?..

Мы со всѣхъ сторонъ, самымъ тщательнымъ образомъ обсудили оба эти проекта. Опросивъ поочередно всѣхъ присутствующихъ, при чемъ большинство высказалось за необходимость попытать счастья, мы рѣшили, что, въ крайнемъ случаѣ, если попытка не удастся и если какое-нибудь препятствіе остановитъ насъ на пути, лодка всегда будетъ имѣть возможность добраться до этой части берега, точное положеніе котораго намъ было извѣстно. Капитанъ „Джэнъ“ настойчиво требовалъ немедленнаго отъѣзда, послѣдствій котораго не пугались также и Ленъ Гай и Джимъ Вестъ. Я тоже раздѣлялъ ихъ мнѣніе, какъ и всѣ остальные матросы.

И только одинъ Герлигерли долго не соглашался съ ними. Ему казалось слишкомъ рискованнымъ покидать вѣрное для невѣрнаго... Мы имѣемъ впереди, говорилъ онъ, всего только три или четыре недѣли для того, чтобы пройти разстояніе между Гальбранъ-Лэндомъ и антарктическимъ кругомъ... Можемъ ли мы надѣяться на успѣхъ при этихъ условіяхъ?.. Затѣмъ, какимъ образомъ, если это понадобится, вернемся мы назадъ противъ теченія, которое будетъ относить насъ къ сѣверу?.. Въ сущности, боцманъ привелъ все такіе аргументы, которые заслуживали полнаго вниманія и должны быть строго взвѣшены. Но все краснорѣчіе боцмана пропало для насъ даромъ, и только одинъ Эндикотъ сталъ на его сторону и то больше по привычкѣ смотрѣть на все подъ однимъ угломъ съ нимъ. Но, въ концѣ концовъ, и Герлигерли сдался и объявилъ, что согласенъ уѣхать хоть сейчасъ, разъ всѣ остальные такъ желаютъ этого.

Всѣ сборы въ дорогу были окончены очень быстро, и 21 февраля, въ семь часовъ утра, оконечность Гальбранъ-Лэнда была уже въ пяти миляхъ у насъ за кормой. Послѣ полудня постепенно исчезли высоты, господствовавшія надъ этой частью побережья.

Наша лодка была однимъ изъ тѣхъ гребныхъ судовъ, которыми пользовались туземцы Тсалалійскаго архипелага для сообщенія между островами. Мы знали изъ дневника Артура Пима, что однѣ изъ этихъ лодокъ похожи на плоты или большія плоскодонки, а другія на пироги съ балансиромъ,—всѣ эти лодки отличаются очень крѣпкой конструкціей. Лодка, на которой мы теперь плыли, принадлежала къ послѣднему типу; она была длиной футовъ въ сорокъ, а шириной футовъ въ шесть, съ сильно приподнятыми кверху носомъ и кормой, что придавало ей

извѣстную устойчивость на водѣ; при ней оказалось нѣсколько гребковъ, вмѣсто веселъ.

Здѣсь я считаю необходимымъ замѣтить, что при постройкѣ этой лодки не было употреблено въ дѣло ни одного кусочка желѣза, — ни гвоздей ни болтовъ, такъ какъ туземцы не имѣли ни малѣйшаго понятія объ этомъ металлѣ. Вмѣсто оковокъ, употреблялись ліаны, обладавшія прочностью мѣдной проволки, и они держали обшивку такъ же хорошо, какъ и самая лучшая заклепка. Пакля замѣнена была мохомъ, который сверху обмазали древесною смолой, дѣлавшейся твердой, какъ металлъ, при соприкосновеніи съ водой.

Вотъ довольно точное описаніе этой странной лодки, которую мы назвали „Паракута“, — въ честь рыбы, водящейся въ этихъ мѣстахъ и изображеніе которой было хотя и очень грубо изваяно на планширѣ.

„Паракута“ была нагружена ровно настолько, насколько это было нужно для того, чтобы не особенно стѣснять пассажировъ, долженствовавшихъ въ ней помѣститься. Собственно грузъ состоялъ изъ нѣсколькихъ боченковъ прѣсной воды, виски и джину, ящиковъ съ мукой, солониной, сухими кореньями и хорошимъ запасомъ чаю и кофе. Къ этому присоединили еще небольшую печку и нѣсколько мѣшковъ угля, чтобы топить ее въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Но если намъ не удастся пробраться за сплошные льды, если придется зимовать среди ледяныхъ полей,— всѣ эти запасы истощатся очень скоро, и тогда намъ придется употребить всѣ наши усилія на то, чтобы вернуться къ Гальбранъ-Лэнду, гдѣ грузъ голета обезпечивалъ бы намъ существованіе еще въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ.

Ну, а если бы даже намъ это и не удалось, неужели мы должны отложить всякую надежду?.. Нѣтъ, люди вообще любятъ обольщать себя даже самыми несбыточными надеждами, и что же удивительнаго въ томъ, что не теряли надежды и мы выбраться изъ этихъ печальныхъ мѣстъ и возвратиться на родину...

Какъ я уже говорилъ, въ лодку мы могли взять только самое необходимое для насъ, а все остальное, т. е. почти весь грузъ „Гальбрана“, осталось въ пещерѣ, гдѣ ему не грозила никакая опасность и гдѣ могли его найти впослѣдствіи такіе же, какъ мы, несчастные, если только кого-нибудь занесетъ случайно теченіями на это побережье. Шестъ, утвержденный боцманомъ на небольшой горѣ, не замедлитъ обратить на себя ихъ вниманіе. Впрочемъ, я не думаю, чтобы послѣ нашихъ двухъ голетовъ кто-нибудь еще рискнулъ подняться до такихъ широтъ?..

Я позволю себѣ поименно перечислить всѣхъ лицъ, составившихъ теперь экипажъ на „Паракутѣ“: капитанъ Ленъ Гай, лейтенантъ Джимъ Вестъ, боцманъ Герлигерли, старшій конопатчикъ Гарди, матросы: Фрэнсисъ и Стэрнъ, поваръ Эндикотъ, метисъ Деркъ Питерсъ и я — всѣ мы съ „Гальбрана“, затѣмъ капитанъ Уилльямъ Гай и матросы Робертсъ, Ковэнъ и Тринкль — съ голета „Джэнъ“. Всего, такимъ образомъ, насъ было тринадцать человѣкъ, — число несчастное, особенно за столомъ.

Передъ отъѣздомъ Джимъ Вестъ и боцманъ ухитрились даже поставить еще и мачту въ передней части нашего судна. Мачта эта, удерживаемая штагомъ и вантами, могла нести широкій фокъ, который выкроили изъ марсели голета.

Подобная парусность, конечно, не позволяла намъ поворачивать наше

судно какъ угодно и итти на парусахъ въ желаемомъ направленіи даже и при противномъ вѣтрѣ; но зато, когда подуетъ вѣтеръ съ кормы, этотъ парусъ сослужитъ намъ великую службу и придастъ намъ скорость, необходимую для того, чтобы проплыть въ пять недѣль, дѣлая въ среднемъ по тридцати миль въ сутки, ту тысячу миль, которая отдѣляла насъ отъ сплошныхъ льдовъ. Разсчитывать на такую скорость мы имѣли даже извѣстное право, если теченіе и вѣтеръ будутъ, конечно, продолжать гнать „Паракуту“ къ сѣверо-востоку. Затѣмъ въ тѣ часы, когда не будетъ вѣтра, мы въ помощь теченію станемъ работать гребками, а четыре пары гребковъ въ рукахъ умѣлыхъ гребцовъ тоже должны были оказать свое вліяніе на быстроту хода лодки.

Въ теченіе первой недѣли со дня нашего отъѣзда не произошло ничего такого, что заслуживало бы особеннаго вниманія. Вѣтеръ все такъ же продолжалъ дуть съ юга, и воды Джэнъ-Зунда, подъ вліяніемъ теченія, все такъ же продолжали стремиться къ сѣверу.

Наши капитаны рѣшили держаться насколько возможно ближе къ берегу и плыть въ разстояніи одного-двухъ кабельтововъ отъ Гальбранъ-Лэнда до тѣхъ поръ, пока насъ не заставитъ измѣнить курса противный вѣтеръ или встрѣчное теченіе. Въ случаѣ какого-нибудь несчастія съ нашей лодкой, мы могли бы въ нѣсколько минутъ добраться до берега. Но если бы вдругъ случилось такое несчастье, что стали бы мы дѣлать на этой безплодной землѣ въ началѣ зимы?... Но лучше пока и не думать объ этомъ!..

Какъ только хоть на минуту стихалъ вѣтеръ, мы брались за гребки, и, благодаря этому, „Паракута“ все время шла съ той средней скоростью, которая была необходима для того, чтобы достигнуть Тихаго океана въ остающійся въ нашемъ распоряженіи короткій промежутокъ времени.

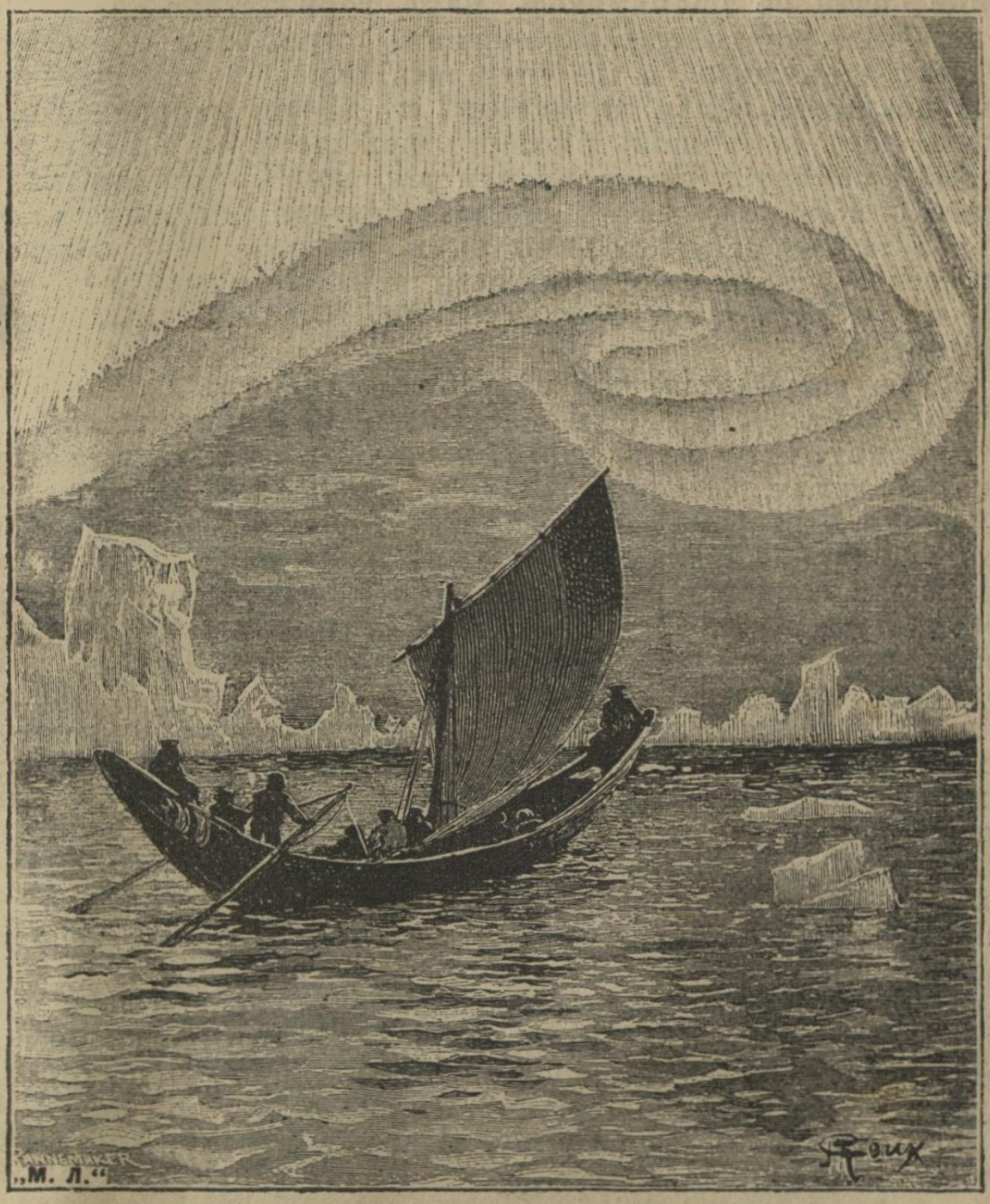
Видъ земли не измѣнялся,— все та же безплодная почва, черноватыя глыбы, песчаныя побережья, поросшія индѣйской смоквой, крутыя и оголенныя высоты на заднемъ планѣ. Что же касается собственно пролива, то въ немъ уже показались и льдины, *drifts* и *packs*, длиною отъ ста-пятидесяти до двухсотъ футовъ, однѣ продолговатой формы, другія круглыя; попадались также и айсберги, которые наше суденышко обгоняло безъ особеннаго труда. Для насъ было только очень непріятно, что эти массы направлялись къ сплошнымъ льдамъ, и мы боялись, какъ бы онѣ не загромоздили проходовъ, которые, по нашимъ расчетамъ, должны бы еще быть свободными въ это время.

Нечего, конечно, говорить, что между тринадцатью пассажирами „Паракуты“ не возникало никакихъ споровъ или недоразумѣній. Намъ нечего было бояться чего-нибудь, похожаго на бунтъ единомышленниковъ Гирна, хотя мы и вспоминали довольно часто о нихъ и спрашивали себя, какая участь постигла ихъ. Далеко ли удалось имъ пробраться на перегруженной лодкѣ, которую малѣйшій шквалъ могъ легко опрокинуть?.. Впрочемъ, кто знаетъ, можетъ-быть, попытка Гирна будетъ и удачнѣе нашей, потому что мы отправились десятью днями позже его?..

Я замѣчу мимоходомъ, что Деркъ Питерсъ, по мѣрѣ своего удаленія отъ этихъ мѣстъ, гдѣ не нашелъ ни малѣйшаго слѣда своего бѣднаго Пима, становился какъ будто еще молчаливѣе, еще угрюмѣе, даже не отвѣчалъ на мои вопросы, когда я пробовалъ съ нимъ заговаривать.

Такъ какъ 1840 годъ былъ високосный, то мнѣ пришлось занести въ свои записки и 29-е февраля. А такъ какъ день этотъ былъ какъ разъ днемъ рожденія Герлигерли, то боцманъ просилъ, чтобы эту годовщину мы отпраздновали съ нѣкоторой торжественностью.

— Хуже этого и придумать было ничего нельзя, — сказалъ онъ



...Намъ освѣщали путь южныя полярныя сіянія... (Стр. 149.)

смѣясь.— Потому что я могу праздновать день своего рожденія всего только одинъ разъ въ четыре года!

И всѣ съ удовольствіемъ выпили за здоровье этого славнаго парня, правда, немного болтливаго, но зато самаго терпѣливаго изъ всѣхъ, умѣвшаго къ тому же ободрить насъ въ тяжелую минуту своимъ неизмѣнно хорошимъ настроеніемъ духа.

Произведенное въ этотъ день наблюденіе дало 79° 17′ для широты и 118° 37′ для долготы.

Какъ видно, оба берега Джэнъ-Зунда шли между сто-восемнадцатымъ и сто-девятнадцатымъ меридіанами, и „Паракутѣ“ оставалось пройти всего только какихъ-нибудь двѣнадцать градусовъ до полярнаго круга. Сдѣлавъ это открытіе, добыть которое было очень трудно, потому что солнце почти не поднималось надъ горизонтомъ, оба брата разложили на банкѣ карту антарктическихъ странъ. Я сталъ разсматривать ее вмѣстѣ съ ними, и мы пытались опредѣлить, приблизительно, какія уже открытыя земли находились въ этомъ направленіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ айсбергъ перешелъ за южный полюсъ, мы должны были помнить, что вступили въ поясъ восточныхъ долготъ, считаемыхъ отъ Гринвичскаго меридіана. Изученіе карты дало самые печальные результаты, и мы должны были, къ тому же, отказаться отъ надежды попасть снова на Фальклянды или же встрѣтить китолововъ по сосѣдству съ островами: Сандвичевыми, Южными Оркадами или же Южною Георгіей.

Само собою разумѣется, что капитанъ Уилльямъ Гай ничего не могъ знать объ антарктическихъ путешествіяхъ, предпринятыхъ со времени отъѣзда „Джэнъ“. Ему были извѣстны только путешествія Кука, Крузенштерна, Уэделля, Беллингсгаузена, Морреллля; но онъ ровно ничего не зналъ о второмъ путешествіи Морреллля, а затѣмъ и Кемпа, нѣсколько расширившихъ познанія географовъ объ этихъ отдаленныхъ странахъ. Выслушавъ разсказъ брата, онъ узналъ, что, на основаніи нашихъ собственныхъ открытій, мы могли считать вполнѣ достовѣрнымъ, что широкій морской рукавъ, Джэнъ-Зундъ, раздѣляетъ на два обширныхъ континента южную область.

Въ этотъ день капитанъ Ленъ Гай, между прочимъ, замѣтилъ, что если проливъ тянется между сто-восемнадцатымъ и сто-девятнадцатымъ меридіанами, значитъ, „Паракута“ пройдетъ около такъ называемаго магнитнаго полюса. Въ этой точкѣ, какъ извѣстно, соединяются всѣ магнитные меридіаны, и здѣсь стрѣлка компаса принимаетъ вертикальное положеніе. Я долженъ сказать, что въ то время опредѣленіе этого полюса не было сдѣлано еще съ той точностью, какъ это удалось гораздо позже *).

Впрочемъ, для насъ это не имѣло особаго значенія, и намъ было рѣшительно все равно, гдѣ бы ни находился этотъ спорный южный магнитный полюсъ. Насъ интересовало гораздо больше открытіе, что Джэнъ-Зундъ сталъ замѣтно суживаться и доходилъ теперь всего до десяти-двѣнадцати миль въ ширину. Благодаря этому, земля съ обѣихъ сторонъ была ясно видна.

---

*) По вычисленію Ганстина, южный магнитный полюсъ находится подъ 128° 30′ долготы и подъ 69° 71′ широты. На основаніи работъ Винцендона Дюмулэна и Куинвэна Дэвуа, во время путешествія Дюмона д'Юрвиля на „Астролябіи“ и „Zèlée“, Дюперрэ опредѣлилъ положеніе его подъ 136° 15′ долготы и 76° 30′ широты. Затѣмъ произведенныя еще очень недавно новыя вычисленія доказываютъ, что точка эта должна находиться подъ 106° 16′ восточной долготы и подъ 72° 20′ южной широты. Очевидно, гидрографы не пришли еще къ окончательному соглашенію по этому предмету, и вопросъ о мѣстонахожденіи южнаго магнитнаго полюса остается спорнымъ, тогда какъ относительно положенія сѣвернаго магнитнаго полюса онъ рѣшенъ уже окончательно.

Ж. В.

— Э, э! — замѣтилъ боцманъ. — Надѣюсь, что тутъ, все-таки, останется достаточно мѣста для прохода нашему суденышку!.. А что, если этотъ проливъ вдругъ закончится глухимъ переулкомъ?..

— Этого нечего бояться, — отвѣчалъ капитанъ Ленъ Гай. — Разъ теченіе идетъ въ этомъ направленіи, значитъ, оно находитъ себѣ выходъ къ сѣверу, и, по моему мнѣнію, намъ ничего другого не остается, какъ итти по теченію.

Это была сама очевидность. „Паракута“ не могла имѣть лучшаго путеводителя, какъ теченіе. Если бы, по несчастью, оно было противнымъ, то намъ нельзя было бы подниматься вверхъ по теченію, какъ только во время очень сильнаго попутнаго вѣтра.

Можетъ-быть, однако, за нѣсколько градусовъ дальше теченіе это уклонится къ востоку или къ западу, вслѣдствіе измѣненія очертанія береговъ... Но какъ бы тамъ ни было, а несомнѣнно было одно, что за границей сплошныхъ льдовъ эта часть Тихаго океана омываетъ земли Австраліи, Тасманіи или Новой Зеландіи. Впрочемъ, всѣ мы соглашались въ одномъ, что, разъ дѣло касается возвращенія на родину, для насъ безразлично, какою дорогой туда ни попасть...

Наше плаваніе продолжалось уже около десяти дней. Утлое суденышко, выстроенное дикарями, отлично держалось въ открытомъ морѣ. Оба капитана и Джимъ Вестъ уже не сомнѣвались больше въ томъ, что оно выстроено достаточно крѣпко, хотя, повторяю, на постройку его не было употреблено ни одного куска желѣза. Намъ ни разу не пришлось даже исправлять конопатку, потому что древесная смола держалась отлично и абсолютно не пропускала воды. Надо сказать правду, что и погода стояла прекрасная, и гладкая поверхность моря только чуть была подернута легкой рябью.

Новое наблюденіе было произведено 10-го марта, и хотя долгота и осталась та же самая, но зато широта получилась уже 76° 13′.

Такимъ образомъ, „Паракута“ прошла около шестисотъ миль со времени своего отъѣзда изъ Гальбранъ-Лэнда, и такъ какъ пространство это мы прошли въ двадцать дней, значитъ, мы подвигались впередъ со средней скоростью тридцати миль въ сутки.

Если намъ удастся итти съ такой же скоростью и еще въ продолженіе трехъ недѣль, то весьма возможно, что мы найдемъ проходы свободными и, можетъ-быть, встрѣтимъ даже и китоловныя суда, которыя вообще гораздо позднѣе покидаютъ мѣста охоты.

Пока мы видѣли солнце еще надъ горизонтомъ; но недалеко уже то время, когда область Антарктиды будетъ окутана мракомъ полярной ночи. По счастью, поднимаясь къ сѣверу, мы постепенно проникали въ такія области, гдѣ долгая зимняя ночь наступаетъ все позже и позже.

Между прочимъ, намъ пришлось однажды наблюдать одно изъ тѣхъ рѣдкихъ явленій, которыхъ такъ много описано въ дневникѣ Артура Пима. Въ продолженіе трехъ или четырехъ часовъ концы пальцевъ на рукахъ, волосы на головѣ и бородѣ испускали изъ себя короткія искры съ какимъ-то необыкновеннымъ трескомъ. Это была электрическая буря со снѣгомъ, падавшимъ большими рѣдкими хлопьями, соприкосновеніе съ которыми и давало лучистыя искры. Намъ не разъ казалось въ это время, что „Паракуту“ зальетъ волнами, и она пойдетъ ко дну; вода въ морѣ кипѣла ключомъ, и брызги и пѣна поднимались на страшную

высоту... Къ счастью, буря эта продолжалась недолго, и мы остались цѣлыми и невредимыми.

Между тѣмъ, приближеніе зимы все сильнѣе и сильнѣе давало себя чувствовать. Безпрестанные туманы суживали горизонтъ до невозможности и даже въ подзорныя трубы не было видно ничего дальше нѣсколькихъ кабельтововъ. Обстоятельство это не только было непріятно, но еще угрожало и большой опасностью, и мы должны были, что называется, смотрѣть въ оба, чтобы избѣжать столкновенія съ пловучими льдинами, которыя, къ счастью для насъ, двигались гораздо тише „Паракуты“. Нужно еще замѣтить, что южная сторона неба часто освѣщалась широкими свѣтлыми полосами во время полярныхъ зорь.

Температура понижалась довольно чувствительно, и, наконецъ, упала до двадцати-трехъ градусовъ (5° С. ниже нуля).

Такое пониженіе температуры начинало сильно безпокоить насъ. Если оно и не могло имѣть никакого вліянія на теченіе, которое продолжало увлекать нашу лодку все въ томъ же направленіи, оно могло повлечь за собою сильныя измѣненія въ состояніи атмосферы. Если вѣтеръ хоть немного опадетъ съ усиленіемъ холодовъ, быстрота хода лодки уменьшится наполовину; а если мы опоздаемъ хотя бы только на двѣ недѣли, мы рискуемъ найти проходы уже замерзшими и зазимовать на границѣ сплошныхъ льдовъ. Въ такомъ случаѣ, какъ я уже говорилъ, намъ, конечно, всего лучше было бы попытаться вернуться назадъ въ пещеру Гальбранъ-Лэнда. Но и тутъ еще вопросъ, будетъ ли свободенъ ото льда въ это время Джэнъ-Зундъ, по которому „Паракута“ до сихъ поръ такъ счастливо поднимается къ сѣверу?.. Неужели Гирнъ и его товарищи, отправившіеся на цѣлые десять дней раньше насъ, до сихъ поръ еще не пробрались за ледяной барьеръ?..

Наконецъ, черезъ двое сутокъ, туманъ разсѣялся и показалось безоблачное небо. Капитанъ Ленъ Гай и его братъ рѣшили воспользоваться этимъ случаемъ и возможно точнѣе опредѣлить широту и долготу мѣста, гдѣ мы находились въ это время. Но такъ какъ солнце едва замѣтно только поднималось надъ горизонтомъ, то самая операція представляла большія трудности. Несмотря на это, имъ, все-таки, удалось взять высоту довольно точно, и вычисленія дали слѣдующіе результаты: 75° 17′ южной широты, 118° 3′ восточной долготы.

Итакъ, въ этотъ день, 12-го марта, „Паракута“ находилась въ разстояніи всего четырехсотъ миль отъ областей антарктическаго пояса.

Начиная съ этого пункта, проливъ, сильно суженный на высотѣ семьдесятъ-седьмой параллели, снова расширялся по мѣрѣ приближенія къ сѣверу. Даже въ подзорныя трубки не видно было земли на востокѣ. Для насъ это было очень печальнымъ открытіемъ, потому что теченіе, благодаря большой отдаленности между обоими берегами, станетъ значительно медленнѣе, а еще дальше — его и совсѣмъ не станетъ замѣтно.

Въ ночь съ 12 на 13-е марта послѣ штиля поднялся довольно густой туманъ. Новое горе для насъ, потому что туманъ увеличивалъ опасность столкнуться съ пловучими льдами, хотя само по себѣ появленіе тумановъ не должно было казаться чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ въ этихъ мѣстахъ. Наше опасеніе, что съ расширеніемъ пролива уменьшится быстрота теченія, а слѣдовательно, и скорость хода лодки,

не подтвердилось, напротивъ, лодка шла теперь еще быстрѣе, и эта быстрота постепенно еще увеличивалась, хотя вѣтеръ и стихъ. По всей вѣроятности, это увеличеніе быстроты хода лодки происходило не потому, что воды пролива текли быстрѣе, — мы ясно видѣли, что лодка идетъ гораздо быстрѣе теченія.

Такъ продолжалось до самаго утра, и мы положительно не знали, чѣмъ объяснить это странное явленіе. Наконецъ, часамъ къ десяти туманъ началъ разрѣжаться въ нижнихъ слояхъ, и снова показалось западное побережье, — сплошной рядъ утесовъ, мимо которыхъ быстро скользила по водѣ „Паракута“.

Дальше, въ разстояніи четверти мили, обрисовывались очертанія темной массы, поднимавшейся надъ берегомъ на пятьдесятъ туазовъ и имѣвшей въ окружности отъ двухсотъ до трехсотъ туазовъ. Несмотря на свою нѣсколько странную форму, эта глыба въ общемъ была очень похожа на огромнаго сфинкса, съ приподнятымъ торсомъ и вытянутыми лапами; онъ точно присѣлъ на корточки въ позѣ того крылатаго чудовища, которое стояло нѣкогда на дорогѣ въ Ѳивы.

Ахъ, этотъ сфинксъ!.. Мнѣ вспомнилось, что въ ту ночь, когда перевернулся айсбергъ и при этомъ поднялъ на воздухъ „Гальбранъ“, я видѣлъ во снѣ такое же почти фантастическое животное, сидѣвшее какъ разъ на самомъ полюсѣ!

Но этимъ не ограничилось наше изумленіе, и новыя, еще болѣе странныя явленія не только обратили на себя наше вниманіе, но даже и заставили содрогнуться отъ страха!..

Я уже говорилъ, что мы съ удивленіемъ замѣтили, что быстрота хода „Паракуты“ постепенно увеличивается и, наконецъ, она понеслась какъ стрѣла. Вдругъ желѣзный дрекъ съ „Гальбрана“, находившійся на носу лодки, вырвался изъ форъ-штевня, точно его влекла къ себѣ неодолимая сила и при этомъ веревка, къ которой онъ былъ привязанъ, натянулась до такой степени, что готова была лопнуть... Можно было подумать, что этотъ дрекъ буксируетъ насъ къ берегу, несясь по поверхности водъ...

— Что это такое?.. — вскричалъ Уилльямъ Гай.

— Руби канатъ, боцманъ, руби скорѣй, — приказалъ Джимъ Вестъ,— или мы разобьемся объ утесы!

Герлигерли бросается къ носу „Паракуты“, чтобы перерѣзать веревку; но при этомъ ножъ, который онъ держалъ въ правой рукѣ, вырывается у него изъ рукъ, веревка лопается и дрекъ, точно бомба, летитъ къ чудесной глыбѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ, всѣ желѣзные предметы, лежавшіе въ лодкѣ, кухонная посуда, оружіе, печка Эндикота, даже ножи — летятъ туда же, а вскорѣ и лодка, которая стремится все такъ же быстро, наскакиваетъ на побережье!..

Что же все это значитъ?.. Неужели и намъ приходится видѣть самимъ все то, что я приписывалъ болѣзненному воображенію Артура Пима?.. Нѣтъ! Это были вполнѣ естественныя физическія явленія, и намъ только пришлось впервые наблюдать ихъ!..

Впрочемъ, у насъ не было времени раздумывать объ этомъ, и какъ только мы вышли на берегъ, сейчасъ же обратили вниманіе на довольно большую лодку, выброшенную волнами на песчаное побережье...

— Лодка съ „Гальбрана“! — вскричалъ Герлигерли.

Это, и въ самомъ дѣлѣ, была лодка, украденная Гирномъ. Она лежала на берегу въ ужасномъ состояніи: обшивка разошлась, тимберсы расшатались... Словомъ, какая-то безформенная развалина, которая получается послѣ того, какъ судно, подхваченное шкваломъ, разобьется объ утесы!..

При осмотрѣ лодки намъ прежде всего бросилось въ глаза, что всѣ желѣзныя части изъ нея исчезли... Да! всѣ... гвозди изъ обшивки, килевые шверцы, украшенія форъ и ахтеръ-штевней, рулевые крюки...

Что же все это значитъ?..

Громкій окликъ Джима Веста заставилъ насъ отойти отъ лодки и направиться къ нему.

На землѣ, немного правѣе лодки, лежали три трупа: Гирна, парусnаго старшины Мартина Гольта и одного изъ фальклandцевъ... Изъ тринадцати человѣкъ, отправившихся вмѣстѣ съ гарпунщикомъ, мы нашли только трехъ, смерть которыхъ должна была наступить нѣсколько дней тому назадъ...

Что сталось съ остальными десятью бѣглецами?..

Можетъ-быть, волны унесли ихъ трупы въ открытое море?..

Мы принялись искать на побережьи, въ глубинѣ бухточекъ, между утесами... Ничего не нашли, ни слѣдовъ стоянки, ни даже слѣдовъ высадки.

— Должно-быть, — сказалъ Уилльямъ Гай, — лодка ихъ ударилась о какой-нибудь изъ пловучихъ айсберговъ... Большинство изъ товарищей Гирна утонуло, а эти три трупа волнами выбросило на берегъ...

— Но, — спросилъ боцманъ, — какъ же объяснить тогда, что лодка находится въ такомъ состояніи?..

— Въ особенности же странно, — добавилъ Джимъ Вестъ, — что куда-то исчезли всѣ металлическія части!

— Да, — замѣтилъ я, — кажется, какъ будто желѣзо вырвано кѣмъ-то нарочно...

Оставивъ „Паракуту“ подъ охраной двухъ человѣкъ, мы пошли внутрь страны поискать, нѣтъ ли тамъ чего интереснаго.

Мы приближались къ глыбѣ, которая съ каждою минутой все яснѣе и яснѣе вырисовывалась предъ нами, благодаря тому, что туманъ окончательно разсѣялся. По своимъ формамъ она напоминала сфинкса,— сфинкса пепельнаго цвѣта, точно вещество, изъ котораго онъ былъ сдѣланъ или, лучше сказать, состоялъ, окислилось подъ вліяніемъ измѣнчиваго полярнаго климата.

Мнѣ совершенно неожиданно пришла въ голову мысль, легко и просто объяснявшая всѣ эти удивительныя явленія.

— А! — вскричалъ я, — магнитъ... Тамъ... вонъ тамъ... магнитъ... одаренный необыкновенною силой притяженія!..

И въ ту же минуту всѣмъ стала понятна та ужасная катастрофа, жертвами которой должны были сдѣлаться Гирнъ и его товарищи.

Эта глыба была не что иное, какъ колоссальный магнитъ. Его невидимая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужасная сила и вырвала изъ лодки всѣ желѣзныя части!.. Этотъ же магнитный титанъ притянулъ къ себѣ и всѣ желѣзные и стальные предметы, находившіеся на „Паракутѣ“!.. И наше суденышко постигла бы та же самая участь, если бы на его по-

стройку былъ употребленъ хотя бы только одинъ кусокъ этого металла!..

Неужели близость магнитнаго полюса могла имѣть такое необычайное вліяніе?..

Сначала намъ всѣмъ пришла въ голову эта мысль. Но затѣмъ, поразмысливъ хорошенько, мы ее отвергли...

Итакъ, значитъ, вблизи магнитнаго полюса существуетъ магнитъ необыкновенной силы, въ зону притяженія котораго мы вступили. У насъ предъ глазами произошло одно изъ тѣхъ поразительныхъ явленій, которое до сихъ поръ считалось чуть ли не басней. Кому же могло прійти въ голову, что желѣзныя и стальныя части судовъ, подходящихъ къ этому полюсу, сами собою вырываются и, благодаря этому, корпусъ судна наполняется водой и море поглощаетъ его въ своихъ глубинахъ?.. А между тѣмъ, такъ оно и было!

— Мнѣ кажется, для насъ нѣтъ никакой опасности подойти къ самой глыбѣ? — спросилъ меня капитанъ Ленъ Гай.

— Никакой, — отвѣчалъ я.

— Тамъ... Да... тамъ!

Это сказалъ Деркъ Питерсъ и при этомъ самъ онъ съ вытянутыми руками, точно стремился къ сфинксу, какъ если бы онъ вдругъ сдѣлался желѣзнымъ и его притягивала къ себѣ непреодолимая сила магнита...

Затѣмъ онъ вдругъ бросился бѣжать по направленію къ сфинксу, а мы устремились слѣдомъ за нимъ.

Чудовище точно вырастало по мѣрѣ того, какъ мы къ нему приближались. Колоссальный магнитъ и вблизи все такъ же похожъ былъ на сфинкса. Никакими словами не описать того впечатлѣнія, которое производила на насъ эта колоссальная фигура, грозно возвышавшаяся на равнинѣ!.. И намъ начало даже казаться, вотъ до какой степени была возбуждена у всѣхъ насъ нервная система, — намъ казалось, что сфинксъ и насъ тянетъ къ себѣ, и мы идемъ къ нему не по доброй волѣ, а повинуясь силѣ магнитнаго притяженія...

Подойдя вплотную къ сфинксу, мы увидѣли всѣ тѣ желѣзныя и стальныя вещи, которыя такъ стремительно уносились сами собой къ нему. Оружіе, кухонныя принадлежности и дрекъ „Паракуты“ точно прилипли къ его бокамъ. Тамъ же виднѣлись и всѣ желѣзныя части изъ лодки съ „Гальбрана“ — гвозди, болты, уключины, килевые шверцы, рулевая оковка.

Мы хотѣли было отобрать у сфинкса всѣ эти необходимыя намъ вещи, приставшія къ бокамъ ружья, пистолеты, кухонныя принадлежности, но сила притяженія была такова, что намъ пришлось отъ этого отказаться. А Герлигерли, взбѣшенный главнымъ образомъ тѣмъ, что не могъ отнять у сфинкса своего ножа, виднѣвшагося на высотѣ пятидесяти футовъ, крикнулъ, показывая кулакъ странному чудовищу:

— Воръ, грабитель!

— Мы ни капельки не удивлялись тому, что не нашли никакихъ другихъ желѣзныхъ предметовъ, кромѣ тѣхъ, которые унесло магнитомъ или съ „Паракуты“, или изъ лодки съ „Гальбрана“. Это доказывало только, что до насъ ни одно еще судно не проникало въ эти таинственныя области антарктическаго моря. Гирнъ и его товарищи

впереди, а за ними капитанъ Ленъ Гай и его товарищи, были первыми, занесенными судьбой на этотъ пунктъ южнаго континента. Въ заключеніе остается только сказать, что всякій корабль, который задался бы цѣлью приблизиться къ этому колоссальному магниту, шелъ бы на вѣрную гибель, и нашъ голетъ постигла бы та же участь, какъ и лодку съ него, отъ которой мы нашли только одни безформенные останки.

Джимъ Вестъ счелъ своей обязанностью напомнить намъ, что мы не имѣемъ права надолго останавливаться на „Землѣ Сфинкса“ — это названіе она должна была сохранить навсегда. Время шло быстро, и если мы промедлимъ еще нѣсколько дней, намъ придется зимовать на границѣ сплошныхъ льдовъ.

Капитанъ, соглашаясь съ лейтенантомъ, уже отдалъ приказаніе собираться и итти къ берегу, какъ вдругъ мы опять услышали голосъ метиса, повторившаго три раза одно и то же слово:

— Тамъ!.. тамъ!.. тамъ!..

Обойдя кругомъ правую лапу чудовища, мы увидѣли Дерка Питерса... Онъ стоялъ на колѣняхъ, съ простертыми руками, предъ окоченѣлымъ трупомъ... Намъ не видно было лица, потому что голова была довольно сильно наклонена впередъ... Длинная бѣлая борода доходила чуть не до пояса, а руки и ноги съ длинными, точно когти, ногтями висѣли какъ плети...

Какъ держалось это тѣло, прилѣпившись къ боку глыбы въ двухъ туазахъ надъ поверхностью земли?..

Поперекъ туловища на кожаной перевязи надѣто было ружье, съ искривленнымъ дуломъ, наполовину изъѣденнымъ ржавчиной...

— Пимъ!.. Бѣдный Пимъ! — повторялъ Деркъ Питерсъ раздирающимъ голосомъ.

Онъ сталъ приподниматься съ колѣнъ и хотѣлъ подойти поцѣловать окостенѣвшія останки своего бѣднаго Пима...

Колѣни его подогнулись, рыданіе сдавило горло, сердце судорожно сжалось, и онъ упалъ навзничь... мертвый...

Друзья таки встрѣтились, наконецъ, и теперь метисъ покоится вѣчнымъ сномъ на Землѣ Сфинкса, рядомъ съ Артуромъ Гордономъ Пимомъ!

ГЛАВА XVI.

Двѣнадцать изъ семидесяти!

Въ этотъ же самый день, вскорѣ послѣ полудня „Паракута“ покидала побережье Земли Сфинкса, бывшее у насъ на западѣ съ 21-го февраля.

Оставалось пройти еще около четырехсотъ миль до границы антарктическаго круга. Удастся ли намъ проникнуть изъ Ледовитаго въ Тихій океанъ, встрѣтить какого-нибудь запоздалаго китолова, а можетъ, и корабль, возвращающійся изъ полярной экспедиціи?..

Второе предположеніе тоже не имѣло въ себѣ ничего невозможнаго... Въ то время, когда голетъ находился еще на стоянкѣ на Фалькландахъ, тамъ много говорили объ экспедиціи Уилькса, лейтенанта аме-

риканскаго флота. Отрядъ его, состоявшій изъ четырехъ судовъ: „Vincennes“, „Peacock“, „Porpoise“ и „Flying-Fish“, покинулъ Огненную Землю въ февралѣ 1839 года и направился къ южнымъ морямъ.

Гдѣ теперь эта экспедиція, мы, конечно, не знаемъ; но если Уилькэсу не удалось проникнуть за сплошные льды на западѣ, очень возможно, что онъ отправился искать прохода на восточной сторонѣ*). А если это такъ,— наша „Паракута“ имѣетъ всѣ шансы встрѣтить одно изъ этихъ судовъ.

Словомъ, самое важное для насъ было только успѣть опередить зиму и пробраться за сплошные льды раньше, чѣмъ ихъ скуютъ морозы.

Смерть Дерка Питерса уменьшила до двѣнадцати число пассажировъ „Паракуты“. Это было все, что оставалось отъ экипажей обоихъ голетовъ, изъ которыхъ въ первомъ состояло тридцать восемь человѣкъ, а во второмъ — тридцать-два, въ общемъ же — семьдесятъ человѣкъ!

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда съ Земли Сфинкса солнце, наконецъ, скрылось за горизонтомъ на западѣ съ тѣмъ, чтобы больше уже не показываться во всю зиму.

„Паракута“ теперь продолжала свое плаваніе среди мрака полярной ночи. Впрочемъ, довольно часто намъ освѣщали путь южныя полярныя сіянія, которыя Кукъ и Форстеръ впервые видѣли въ 1773 году.

Да!.. но это было уже не солнце, которое въ теченіе всего антарктическаго лѣта не скрывалось за горизонтомъ.

Изъ пассажировъ „Паракуты“ только одинъ боцманъ да Эндикотъ сохраняли свое обычное хорошее расположеніе духа и, казалось, не замѣчали даже всѣхъ опасностей нашего плаванія въ утлой лодченкѣ по широкой глади океана. Не говорю ничего также о невозмутимомъ Джимѣ Вестѣ, который умѣлъ смѣло встрѣчать лицомъ къ лицу самые неожиданные удары и при этомъ никогда не терялся. Что же касается обоихъ братьевъ Гай, то они были такъ счастливы, что встрѣтились-таки наконецъ, что ничего не замѣчали и ни о чемъ не думали.

Надо отдать справедливость нашему Герлигерли,— онъ умѣлъ не только самъ сохранять веселое расположеніе духа, но и поддерживать его и въ другихъ, и когда замѣчалъ, что кто-нибудь начинаетъ хмурить лобъ, весело говорилъ:

— Мы доберемся до пристани, братцы, право, доберемся!.. И если вы станете хорошенько считать, вы увидите, что за все время нашего путешествія удача беретъ перевѣсъ надъ несчастіями!.. Да!.. я знаю... нашъ голетъ пропалъ!.. Бѣдняжка „Гальбранъ“!.. Онъ поднялся точно воздушный шаръ, а затѣмъ свалился въ бездну точно лавина!.. Но въ награду за это айсбергъ донесъ насъ до берега, и тамъ мы нашли лодку, а въ ней капитана Уилльяма Гайя и его трехъ матросовъ!.. Будьте спокойны,— это теченіе и этотъ попутный вѣтеръ, которые такъ хорошо везутъ насъ до сихъ поръ, повезутъ и еще дальше!.. Мнѣ

---

*) Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ: лейтенантъ Джэмсъ Уилксъ отступалъ тринадцать разъ и въ, концѣ концовъ, все-таки, добился своей цѣли и довелъ „Vincennes“ до 56° 57′ южной широты, при 105° 20′ восточной долготы.

Ж. В.

даже кажется, что вѣсы судьбы тянутъ въ нашу пользу!.. У насъ столько козырей въ рукахъ, что мы никакъ не можемъ проиграть!.. Жаль только одно, что намъ придется высадиться на берегъ въ Австраліи или въ Новой Зеландіи, вмѣсто того, чтобы бросить якорь на Кергуэленахъ, въ Кристмасъ-Гарборѣ, предъ „Зеленымъ Бакланомъ“!..

И въ самомъ дѣлѣ, это было большое разочарованіе для друга мастера Аткинса, очень прискорбная случайность, съ которой, однако, не особенно трудно было и примириться!

Цѣлую недѣлю продолжали мы плыть все тѣмъ же курсомъ, не уклоняясь ни къ западу ни къ востоку, и только уже 21 марта съ бакборта „Паракуты“ не стало видно Гальбранъ-Лэнда.

Я все продолжаю называть такъ эту землю, потому что береговая линія ея тянулась, не прерываясь, до этой широты; а это давало намъ полное основаніе думать, что Гальбранъ-Лэндъ составляетъ одинъ изъ обширныхъ континентовъ Антарктиды.

Намъ не стало видно съ лодки земли только потому, что „Паракута“, благодаря попутному вѣтру и теченію, неуклонно стремилась къ сѣверу, тогда какъ береговая линія континента шла закругляясь къ сѣверу-востоку.

Хотя эта часть океана и не была скована еще льдами, но айсберги неслись по ней уже цѣлыми флотиліями. Для насъ это было, конечно, большимъ неудобствомъ, и мы съ большимъ только трудомъ пробирались тамъ, гдѣ айсберги сбивались очень тѣсно.

Съ той поры, какъ солнце скрылось за горизонтомъ, капитанъ Ленъ Гай не могъ уже опредѣлять ни широты ни долготы, такъ какъ опредѣленіе высотъ и широтъ по положенію звѣздъ было очень сложнымъ дѣломъ и на нашей утлой лодочкѣ нельзя было и думать заниматься этимъ. Мы рѣшились отдать себя на волю Провидѣнія и предоставили „Паракутѣ“ итти туда, куда ее гнало теченіемъ, т. е. къ сѣверу, судя по указаніямъ компаса.

Мы, впрочемъ, разсчитывали, принимая во вниманіе среднюю скорость хода лодки, что 27-го марта „Паракута“ должна находиться между шестьдесятъ-восьмой и шестьдесятъ-девятой параллелями, т. е. всего въ семидесяти миляхъ отъ антарктическаго круга.

Еще какая-нибудь сотня миль, и сплошные льды развернутъ свою неподвижную ледяную преграду, и, если только не окажется свободнаго прохода, придется огибать ее съ востока или съ запада. Но какъ только мы выберемся за нихъ, тогда...

А что будетъ тогда? За границей сплошныхъ льдовъ мы очутимся на утломъ суденышкѣ на необозримомъ пространствѣ Тихаго океана въ такое время года, когда на немъ особенно сильно свирѣпствуютъ бури и ураганы...

Но мы и не думали пока объ этомъ... Богъ не покинетъ насъ... Мы встрѣтимъ непремѣнно... Да!.. мы непремѣнно встрѣтимъ какой-нибудь корабль... Боцманъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ это такъ авторитетно, съ такимъ убѣжденіемъ, что не вѣрить ему было нельзя!..

Между тѣмъ, зима замѣтно начинала брать свое, начинались морозы, и намъ уже нѣсколько разъ приходилось разбивать, правда, еще тонкій слой льду, чтобы проложить себѣ дорогу. Термометръ показывалъ не больше четырехъ градусовъ (15° 56' С. ниже нуля). Мы сильно стра-

дали отъ холода и шквалов, которые то и дѣло налетали на наше суденышко, хотя и прикрывались всѣмъ, чѣмъ было только можно и даже одѣялами.

По счастью, у насъ было еще довольно много провизіи: консервированное мясо, три мѣшка сухарей и два нетронутыхъ боченка джину гарантировали насъ отъ голоду на нѣсколько недѣль. Что же касается прѣсной воды, то мы добывали ее растаивая ледъ.

Въ продолженіе шести дней, до 6-го апрѣля, „Паракутѣ“ пришлось итти проходами между сплошными льдами, гребень которыхъ поднимался на высоту отъ семи до восьмисотъ футовъ надъ поверхностью моря. Крайнихъ предѣловъ ихъ мы не могли видѣть ни на востокѣ ни на западѣ, и, если наша лодка не найдетъ дальше свободнаго сквознаго прохода, намъ такъ и не выбраться изъ нихъ въ Тихій океанъ.

Наконецъ, счастье поблагопріятствовало намъ, и мы не только нашли проходъ, но даже и прошли имъ черезъ всю площадь сплошныхъ льдовъ, хотя и подвергались при этомъ очень большой опасности. Нужна была вся энергія, вся отвага и все искусство какъ матросовъ, такъ и ихъ начальниковъ, чтобы благополучно выпутаться изъ бѣды. Братьямъ Лену и Уилльяму Гай, лейтенанту Джиму Весту и боцману мы обязаны вѣчной благодарностью.

Наконецъ-то, мы попали въ воды южной части Тихаго океана, хотя во время этого долгаго и труднаго переѣзда наше суденышко сильно пострадало. Конопатка мѣстами вылѣзла, обшивка грозила расползтись и вся она по швамъ начала течь. Мы безпрестанно отливали воду, но это, все-таки, помогало очень мало, и намъ грозила серьезная опасность.

Счастье еще, что вѣтеръ былъ тише и море спокойнѣе, чѣмъ можно было ожидать, а иначе намъ не миновать бы вѣрной гибели.

Въ довершеніе бѣдъ, мы до сихъ поръ не встрѣтили ни одного корабля, ни одинъ китоловъ не проходилъ вблизи по этимъ излюбленнымъ мѣстамъ, гдѣ обыкновенно охотились на китовъ во время сезона. Дѣло въ томъ, что послѣдніе китоловы покидаютъ эти мѣста въ концѣ апрѣля, а мы явились съ опозданіемъ на нѣсколько недѣль...

Кромѣ того, попади мы сюда двумя мѣсяцами раньше, мы встрѣтили бы суда американской экспедиціи.

И въ самомъ дѣлѣ, 21 февраля, подъ 95° 50′ долготы и 64° 17′ широты, лейтенантъ Уилксъ изслѣдовалъ эти моря на одномъ изъ своихъ кораблей, „Vincennes“, и при этомъ опредѣлилъ протяженіе береговъ, тянувшихся на семьдесятъ градусовъ отъ востока къ западу. Затѣмъ, съ наступленіемъ зимняго времени года, онъ повернулъ на другой галсъ и направился въ Гобартъ-Таунъ, въ Тасманіи.

Въ томъ же году экспедиція французскаго капитана Дюмонъ д'Юрвилля, отправившагося вторично въ 1838 г. къ полюсу, 21-го января усмотрѣла землю Адели подъ 60° 30′ широты и 38° 21′ восточной долготы, потомъ, 29 января, берегъ Клэри подъ 64° 30′ и 129° 54′. Исполнивъ свою миссію и сдѣлавъ важныя открытія, „Astrolabie“ и „Zélée“ покинули антарктическій океанъ и тоже взяли курсъ на Гобартъ-Таунъ.

Итакъ, ни одного изъ этихъ судовъ уже не было въ этой части Тихаго океана. Поэтому когда „Паракута“, эта орѣховая скорлупа, оказалась одной за границей сплошныхъ льдовъ среди водяной пустыни океана, невольно отчаяніе закралось въ душу каждаго изъ насъ.

Полторы тысячи миль отдѣляли насъ отъ самыхъ ближайшихъ земель, а зима наступила уже цѣлый мѣсяцъ...

Даже самъ Герлигерли и тотъ долженъ былъ признаться, что послѣдняя счастливая случайность, на которую онъ такъ разсчитывалъ, видимо, не приходила къ намъ на помощь...

6 апрѣля мы израсходовали послѣдніе остатки провизіи; вѣтеръ началъ свѣжѣть, и волны такъ страшно заливали лодку, что мы считали себя уже погибшими.

— Корабль!

Эту радостную вѣсть объявилъ боцманъ, а вслѣдъ за тѣмъ и мы замѣтили судно въ четырехъ миляхъ къ сѣверо-востоку...

Мы сейчасъ же подняли сигналы; тамъ замѣтили ихъ. Корабль легъ въ дрейфъ и спустилъ на воду большую лодку, которая на веслахъ направилась къ намъ.

Это была „Тасманія“, трехмачтовая американская шкуна изъ Чарльстоуна, на которую насъ приняли радушно.

„Тасманія“ шла съ Фальклandскихъ острововъ, гдѣ и узнала, что семь мѣсяцевъ тому назадъ англійскій голетъ „Гальбранъ“ отправился въ южныя моря на поиски экипажа съ „Джэнъ“. Но такъ какъ зима приближалась, а голетъ не возвращался, то экипажъ „Тасманіи“ рѣшилъ, что „Гальбранъ“ погибъ со всѣмъ имуществомъ въ антарктическихъ областяхъ.

Двѣ недѣли спустя, „Тасманія“ высаживала въ Мельбурнѣ, въ провинціи Викторіи, въ Новой-Голландіи, небольшое число людей — все, что осталось въ живыхъ изъ экипажа обоихъ голетовъ, и тамъ же получили наши матросы вполнѣ заслуженныя ими награды.

Здѣсь по географическимъ картамъ мы опредѣлили, что „Паракута“ вышла изъ пролива въ Тихій океанъ между землей Клэри, открытой Дюмонъ д'Юрвиллемъ и землей Фабриція, открытой Бэллени въ 1838 г.

Такъ окончилась эта полная приключеній и необыкновенная кампанія, стоившая,— увы! — слишкомъ многихъ жертвъ! И хотя мы и проникли къ южному полюсу много дальше нашихъ предшественниковъ, хотя мы пересѣкли даже осевую точку земного шара,— сколько еще важныхъ открытій остается сдѣлать въ этихъ областяхъ!

Артуръ Пимъ, герой, прославленный Эдгаромъ Поэ, указалъ дорогу... Пусть другіе послѣдуютъ нашему примѣру и попытаются пройти этимъ путемъ; пусть другіе вырвутъ у ледяного сфинкса послѣднія тайны Антарктиды!

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.